

84(2-532.1)5
А 285

АРЖАН АДАРОВ

Адаров А.О. Гордое имя твоё // Избранное:
стихотворения и поэмы. – Барнаул, 1985. – С. 282-284.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

МО Т. I млн. 3. 2146—85

52535

АРЖАН АЦАРОВ

ИЗБРАННОЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

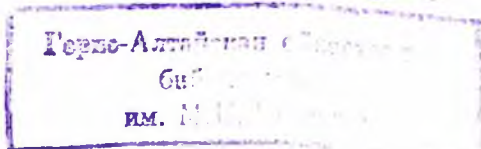
ПЕРЕВОДЫ С АЛТАЙСКОГО

БАРНАУЛ
АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985

84(2)=532.1/6-5
P2
A28 5

452535 ✓ 0

Адаров В. О.
A28 Избранное: Стихотворения и поэмы /Предисловие В. И. Чичинова. — Барнаул: Алт. кн. изд., 1985. — 304 с.

Книга избранных произведений известного алтайского поэта А. Адарова — итог почти трех десятилетий его творчества.

Выросшее на национальной почве, оно питается соками народной жизни, и поэтому историческая судьба алтайского народа до революции и в советское время показана А. Адаровым исключительно достоверно.

A $\frac{4702010200-48}{M138(03)-85}$ 85—34

P2

© Алтайское книжное издательство, 1985

САМОБИТНЫЙ ПОЭТ

«Избранное» — не просто сумма сделанного, не просто переиздание широко известного и выдержавшего проверку временем. Это итог тридцатилетних размышлений поэта о жизни и человеке, об истории и современности, о месте человека на земле и о роли народа в историческом процессе.

Но прежде о генеалогии.

Многое дали алтайской поэзии фольклор, поэты 20—30-х годов. Многие дали алтайской поэзии Павел Кучняк, но послевоенная алтайская поэзия не повторила его дороги.

Говоря о третьем поколении алтайских поэтов, мы говорим прежде всего о Л. Кокышеве, А. Адарове, Э. Палкине. Их вклад в родную поэзию неоценим. Благодаря им стала она тем, чем является сегодня — феноменом духовной жизни народа.

Общие для алтайской поэзии темы нашли в творчестве А. Адарова неповторимо национальное личностное выражение.

Вклад Адарова в алтайскую поэзию заключается в осмыслении национальной истории своего народа в широком общенациональном контексте истории страны. И в то же время его поэзия — это то, что родилось под звездами Горного Алтая, струящими свой свет над перевалами.

Есть у Аржана Адарова программное стихотворение, которое называется «Поэзия». Оно об истоках всего для него дорогого, в том числе и творчества. Оно о родниках, питающих его поэзию, о корнях, гонящих ее ввысь.

Овечьей шерсти запах кисловатый,
Улыбкой — месяц в зеркале ручья,
Труды и дни, рассветы и закаты —
Все это ты, поэзия моя!

Ты — горы заповедного Алтая,
Ты — песнь чабанки, матери моей,
Ты — все, к чему душою припадая,
Я становлюсь сильнее и мудрей.

Ты — все. Ты — жизнь, то добрая, то злая.
Сибирь. Москва. Пути в межзвездной мгле.
Ты в час предгрозя — первая, сквозная,
Медлительная капля на стекле...

...А. Адаров родился 15 июня 1932 года в долине Каярлык, в семье чабана. Рано начал помогать матери, которая работала чабаном, вместо погибшего на фронте отца.

Стихи стал писать в детстве. На первые поэтические опыты оказали влияние гортанные песни кайчи-сказителей (любовь к ним

он пронесет через всю жизнь и творчество) и то, что видел мальчик вокруг себя. Эти два истока — начало того единого пути, который приведет Аржана в большую поэзию. Но прежде чем это произойдет, он окончит областную национальную школу и Литературный институт имени А. М. Горького вместе со своими друзьями Лазарем Кокышевым и Эркеменом Палкиным. В поэзию его поведет и разнообразная трудовая деятельность, связанная с подъемом и укреплением культуры Горного Алтая: издатель, секретарь Горно-Алтайского ГК КПСС, ответственный секретарь Горно-Алтайской писательской организации.

Первая книга «Урсул» увидела свет в 1956 году. С тех пор пройден большой творческий путь: пятнадцать книг на родном языке и шесть на русском. Печатался неоднократно на языках народов СССР и за рубежом.

Разнообразна тематическая палитра адаровской поэзии. Особой популярностью в народе и у читателей пользуются его чеканные стихи о Родине большой и малой, о Владимире Ильиче Ленине, о Коммунистической партии. В этом основной пафос многообразного творчества Аржана Адарова и пафос этот, следует заметить, неотделим от исторического подхода к материалу.

Поэзия Адарова всегда была современной, но современность в его стихах — не сиюминутность. Она продолжение истории, она вытекает из нее, предопределена ею. Именно такой подход к современности и плодотворен сегодня. Он лежит в основе творчества самобытного алтайского поэта, заставляя его пристальнее вглядываться в быстробегущий день Горного Алтая и в его историю, постигать народное мироощущение.

Они трудились много, вечно, щедро,
Не зная лени, — эти две руки.
Их пальцы крепки, словно корни кедра,
И, как поля, ладони широки.

Ничего не знаю в алтайской поэзии лучше этого стихотворения, рисующего алтайца во весь рост: сделано реалистически, без какой-либо ложной идеализации.

Они траву пластали и стелили,
В дугах косой отточенной звеня;
Они в далекой юности валили,
Схватив за гриву, доброго коня...

...Посыпал пепел смоляные пряди.
На лбу невзгоды провели черты.
Но поселилась в просветленном взгляде
Задумчивая мудрость доброты...

Не напиши поэт ничего больше, счастливо найденная емкая, образная «задумчивая мудрость доброты» могла бы украсить любую поэтическую антологию о человеке труда и человеке вообще.

В поэзии Адарова чаще всего видна не отдельная личность, какой-либо эпизод, а картина целого, воссоздаваемая из типичного в жизни народа. Для него характерно стремление не к отражению действительности, а стремление к ее философскому постижению и осмыслению. Поэтому он так много размышляет в стихах: о любви,

...Осенней ночью хмурю,
От пуль заговорен,
Проходит по Даурии
Алтайский эскадрон.
Идет, как шел он некогда,
В былые времена,
Но песен петь там некому
И тихи стремена...
Идет стальная конница,
И ветер знамя вьет,
И никогда не кончится
Бессмертный тот поход.

Конечно, тот революционный поход не кончится, ибо революционный процесс неостановим: «седлает коня революции вестник — мексиканец, похожий лицом на алтайца».

Сказанное позволяет заметить, что именно интернационализм делает поэзию Адарова философичной, а самого его поэтом-философом. Философичность определяется не только содержанием, но и формой произведений. Мировоззрение поэта входит в кровь и плоть его стихов, придавая им широкую масштабность, заставляет еще внимательнее всматриваться в судьбу свою и своего народа.

И тогда уж герой не просто часть природы, он — часть истории. Даже интимная лирика поднимается до уровня нравственных обобщений и обогащает наш духовный мир. Она тоже имеет значение этической меры и поэтизирует женщину, любовь как лучшие проявления жизни.

Наша встреча, глаза твои, звезды над чащей
И тропинка, где шли мы в предутренней мгле, —
Все вместилось теперь в этот резкий, слепящий
Белый блеск, снежный блеск на оконном стекле!

Чтобы полнее раскрыть тему времени и Горного Алтая, поэт использует многие жанры, начиная с миниатюр и кончая поэмами. В поэмах все, что в его лирике. Только шире обобщения и глубже философичность, совсем как в героическом эпосе, пропаганде и изданию которого поэт отдал много сил.

В пути, как факел, поднимаю Слово —
Пусть светит в обе стороны оно,
Пусть озарит и глубину былого,
И то, что лишь настать еще должно!..

За плечами больше 50 лет жизни, вышло «Избранное», но в главном Аржан Адаров остался прежним. Все так же яростно не принимает он все то, что уродует жизнь на планете. Та же приверженность к лирике, к сатирическим краскам, к саркастическим интонациям, когда речь заходит о тех, кто сегодня готов взорвать землю, которую поэт в начале своего творческого пути назвал «мой шарик, родная планета»...

Аржан Адаров тот же. Он верен себе. И сегодня он остается тем же, кем был всегда. Гражданином. Борцом. Художником.

В. Чичинов

ЗЕЛЕНАЯ ВЕТКА КЕДРА

В пути, как факел, поднимаю Слово —
Пусть светит в обе стороны оно;
Пусть озарит и глубину былого,
И то, что лишь настать еще должно!

Нам нужно знать и видеть все преграды,
Самих себя осмыслить и понять —
И я тянусь. Я чувствую: мне надо
Как можно выше факел свой поднять.

Пусть мне твердят: а вправду ль нужно это,
Ведь с давних пор и вплоть до наших дней
Есть на земле великие поэты —
Их светочи, конечно, посильней.

И горный кряж, и тихие долины
Озарены их гением, а ты
Сумеешь ли достичь хоть половины
Их светлой и державной высоты?

Я соглашаюсь коротко: едва ли!
Но сердце говорит мне: освети,
Как малый костерок на перевале,
Хотя бы часть великого пути!

1977

Стреляют почки, как хлопушки.
Луна, как хлеба каравай.
Поет кукушка на опушке:
— Родимый край не забывай!
Мигают звезды мне устало,
Тоска на сердце — через край.
Гудки гудят на всех вокзалах:
— Не забывай родимый край.
Опять весна стучится в сердце:
— Скорей вещички собирай,
Душе своей и мне доверься —
Не забывай родимый край!

1956

БРАТ

Мой брат — кузнец.
Он чародей у горна.
Ты, друг, таких умельцев
не видал.
Тяжелый молот
мягко и проворно
Послушней воска делает
металл.
Поет металл...
И песня льется в небо.
Рождает молот зубья,
лемеха...
Я, наблюдая, думаю:
«И мне бы
Вот так ковать детали
для стиха!»
Но слово тверже всякого
металла.
Не гнется слово —
этакий сырец!
— Ты стих, видать,
накаливашь мало! —
Сказал мне улыбаясь
брат, кузнец.

1956

КАЯРЛЫК

Меж скал крутых и недоступных
Звенел и искрился родник.
В твоих лесах, высоких, шумных,
Узнал я радость, Каярлык.

По склонам гор, что в дымке сненей,
Пасти отару я привык,
Там запах я вдыхал полыни,
Там песни пел я, Каярлык.

Однажды лесом шел смолистым,
Шел босиком я напрямик,
От трав и от цветов душистых
Вмиг опьянел я, Каярлык.

Носил на сердце много ран я,
Но исцелил их твой родник.
Ты дал мне мужество дерзання,
Ты дал мне крылья, Каярлык.

Я сын твоих вершин небесных,
Долин и речек голубых.
И без тебя, как и без песни,
Жить не могу я, Каярлык.

1956

В горах Джайлау колыбель моя,
Поближе к тучам, что плывут высоко.
У края ледников родился я,
Поближе к звездам, где летает сокол.

И сердце я оставил, не тая,
В родном краю, где голубые горы.
Там навсегда осталась песнь моя —
В густых лесах, где листьев тихий шорох...

1958

Я люблю тебя, Родина,
Каждой слезой,
Я люблю тебя, Родина,
Каждый улыбкой.

Чуть сощурюсь —
И горы встают полосой,
Чуть прислушаюсь —
Кедр запекает, как скрипка...

1958

Где начало, где конец вселенной?
Нет ей ни начала, ни конца!
Смотрят люди с жадной неизменной
В звездный мир, как мальчики с крыльца

Тысячи вопросов ждут ответа.
Звезды интригующе молчат.
Скоро межпланетные ракеты
К ним сквозь время в гости нас домчат.

Но неутоленной, неизменной,
Жажда сердца будет жить и там,
Где начало, где конец вселенной?
Где начало, где конец мечтам?..

1958

У ОГНЯ

На горе, беснуясь, вьюга злится.
Ветер бьет в оконное стекло.
Но в печи огонь дрожит, искрится,
И струится в душу мне тепло.

Наши горы дики и угрюмы,
Их и не увидишь в снежной мгле,
Но легко дыханье, чисты думы,
Сладко ноют мускулы в тепле.

А в трубе гудит, желтея, пламя.
Хорошо сидеть мне у огня,
Воскрешая о дороге память,
Что сквозь вьюгу вывела меня.

Лучшей песни ты, огонь, достоин —
Ты морозу не даешь войти...
Друг-огонь, и в сердце будь как воин,
Чтобы холод победать в пути!

Ты со мной — и пусть пурга курится —
Пусть лютует вьюга за окном...
С другом за ночь не наговоришься —
Я не одинок с тобой вдвоем.

Путник, по тайге бредя сквозь вьюгу,
Заверни на мой огонь в ночи
И, согревшись, спой-ка песню другу,
Ту, что жарче пламени в печи!

1959

МОЯ ПЕСНЯ

Овечьей шерсти запах кисловатый,
Улыбкой — месяц в зеркале ручья,
Труды и дни, рассветы и закаты —
Все это ты, поэзия моя!

Ты — горы заповедного Алтая,
Ты — песнь чабанки, матери моей,
Ты — все, к чему душою припадая,
Я становлюсь сильнее и мудрей.

Ты — все. Ты — жизнь, то добрая, то злая.
Сибирь. Москва. Пути в межзвездной мгле.
Ты в час предгрозя — первая, сквозная,
Медлительная капля на стекле...

Пусть буду брошен женщиной родною,
Пусть предадут случайные друзья,
Все вынесу — лишь будь всегда со мною
Везде, во всем, поэзия моя.

Иного счастья не ишу на свете,
Чем день за днем с тобой встречать зарю
С тобою вместе быть за все в ответе
И знать, что людям правду говорю!

1959

ПЛАНЕТА

Повиснув на солнечных нитях,
Летишь ты, мой шарик, в веках,
Весь — в песнях, колосьях, событиях,
Тревогах, мечтах, облаках.

Иду по тебе я, счастливый, —
И травы светлы от росы,
И рядом колышется нива,
Расставив антенны-усы.

Чему она чутко внимает,
Несчетный встречая рассвет?
Быть может, она принимает
Грядущего дальний привет?

Мой шарик, родная планета,
Здесь, многие муки стерпя,
Мы вышли из сумерек к свету
И к звездам взлетели с тебя!

И столько чудесных традиций
От солнца сумели зажечь...
Так мне ли тобой не гордиться,
Так мне ли тебя не беречь?

Но знаю: на дальнем просторе
Не только поет соловей.
Есть бедность, и голод, и горе,
И слезы — морей солоней.

И падают смелые люди
В сраженьях — во имя мечты...
Но все-таки нет и не будет
Планеты прекрасней, чем ты!

Надежда моя и отрада!
Мечтая, борясь и любя,
В походе стократ, если надо,
Паду я — и лягу в тебя,

Лишь только бы, в зелень одета,
Неправду и зло покарав,
Летела бы к счастью планета,
Мой вечный, мой звездный корабль!

1960

РУКИ

Они трудились много, вечно, щедро,
Не зная лени, — эти две руки.
Их пальцы крепки, словно корни кедра,
И, как поля, ладони широки...

На них с годами жилы стали резче,
А кожа зарубела, что кора.
Они для трубки, как стальные клещи,
Берут горячий уголь у костра.

Они траву пластали и стелили,
В лугах косою отточенной звеня;
Они в далекой юности валяли,
Схвátив за гриву, доброго коня!

...Посыпал пепел смоляные пряди.
На лбу невзгоды провели черты.
Но поселилась в просветленном взгляде
Задумчивая мудрость доброты.

Сидит, глаза сквозь дым табачный щуря,
Как древний кедр, в тумане видный чуть:
Над ним промчались годы, словно бури,
Но не смогли сломать или согнуть!

Порой скучают без работы руки...
Недолго на коленях полежат —
И мастерят, чтоб радовались внуки,
Из дерева зайчат и медвежат;

А ночью зимней, синей, долгой, снежной,
С мороза отогретые в тепле,
Вдруг, грубые, струны коснутся нежно —
И песня возникает на земле...

1962

ДУМЫ У ЧЕРНОГО МОРЯ

Так здравствуй, море! Синева сплошная,
От корабля широкий пенный след...
Давным-давно, — я это с детства знаю, —
Бродил вот здесь любимый мой поэт.

Он вдаль смотрел, где парус легкокрылый
Белел, стремясь к далеким берегам.
«Шуми, шуми, послушное ветрило», —
Звучало здесь впервые в такт шагам.

Здесь каждый день по горным тропкам диким,
Лелея в сердце дерзкие мечты,
Он шел к тебе. Он был, как ты, великим
И лишь не мог свободным быть, как ты.

Здесь шли у вас беседа за беседой
О горестной скитальческой судьбе...
Верни ж свой долг — и мне о нем поведай,
Как он сумел поведать о тебе!

Ты хмуришься? Я чувствую, конечно,
Задача эта — многих потрудней:
Как рассказать о жизни бесконечной
За столько-то земных недолгих дней?

Как рассказать? Вместить в какие сроки
Поэму о бессмертии певца?
Под морем — ночь, и волны, словно строки,
Бегут ко мне,
и нет волнам конца...

1962

ЛЕНИН И СОЛНЦЕ

По утрам, когда спешу я летом
На работу в нашем городке,
Вижу: в сквере, зеленью одетом,
Ленин держит солнце на руке.

Никакого нет, конечно, чуда,
Просто время — возле девяти...
Ленин солнце поднял из-под спуда,
Улыбнулся и сказал: «Свети!».

Это солнце мой народ веками
Не видал: с нуждою воевал,
Спину гнул под байскими пинками —
Голову поднять не успевал.

По утрам, когда спешу я летом
На работу в нашем городке,
Вижу: в сквере, зеленью одетом,
Ленин держит солнце на руке.

Говорю, предельно откровенен:
Что о совпадениях гадать?
Знаю точно: если бы не Ленин,
Мне бы тоже солнца не видеть!

1962

О КАРТИНАХ ГУРКИНА¹

1

Здесь горы удивительно прекрасны,
И отойти не в силах ни на шаг!
Пусть мне твердят, что, мол, сужу пристрастно,
Что говорить: пристрастен я — но как?

Уж мне ль не знать родных вершин Алтая,
Уж мой ли не придиричив строгий глаз!
А вот гляжу, все точно узнавая,
И в то же время словно в первый раз.

¹ Г. И. Гуркин (чорос Гуркин) — талантливый художник-алтаец, ученик И. И. Шишкина.

Какой волшебник, дерзкий и упрямый,
Гигантов перенес на полотно?
И те вместились в маленькие рамы,
Гигантами оставшись все равно!..

2

А он ведет, ведет меня все выше
И краски обновляет каждый миг...
Вот чудеса — я вижу ветер!

Вижу!

Плесканье вод,

шум веток,

птичий крик!

Земная даль все шире, все чудесней!

Вот луг в цветах. Вот юрта чабана.

Простор и ясность.

Здесь должна быть песня! —

Я чувствую...

И слышу: вот она!

Эх, побежать бы весело вдогонку,

Дышать весной, заботы забывать,

Лежать в траве,

речонку, как девчонку,

Горячими губами целовать...

3

А он ведет, ведет уже сквозь годы

Смущенного, смятенного меня.

Вот прошлое. Среди толпы народа

Шаман, как вихрь, танцует у огня.

Он людям лжет! Он яростен и буен,

Он таинство недоброе творит.

Он, содрогаясь, бьет в тяжелый бубен,

Он с грозными богами говорит.

Скользит по травам тень его косая,

И отблески — как жертвенная кровь.

Он мечется по кругу, исчезая

В ночной тени и появляясь вновь...

А мы идем... Вот белая Белуха,
И дымка чуть заметная дрожит.
Вот меж хребтов, как в чаше, Горных Духов
Таинственное озеро лежит.

Оно лежит в прямом и резком свете,
Будь осторожен — может ослепить!..
О где, художник, взял ты краски эти,
Которых в магазине не купить?

Я знаю, да! Воистину влюбленный
В тот край, которым жил ты и дышал,
Ты к синей краске, желтой и зеленой
Лучи родного солнца подмешал.

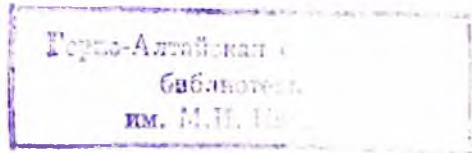
И всех цветов живые ароматы,
И чистый, ясный воздух высоты,
И песни, недопетые когда-то,
И дерзкие бессмертные мечты!

Повсюду, этикеток не читая,
Узнать смогу я, близкую до слез,
Твою работу, Гуркин, сын Алтая,
Четырежды прославленный Чорос.

Не лезу я с ценителями в споры,
Лишь знаю твердо всей душой своей:
Не может умереть

народ, который
Таких, как ты,
рождает сыновей!

1962

452535

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

...И снова
Небеса поголубели,
Цветы и травы
Пахнут тишиной,
Лежу в траве,
Как будто в колыбели,
И солнце
Наклонилось надо мной.

Эй, ветер с гор,
Слети сюда в долину,
Шатер ветвей
Дыханием качни...
Пусть шепчут кедры
Мне свою былинку,
Как старые
Сказители-кайчи!

Пусть прибегут
Кудрявые ягнята,
Теснясь вокруг.
Обступят мой привал.
Мы вспомним вместе,
Как не раз когда-то
Я с ними
Перевал
Одолевал.

Я брал усталых
На руки в дороге,
Замерших
Согревал своим теплом...
Так лет семи
Я заслужил в итоге
Чабанский, трудный
Первый мой диплом!..

Я жил в столицах,
Где авто и трамы,
Над книгами склонялся в
тишине.

Но не забывал,
Как пахнут солнцем травы:

Мой голос вновь
По-юношески звонок,
Все тот же я,
Что с детства вам знаком...
Лежу в траве —
И сосунок-ягненок
Мне лижет руку
Узким язычком.

1963

ПАРНИ ГОР И СТЕПЕЙ

В цветастом платье модница-москвичка,
Гвоздь-каблучок, высокая прическа,
На нас, приезжих, смуглых, грубоватых,
Ты не гляди с усмешкой, свысока!
На лицах наших — яростное солнце,
В пути нам ветры обточили скулы —
Те ветры, что обтачивают скалы
И, разогнавшись, мчатся по степям!
Дыханье диких трав, потоков свежесть,
Желанный запах зреющего хлеба
У нас в крови навек растворены...
Вот хлопкороб в узбекской тюбетейке,
Расшитой и квадратной. Он оттуда,
Где на полях выращивают ситец,
Где, между прочим, выросло и платье,
Которое купила ты вчера.
А вот целинник. Он из Казахстана.
Он знает хлебу истинную цену —
Не ту, что на квадратиках картонных
Обозначает каждый магазин.
Вот сибиряк с тяжелыми бровями,
Донской рыбак, уральцы и кубанцы,
Кавказский загорелый виноградарь —
И с гор Карпатских славный сыродел...
А я с высоких, снежных гор Алтая,
Из тех, кто с песней за отарой ходит
И с песней ночь проводит у костра...
Так не глядите, модницы, гордячки,
На нас с таким обидным любопытством,
Не проходите мимо равнодушно,
Усмешек не кидайте свысока!

Сумейте просто, добро улыбнуться...
Мы вас оденем в радужные ткани —
Еще красивой станете тогда вы,
Мы белый хлеб на стол положим снова
И к вашим свадьбам припасем дары.
Так улыбнитесь, гордые! Поверьте,
Нам это нужно, а для вас — нетрудно,
Одна улыбка — и шагайте дальше...
А мы спешим. У нас дела в Кремле.
В кремлевский зал нас нынче пригласили
Для деловой беседы, для совета,
Нас многое волнует и тревожит,
Нам есть о чем при встречах говорить!
А завтра мы разведемся. И снова
Мы сапоги рабочие натянем,
И выйдем в поле, и положим руки
На круглые головки рычагов.
Вот говорят о нас: простые люди...
Не столь уж мы простые! Если надо,
Мы ночи проведем над микроскопом,
Мы в чертежи внесем свои поправки
И песни сложим ночью у костров.
Так улыбнитесь, девушки...

1963

ГОРНАЯ РЕЧКА

Маленькая дочь родного края,
Ручеек, речушка — не река,
По камням ты прыгаешь, играя,
И, смеясь, щекочешь им бока.

Знай резвишься, будто дети в школе,
Шалости нехитрые творишь...
Но послушай, речка: далеко ли
Ниточка дотянется твоя?

Малыми силенками своими
Победишь ли трудности в пути?
Пропадешь в песках и даже имя
Так и не успеешь обрести...

И она в ответ прошелестела:
— Да, слаба я. Да, нелегко путь.

Но, поверь, совсем не в этом дело —
Ну-ка стань внимательней чуть-чуть!

Невдали отсюда, где опушка,
Слышишь — тоже рокот меж камней:
Там спешит навстречу мне подружка,
Даст мне руку — вместе мы сильней!

Там, подальше, с гор несутся братья,
Озорной, решительный народ,
Заклучат при встрече нас в объятия
И закружат. И помчат вперед!

Разольемся вместе на просторе,
А потом, под звездами блестя,
Донесем, быть может, и до моря
Веточку, что бросил ты шутя!

Ну а ты — сказать я тоже вправе, —
Ладен ты собою и высок,
Но мечты о подвигах и славе
Не уйдут ли попусту в песок?

Сможешь ли один, своею силой,
Одолеть препятствия в пути,
Или сгинешь, слабый и бескрылый,
Имя не успевший обрести?..

Так шептала речка понемногу —
Или сам все это думал я?
...Нам пора в далекую дорогу.
В добрый час! Обнимемся, друзья!

1963

ЧУЙСКАЯ ДОРОГА

Чуйская далекая дорога,
Вся посеребренная зимой,
Чуйская далекая дорога,
Вьешься ты по склонам гор змеей.

На хребте высокой Вечной Гривы
Ты, как перекинутый аркан,

В тучах наверху твои извивы,
А внизу нырнула ты в туман.

Чуйская далекая дорога,
Песня спутницей твоей была,
Чуйская далекая дорога,
Жизнь, как песня, по тебе прошла!

У шофера век в пути-дороге.
Ты длинна, трудна — не отдохнуть.
Вон Катуня пенятся пороги...
Пой, водитель, — веселее путь!

Коль машины сердце замолчало,
С нею вместе мерзнет и шофер,
Стонет ветер, запевая в скалах,
И сугробы, как подобья гор...

Но, встречая ветер, снег и бурю,
Фары протыкают темноту,
Не смыкай глаза, шофер, понурясь,
Руль держи, ты нынче на посту!

Вот Чике-Таман!..

Поют метели,
Нелегко шоферу — он устал.
Шум Катуня слышен еле-еле,
И задумались громады скал...

Чуйская дорога пробегает
Током крови, что живет сердца...
Путник песню тихо напевает...
Горы спят.
Дороге нет конца...

1963

ДОЧКЕ

Ты уснула. Как дыханье ровно!
Как тиха полночная пора!
И глазенки маленькие, словно
Два цветка, закрылись до утра.

Чуть заметно вздрагивают губы,
Сон твой легок и по-детски прост...
Город спит, закутан теплой шубой
Ночи — в ярких пуговицах звезд.

Лишь отец твой, жизнь свою листая,
С думами не спит наедине.
Ты не слышишь, как с вершин Алтая
Песня приближается ко мне!

В сладкий плен захваченная снами,
Тихая и теплая, пока
Ты не видишь, дочка: встал над нами
Купол неба вместо потолка.

Ты не видишь: позванные мною,
Все цветы с полей родной земли
Пестрой шелестящею волною
У твоей кровати расцвели.

Ты увидишь это — будут сроки, —
Сможешь все услышать и понять...
Но едва написанные строки
Накрест перечеркнуты опять,

Потому что на земном просторе
Не одни цветы и синева:
Есть борьба, тревоги, слезы, горе,
Гневные и горькие слова.

Не на жизнь, а на смерть длится схватка,
Жизнь и смерть сошлись на «пяточке»
В тесном мире, где твоя кровать
Встала в затаенном уголке.

Я — отец. За жизнь в ответе дважды,
Я стоять не вправе в стороне...
Оттого я, дочка, ночью каждой
С думой остаюсь наедине!

1967

Нет,
я не Прометей,
Я алтайский кайчи¹,
Но меня
бог жестокий
к скале приковал,
Грудь мою
дракон рвал из Урумчи,
И двуглавый орел мое сердце клевал.
Мое сердце.
Мои, точно звезды, глаза...
Чтоб не видел я в черной ночи ни зги.
И когда
на глаза набегала слеза,
Как они веселились, мои враги!
О пощаде врагов никогда не моли.
И хоть был я прикован
К скале ледяной —
Пел я братьям моим,
и враги мои
Ничего не могли поделать со мной!
И летели искры из сердца в ночь,
Озаряя рабства страшную ночь.
Так старался я братьям своим помочь,
Чтоб сумели злую судьбу превозмочь.
О Алтай мой,
с белых твоих вершин,
От застывших стен ледяных белков
Я,
твой в вечные цепи закованный сын,
Над тобою склонялся столько веков!
Плакал я
и песни пел о тебе,
О тебе,
о горькой твоей судьбе.
Нет, я не Прометей,
но прикован я был
Той же цепью тяжелой к скале ледяной.
Кто меня ни терзал,
кто меня ни бил,

¹ Кайчи — певец, сказитель, импровизатор.

СМЕРТЬ КОЛХОЗНИКА

Тяжелым был его последний день.
И казалось, что верхом он едет где-то,
А конь неслышно движется,
Как тень,
И с каждым шагом —
Меньше,
Меньше света.
Так трудно он из жизни уходил:
Глаза закрыты,
Губы почернели.
Вот губы облизнул (хватило сил)
И —
Шепот, различимый еле-еле:
«Не забывайте детей, люди...
Не обижайте жену, люди...
А я...
Я петь сейчас хочу...
Ведь без песни пастух никогда не уезжает...»

И в предсмертном бреду он зашел.
Непонятные, хриплые звуки.
Отдыхают впервые от дел
Уже ставшие мертвыми руки...
Закричала, забилась жена.
А потом — тишина.

Тишина.

Тишиною накрыт его дом,
Словно речка, накрытая льдом.
В дом этот тихий люди заходят,
Вздыхнут,
Постоят,
На работу уходят.

На дворе слышится стук — это гроб мастерят.
Председатель могилу посылает копать,
И уводит осиротевших ребят
Сердобольный сосед к себе ночевать.
Вся деревня в путь снаряжает его,
Вся деревня ночами не гасит огней,
Вся деревня не спит, поминая того,
Кто не знал никогда праздно прожитых дней.
Поминает того, кто навеки замолк,
Честно выполнив свой долг.

Вот лежит он в гробу,
Спокоен и тих,
В первый раз позабыв о заботах своих,
Непохожий,
Черный, словно чугу́н,
И нет дела ему, где колхозный табун.
А ведь он его больше жизни берег,
Ледяными ночами в горах стерег.
Вот лежит он,
Новый на нем пиджак —
Редко в жизни своей одевался он так!

Вот подняли сельчане его,
Понесли.
И на кладбище,
На берегу реки,
Вырос маленький холмик черной земли,
Черный холмик,
Как точка в конце строки.
(А далеко в горах заржал его конь,
Ткнулся мордой в шершавую чью-то ладонь.)
Помянули его хмельной аракой.
Кто-то тут же бутылку о камень разбил —
Издавна существует обычай такой.
Прожил жизнь человек.
Он страдал и любил,
Он в трудах и заботах
Был ночью и днем.
Что осталось миру на память о нем?

Ничего!
Только песня пастушья его,
Да еще трудовая слава его,
Да еще им выращенные стада,
Да еще им сметанные стога.
Да еще осталась его вдова,
Да еще старушки одной слова,
Что сказала, слезинку смахнувши с век:
«До чего же хороший был человек...»

МАТЕРИ НАШИ

Годы пройдя и дороги пройдя,
Мы к матерям приходим своим.
Дети, мы ласки маминой ждем.
Молча, как в детстве, рядом сидим.
С болью на сердце к маме идем.
Чтоб отогреться, к маме идем.
«Здравствуй, мама!
Как живешь, мама?»
Все ты обрел или все потерял,
Дряхлым ты выглядишь иль молодым, —
Все мы приходим к своим матерям,
Все к матерям приходим своим.
Словно в далеком детстве своем,
Дети, мы ласки маминой ждем.
Ну, а поэты — дети вдвойне.
Сердце поэта — оно не в броне.
Сердце поэта настежь открыто
Зимней метели, летней грозе,
Чистым словам и словам ядовитым,
Каждой улыбке и каждой слезе.
Да! Словно дети поэты на свете:
То они дружат беспечно, как дети,
То друг друга вдруг проклинают,
Строчки какие-то припоминают,
О какой-то «лесенке»

говорят

Или неправдой

друг друга корят.

Но как бы разно их песни не слеты,
Все к матерям приходят поэты.
Строчки прекрасны или дурны —
Перед матерями все мы равны.
Словно в далеком детстве своем,
Дети, мы ласки маминой ждем.
Трудно мне — к маме моей прихожу.
Вечером молча рядом сижу.
Что нам слова, если мы вдвоем,
Мы и без слов друг друга поймем!
(Где это видано, чтобы мать
Родное дитя не сумела понять?)
И запекает мама моя
Песню, что пела когда-то давно.
Песню, в которой голос тайги,

Песню, в которой говор степей,
Ту, что она под посвист пурги
Над колыбелью пела моей.
Все забывает сердце мое.
Столько симфоний я слышал — их нет!
Есть только песня, что Мать поет
Вот уже тысячу тысяч лет.

Ты постарела, мама моя:
Голос негромок,
Руки сухи...
Тихо сижу возле мамы я.
Тихо в душе прорастают стихи.

1967

ЗОЛОТАЯ КУКУШКА

Если над вершинами Алтая
Пролетит кукушка золотая,
И когда кукушка запоеет
(Старики об этом говорили),
Мертвые пробудятся в могиле,
И цветок из камня прорастет.

Я спускался к дому с перевала.
Столько и еще полстолько лет.
Серая кукушка мне считала,
Куковала мне, что смерти нет.
Отсыпала годы щедрой мерой,
Слушал я кукушку, а у ног
Превращался каждый камень серый
В синеглазый маленький цветок.
Я иду лесами Толубая.
Сколько весен прожил — я не знаю,
Но с висков снежинки не стряхнуть.
Только нынче я, как прежде юный,
И поют серебряные струны,
Синим звоном наполняя грудь.
Эй, кукушка золотая, где ты?
Столько песен о тебе пропето,
Столько сказок в дедовском доме,
Столько раз ты по ночам мне снилась!

Отчего же ты не появилась,
Не пропела песни никому?
Спит мой дед в долине Толубая
И не ждет он больше никого.
Что же ты, кукушка золотая,
Обманула деда моего?
Спит мой дед.
Он больше не проснется,
Не увидит солнце старику.
Над его могилой раздается
Гулкое,
Протяжное «ку-ку»...

Пой, кукушка,
Пой среди ветвей,
И никто твой голос не заглушит.
Светом и печалью веет в душу
От бессмертной песенки твоей!
Будем уходить мы друг за другом,
Будут нас все реже вспоминать,
Над лесами
Серая пичуга
Будет годы долгие считать.

1967

БОРОУУЛ

Баллада

I.

— Эге-гей, Бороуул! —
Эхо мечется по скалам,
По теснинам, по увалам
Перекатывает гул.

Всполошились улари,
Будто стоном стонут птицы.
Что им в гнездах не сидится,
Не молчитса до зари?

Отзовись, Бороуул!
Уж не ты ль, убив архара,
Над гнездовьем птичьим старым
Где-то песню затянул?

— Спи, мой мальчик, — мать поет,
Убаюкивая сына. —
Тени падают в долину,
Твой отец домой идет.

Точно барс, Бороуул,
Нет стрелка в горах смелее.
Видишь, солнышко алеет,
Ветер утренний подул.

Есть в горах закон такой:
Если в доме сын родится,
Без архара не годится
Приходить отцу домой.

Каменист Архыт крутой,
Тяжела в горах дорога.
Там архаров жирных много.
Сварим мяса мы с тобой.

Что поделать, подождем.
Вот придет отец с добычей —
Уж такой у нас обычный
На земле, где мы живем.

II.

— Эге-гей, Бороуул! —
Эхо носится по кручам,
Но молчит Архыт могучий,
На груди туман уснул...

Шел, как тень, Бороуул
По следам архарьим к скалам,
Пригрозил в пути маралам,
Стадо коз с ручья спугнул.

Ах, архар, под облака
Ты заставил подниматься!
Уж не с тучей ли бодаться,
Вскинул круглые рога!

На отвесной крутизне
Небо ниже, небо выше,
Встал архар, как будто вышел
С белой тучкой на спине!

Ах, архар, пришел конец:
Точен глаз Бороуула —
Только небо громыхало
О рога твои, гордец!

Зверь подпрыгнул и упал.
Только что такое стало? —
Будто сдвинув разом скалы,
С гор обвал загрохотал.

— Эге-гей, что там в горах?
Но заглох в тумане голос,
Будто небо расколосось
У охотника в глазах.

Будто брызнула звезда,
Сразу ночь кругом настала.
Для живых в горах светало
В это утро, как всегда...

III.

Под заоблачной скалой,
Под высоким небом синим
По обычаям старинным
Под курганом спит герой.

«Как он шел сюда один?» —
Смотрят люди на могилу. —
Смелость парня погубила,
Не дожил и до седин...

Лишь орел сидит седой
Над скалой Бороуула —
Векового караула
Молчаливый часовой.

Да нахохлился Архыт:
То ли дремлет в синей туче,
То ли ветра вздох на круче
Слышит старец и молчит.

Но стоит внизу аил,
И растет в нем сын героя.
Он тропой отца крутою
Столько раз во сне ходил:

Жизнь не кончится. Она
В сыновьях возьмет начало.
Лишь бы солнце освещало
Даль мальчишеского сна!

— Эге-гей, Бороуул!
Где ты? — «Здесь!» — ответят горы,
Будто ставший на просторе
Богатырский караул.

И вспорхнет, и загудит
Перекатистое эхо,
Будто старые доснежи
Отряхнут седой Архыт.

1968

И МЫ ЗНАЕМ

Нет,
Не будет в моем рассказе
Космодрома ночного рева.
Я хочу
Опустить вас наземь,
Показать вам глаза коровы.
Не ракеты и не радары
Занимают сейчас меня.
Я хочу показать вам
Отары
В ярком свете летнего дня.
Не герои с орлиным взглядом,
Космонавты Великой Страны, —
Встанут нынче со мною рядом
Незнакомые вам чабаны.

Никто
из нас
астрономом не был,
В телескопе
мы
не пойдем ничего,
Но мы
наизусть
знаем наше небо,

И нам открыты
 тайны его.
 Над нами не планетария купол,
 А все настоящее:
 и звезды и луна,
 И каждый
 звезды
 глазами ощупал,
 И луну доставал,
 наклонившись,
 со дна
 Мы проходим
 самой высокой тропой,
 Мы
 раньше всех
 встречаем рассвет,
 И наши кони
 на водопое
 Пьют свет голубой
 холодных планет.
 С теплых губ лошадиных
 капли падают,
 И кони
 прислушиваются к тишине,
 И кони
 ушами чуткими прядают
 И,
 фыркнув,
 копытом бьют по луне.
 Небо!
 Оно над нами ночами
 Стоит
 погасшее,
 в черных тучах,
 без звезд,
 И мы его задеваем плечами,
 Если во весь поднимаемся рост.
 Да, когда непогода
 стоит над Алтаем,
 Мы не спим у костров
 и ночью сырой,
 Как мы небо наше
 ругаем!
 Да кто же друзей
 не ругает порой?

Но небо,
 которое мы проклинали
 За мрак
 и ветер,
 за холод и дождь,
 Вдруг встанет
 над нами
 на перевале,
 Синеет,
 даже бросает в дрожь.
 Мы теперь не обидим его,
 не тронем,
 Мы даем ему ласковые имена,
 И мы гладим небо
 шершавой ладонью
 Натягивая стремяна.
 Так живем мы в горах,
 рядом с нашим небом,
 Табуны перегоняем,
 покачиваемся в седле,
 И никто из нас в выси заоблачной
 не был.
 Мы — чабаны.
 Мы живем на земле.

1968

ОСЕНЬ В ГОРАХ

И зачем я брожу
 По туманным горам?
 Мои думы ношу
 К голубым облакам?

Или где-то на круче
 Ищу, одиночек,
 Возле кедров могучих
 Волшебный цветок?

Он лишь в сказках да в снах...
 Просто лист золотой
 Осыпает в горах
 Березняк молодой.

Просто белый туман
Лег в низине седой,
Журавлей караван
Потянулся домой.

С гор спустились стада
В край туманных долин.
Остаюсь я один,
Остаюсь я один.

А в ушах вековая
Звенит тишина,
Лишь речонка шальная
Щебечет одна.

Как лесная синица:
— Куда ты? Куда?
Будто в ней и таится
Живая вода...

Осень. Ясности время.
Даль тиха и светла.
Горы медные дремлют,
Будто колокола.

Ни снегов, ни тумана,
Лишь бронза осин.
Только дрогнет вдруг странно
Стеклянная синь.

Будто гуд разольется,
Прозрачен и чист,
И к плечу прикоснется
Сорвавшийся лист.

Словно дрогнула где-то,
Лишь сердцу слышна,
Уходящего лета
Тугая струна...

1968

ВЕЛИКОЕ КОЧЕВЬЕ

Мы кочевали тысячелетья.
Пересекали материки.
Где наша родина?
Чьи же мы дети,
Малые дети и старики?

Мы исчезали в песчаной метели.
Время дороги успело стереть:
Зоркие, вдаль мы глядели, прищурясь.
Так и привыкли, прищурясь, смотреть.

Вечно в пути,
Мы в дороге родились.
Наши качалки — верблюжьи горбы,
Песни протяжные сами сложились
В долгих дорогах забытой судьбы.

В песнях поется:
Есть море на свете,
Вечное лето и берег реки.
Там наша родина.
Мы — ее дети,
Малые дети и старики.

Мы кочевали тысячелетья.
Пересекали материки.
От молчаливых аялов, где ветер
Полон отчаянья и тоски,
Шли от слепого, застывшего страха,
От кодовства безымянных веков,
Степи бескрайние — вот наша плаха,
Небо пустое — единственный кров.
Но позади это горькое время.
Сколько дорог затерялось вдали!
И не бродяги мы — новое племя, —
Родину мы навсегда обрели.
Гордые дети большого народа,
Мы поднялись для труда и борьбы.
В наших сердцах запекает свобода,
В наших глазах — свет высокой судьбы.

1968

КОНЬ

Ночь, луна,
Синий
Склон горы.
Под копытом иней
Скрипит до поры.
Ходит конь вокруг коновязи
В одну сторону,
Острыми ушами
Шевеля луну.
Будто катит, круглую,
Досветла,
Косит глазом черным —
Чтоб скорей шла.
Чтобы там, в аяле,
Ночь прочь,
Чтоб настало утро
Точь-в-точь.
...Век коней да конниц,
Говорят, истек.
Говорят,
Ракетам
Наступил срок.
Но коням, что им
Молнии орбит?
Конь мотнет гривой —
Сам летит!
Лишь закусит крепче
Удила —
С тетивы звонкой
Мчит стрела!
...Говорят, крылаты
Мы с тобой:
В стратосферу рвется
Суперзвуковой.
Это верно — скорость,
Век такой.
Только к гриве шелковой
Мне б щекой,
Чтоб губой мягкой
Ткнул в ладонь,
Чтоб из-под копыта
Бил огонь,
Чтоб в пути долгсм

Через перевал
Мне кивал мордой —
Отвечал...
Кони мои кони,
Век ракет.
А в глазах тает
Теплый свет...

1968

ЗЕЛЕНАЯ ВЕТКА

I.

Мой Алтай!
Молчаливые кручи гор,
Темный лес,
Тихий альпийский луг,
Где природа тклет горящий ковер.
Мой Алтай,
Голубых колокольчиков звук
Я впервые услышал в твоих полях.
Босоногим мальчишкой
У речек твоих
Я смотрел, как кипят они на камнях
И как солнце твое дробится в них.

Мой Алтай,
Я в тени твоих кедров рос,
По долинам твоим я отару гнал.
Что я знал?
Нашу школу, да наш колхоз
Да что есть неизвестные страны, знал.
А какие они?
Что за страны те?
Ах, увидеть бы, что там, за тем хребтом!
Но на самой высокой твоей высоте
Только горы,
Горы
И горы кругом.

Я забыл о метелях, летящих с гор,
О ветрах ледяных, сотрясающих дом,
Ни обид я не помню,
Ни мелких ссор, —
Только горы остались в сердце моем.

Лишь цветы на лугах
Вспоминаю я,
Только шелест кедра над головой.
О Алтай!
Я — зеленая ветка твоя.
О Алтай,
Я — камушек малый твой!

Нас было много,
А мама одна
(Отца на далекой войне убили),
И если мы голодными были,
То как же мама была голодна!
Были те, что жалели ее,
Были и те, что смеялись над нею,
Но, вспоминая детство мое,
Я не ругаю их,
А жалею.
«Будьте голодны, но честны», —
Нам говорила мама в те годы.
И все мы,
Дочери и сыны,
Маминой оказались породы!
И если опять солгать не умею я,
Если честность — жизни моей основа,
Все это сделала мама моя,
Написать не умевшая это слово.

II.

Жизнь в движеньи.
Всегда в движеньи.
Мы не долго на месте сидим
И всегда куда-то спешим,
А к победе иль пораженью,
Мы не знаем.
Не в этом дело,
Чем нас встретят на этот раз...

О, как сердце мое холодело
В тот далекий прощальный час.
В час, когда гурьбою веселой
Мы собрались вокруг стола,
Когда наша старая школа
Нас в последний раз собрала,

Нас учила она и кормила,
Безотцовских анльских сирот,
И в дорогу нас снарядила,
В самый первый, трудный поход.
В тишине опустевших классов,
В самом первом звонке по утрам,
В свежем запахе новых красок
Наше детство осталось там.
Все мы были хмельны немного
Оттого, что звала дорога,
Неизвестно куда, но звала!
Ночь была тиха и тепла,
Август нас обнимал за плечи,
Звезды были — больно смотреть!
Никогда уже, как в тот вечер,
Одноклассникам нашим не спеть.

Я в пути просыпаюсь нередко,
Я в дорогах люблю ночевать.
Это, верно, далекие предки
За собой зовут кочевать.
Да, с кочевья жизнь начиналась!
На коня с колыбели взяла,
И моя колыбель закачалась
На деревянной луке седла.
Я люблю кочевать с чабанами.
Ничего прекраснее нет —
Рядом с чуткими табунами
Над Алтаем встречать рассвет.
А как думается в дороге...
В лад движенью мысли идут...

Я бы снова в Москву вернулся,
Чтоб опять пережить тот час!
Повторяю, тот час вспоминая,
Благодарственные слова,
Потому что я понимаю,
Что ты мне подарила, Москва!
И Арбат, и Бульвары, и Пресня,
Зал музея, читальный зал
Научили складывать в песню
Те слова, что Алтай мне сказал.

III.

К сердцу вдруг подступает жалость,
Тяжелеют думы мои:
«О, как много людей не дождалось
Наступленья счастья Земли!
Не дождались часа рассвета...»
И тоска моя велика.
А моя ли она?
Или это
Всех минувших веков
Тоска?

Содрогнись же, Земля, от гула,
И, послушные зову строки,
Встаньте вы из могил, вогулы,
Самоеды и остяки.
Ты, хакас, задушенный цепью,
Ты, плетью засеченный киргиз,
Посмотрите:
Над Лесом и Степью
Новой жизни зори зажглись!
Мы идем дорогой прямою,
Не исчезнет солнце во мгле!..

О как много вас под землею!

Как хотелось вам жить на Земле...

1969

О светлая Муза, взгляни на меня, —
Кочевник, бродяга, прошу ль я коня?
Дай Боль, чтобы ядом снедала меня,
Дай Слово, чтоб жгло горячее огня,
Дай песню, чтоб раны людские целить,
О Муза, пришел я не славы просить.
Пусть годы мне света не видеть в трудах,
Пусть свечкой, не солнцем затеплюсь в сердцах,
О светлая Муза, прошу об одном —
Чтоб сердце твоим озарилось огнем!

1969

Я опять приезжаю в родные места,
Где в заоблачной выси синеют луга,
Где все горы в весеннем цвету, как в огне,
Где так тропки мягки, где так думы легки,
Где так бережно все вспоминается мне.
Вот я в горы опять ухожу при луне,
Подымаюсь до белых холодных вершин —
Здесь когда-то, мальчишка, гонял я овец,
Здесь я с детством далеким один на один.
Здесь я небо на плечи накину, как плащ —
Пусть сверкает на полах созвездий шитье.
Здесь я ворот — пошире, пусть дышится всласть!
Как мы редко встречаемся, детство мое!
Я к ручью наклоняюсь — как терника вода,
Я руками в охапку ловлю облака,
Но, как стадо гривастых алтайских коней,
Пролетают они по дороге своей.
Кони, кони, я их вспоминаю не зря.
Ни уздечек, ни седел — как бегалось им!
Сколько весен тоскуют кукушки в лесу
По джигитам, по бравым парням молодым.
Им уже никогда не вернуться назад,
Никогда им коней не седлать поутру.
Только кедров шумят, только кедров шумят,
Как зеленые флаги на вешнем ветру...
Я иду молчаливо стцовской тропой.
Он ушел на войну, как и все, молодой.
Как бежал я, малыш черноглазый, за ним:
«Папа, папа, ты скоро вернешься домой?»
Я на небо гляжу, я гляжу на луга —
Что так кружится нынче моя голова?
То ли тучи плывут, то ли думы бегут,
То ли духом каким ошьяняет трава.
Я иду по вершинам твоим, Монгулак,
Рассыпаются искры росы из-под ног.
Здесь отец мой раскладывал на ночь костер.
Над потухшим кострищем стою, одиноком.
Так ли где-то и наши погаснут огни?
Что ответишь ты, время? Что скажешь ты, век?
Я зачем-то срываю таежный цветок
И в раздумье иду по земле, человек.

1969

ДВЕРИ

Поэма

1.

Вот и снова я вижу знакомую дверь,
Вот я голову молча склоняю на миг —
В эту низкую дверь, в этот старенький дом
С детских лет заходить я без стука привык.

Ну, так здравствуй, родная старушка моя!
Вот опять я вернулся в родные края,
Вот опять я за медную ручку берусь,
Будто за руку с другом здороваюсь я.

Я полмира проехал, полсвета прошел,
Но в родное село не вернуться не мог:
Позабить ли мне где-то — младенец совсем, —
Сколько раз через этот я ползал порог!?

Вот стою перед дверью не мальчик, но муж,
Вот гляжу, как во сне, вот молчу, как немой, —
Мир не тесен, я знаю. Но сердце мое,
Лишь у этого дома мы дома с тобой.

Первый шаг за порог, как мне помнится он!
Я замолок, безизнои! этих гор поражен.
Мне казалось, над ними, как бубен, звучна,
Трепетала,

гудела,

качалась луна!

Мне запомнился скрежет обмерзших дверей,
Мама в облаке белом и звезды за ней,
И морозная пыль оседает у ног,
И белеет под дверью холодный порог.

А отец, он всегда появлялся в дверях
С тихой, грустной улыбкой в усталых глазах.
Пахло снегом, хвоею тасжной от рук,
Будто горные кедры оттаяли вдруг...

Мой отец, он на фронт уходил в феврале.
Заровняла следы его вьюга в селе,
Будто знала: дорога назад не нужна.
Будто знала: отца не отпустит война.

Только маме моей сколько долгих ночей
Все казалось, что кто-то стоит у дверей,
Сапоги обметает, вот-вот постучит.
Мама лампу засветит и в сени спешит...

Так, наверно, бывает во все времена:
Ждет сначала солдата солдатка-жена,
А потом ожидает подростков детей.
Так и помню я маму у этих дверей.

Так и помню глаза: ожидающий взгляд.
Было четверо в доме у мамы ребят.
И у всех по дороге, у всех по судьбе.
Лишь о пятой забыла она — о себе.

2.

Есть ли мягче постель, чем постелет вам мать?
Есть ли ужин вкусней, чем накормит она?
Будто в дальние годы, над дальней горой
Белым бубном на небе повисла луна.

И синеют вершины далеких хребтов,
Будто горы луна обвела серебром.
И забытая песня звенит в тишине,
То ли в доме каком, то ли в сердце моем.

Как мне ясно прошедшие видятся дни!
Будто вновь повторяю дорогу свою.
Будто сердце опять ожидает весну.
Будто первую тайну лелеет мою.

И становится грустно опять, как тогда,
И становится сладко и радостно так,
И опять у меня на коленках худых
Позабытую книжку листает сквозняк.

Вот прозрачная звездочка всходит вдали,
На свиданье зовя, на свиданье маня.
Вот телят своих гонит девчонка домой —
Не глядит, будто вовсе не знает меня!

Мы с ней встретимся скоро, и рядом пойдут
Наши легкие тени, лишь выйдет луна.
Но уже разминуться дорогам пора,
И не встречей — прощанием встреча полна.

Наши давние песни, как звонки они,
Как два голоса наших сплетаются вдруг!
Только грустны глаза у подружки моей,
Только все беспокойней пожатие рук.

И однако, однако все так хорошо:
Нам еще по семнадцать и все впереди!
Эти школьные песни, как звонки они —
Золотой колокольчик трепещет в груди...

3.

Двери, двери, вы так высоки и низки!
Двери, двери, вы так далеки и близки!
Пусть любовь без опаски шагнет на порог,
Но, как гром, за врагом ваш тяжелый хлопок.

...Не уснуть мне сегодня. С постели встаю.
За окном все от лунного света бело.
На ладони меж дремлющих гор
Золотыми глазами мигает село.

Я курю, я смотрю на родные дома.
Вот он — тот, где любовь я оставил свою.
Ты скажи, ну, чего ты нашел, человек,
Столько троп обойдя в чужедальнем краю?

Юность, юность, ты ставишь вопрос напрямик...
Что отвечу тебе я у этих ворот?
Я курю. Я молчу. Я иду на крыльцо,
Как идет обреченный на свой эшафот.

Где моя гильотина? Я к смерти готов.
Я покорен и тих. Я смирен, я не горд.
Только сердце стучит, только сердце стучит —
Про меня ли сказали, что духом я тверд?

Каждый шаг, как удар. Ну и пусть будет так —
Я немало их видел, дорог и тревог.
Стал мой волос рыжеть, будто спелая рожь —
Это ветер степной по пути его сжег.

И глаза мои тоже давно не черны
(Про меня ли сказали: как искры в ночи?)
Я их слышу, слова твои, сердце мое,
Пусть услышат их все — ты стучи, ты стучи.

...Двери, двери, вы были открыты любви.
Видно, плохо я жил, видно, плохо любил.
К алтарю свое сердце теперь я принес,
Только жрец мой ушел, и алтарь мой остыл.

Столько лет миновало... Не тень ли твою
Я ищу, я зову по дорогам земли?
Только годы идут, только годы идут,
Только голос твой глуше и глуше вдали.

В этом городе шумном, где ныне твой дом
(Ты теперь мне поверь, ты прости мне, прости!),
Я бывал. Только я постучаться не смог:
Было страшно тебя мне — чужую — найти...

Вот уж звезды погасли, зарделась заря.
«Здравствуй!» — солнце кричит, громоздясь на утес.
Будто облачко легкое с чистых небес,
Ветер думы мои потихоньку унес.

Лишь у домика старого старый апл
Дымоходом чумазым к забору приник,
Будто песни печальные давних времен
Все бормочет старик, вспоминает старик.

4.

Дети в школу спешат. Все глядят на часы,
Будто вот их в дороге застанет звонок.
Где он, колокол наш, что гудел над селом,
Созывая нас утром на первый урок?

Этот колокол старый, как был он тосклив!
Всю войну по утрам он нам в окна гудел.
Нам поспать бы чуть-чуть, нам поесть бы чуть-чуть,
Только он нас, голодных, жалеть не хотел.

Сочной зеленью карта цвела на стене,
Океаны синели, желтели пески —
Сколько было на свете садов и полей,
Только были, как звезды, они далеки!

К нашей старенькой школе я утром иду —
Что-то тянет меня постоять у ворот.
Только в школьные окна глядит на меня
Мне совсем незнакомый глазастый народ.

Так же карты по крашеным стенам висят,
Так же зелены стены и рыжие пески,
Только весел звонок, только светел урок,
Только легче сегодня стоять у доски.

Посмотрите, как стало светло на земле!
Так глядите в сто глаз, так трудитесь в сто рук.
Вы стучите — любая откроется дверь.
Не робейте — и люди услышат ваш стук!

Мы — потомки воинственных древних племен,
Нас пожары войны обжигали не раз.
Нас немного на свете. Мы — малый народ.
Но для чести и славы достаточно нас!

5.

Двери, двери, как трудно бывает подчас
До порога пройти и молчать возле Вас,
И стоять и не сметь прикоснуться рукой,
И не слышать ни звука за тонкой доской!

Мой учитель, чья дума была так светла,
Мы на детские плечи подняли твой гроб.
Мой учитель, как страшно тропинка легла
Меж других, до погоста протоптанных троп.

Мой учитель, как тесны вдруг стали они,
Эти двери, куда мы входили не раз!
Мой учитель, как стал он просторен и пуст,
Этот дом, где встречал ты улыбкою нас.

Мой учитель, мы сами закрыли твой гроб,
Мы насыпали холм, положили венок.
Мы кепчонки сжимали, теснились вокруг,
Мелкий дождик в листве шелестел возле ног.

Где-то медные трубы вздыхали не в лад.
Кто-то плакал, глаза вытирая платком.
Мы простились с тобой под осенним дождем,
Но в сердцах ты остался весенним лучом.

Что поделывать, мы все перед смертью равны,
Зашумят над землей голубые ветра,
Будут травы цвести над могилой твоей,
Будут парни подруг целовать до утра.

Что поделать, мы все перед жизнью равны.
И сплетаться рукам, и сливаться губам —
Нет на свете дверей, чтоб на слово любви
Не открыли запора влюбленным сердцам!

6.

Есть на свете высокие двери, куда
Входят люди порой, как на вызов суда.
Входят, спину согнув, будто малый их чин
Непомерно тяжел для чиновничьих спин.

А за дверью двойною разостлан ковер,
По которому ходят, потупивши взор,
И услужливо тянут ладонь через стол,
Ибо надо здороваться, если вошел.

Даже люди, чьи плечи скалу подопрут,
Почему-то становятся низкими тут
И, оставив за дверью и важность, и бас,
Семянят, будто вдруг поскользнуться боясь.

...Это было однажды не с кем-то, со мной —
За высокие двери и я угадал.
Сколько холода было во взгляде пустом
Человека, что там за столом восседал!

Я и в мыслях ни разу не думал о том,
Что нагнали ему обо мне наперед.
Ну чего я плохого по свету пронес,
Кроме слова любви о тебе, мой народ?

Я был молод, но я у дверей не дрожал.
Я не продал друзей, я не предал друзей,
Только сердце мое те глаза обожгли,
Только стали ему все обиды больней.

7.

Двери друга, как часто я их открывал!
Да в часы испытаний закрыл их мой друг,
Только взгляды, как будто с кинжалом кинжал,
Вдруг скрестились под их неприветливый стук.

Было много радушных друзей у меня,
Было б много, да все молодые года:

Сколько яда приходится в жизни испытать
Из-за слова, что выронит хмель иногда.

Возле двери, к которой стремишься душой,
Вдруг застынешь, смущенно замедлив свой шаг:
То завистливый взгляд, то невнятный намек —
И в сегодняшнем друге увидите враг.

Но немало на свете хороших людей,
Но душа становилась светлей и теплей.
Так бывает, что друг оставляет в беде,
Но приходит другой — и умней, и верней.

И огромному миру навстречу опять
Двери настежь откроются в сердце твоём,
Будто ветер пройдёт по струнам души,
Будто солнце коснется их светлым лучом.

...Вст и кончились, видно, скитанья мои,
Вот опять я стою у знакомых дверей,
В этом доме качалась моя колыбель,
В этот дом я пришел и взрослей, и мудрей.

И склоняется грустно моя голова:
— Здравствуй, мать! — говорю. — Я пришел. Я устал.
И опять виновато сажусь у окна,
Как малыш, что игрушки свои потерял.

1969

МРАМОРНЫЕ ГОРЫ

Как раскат громовой
Сотрясает недвижимые горы!
Будто в недрах
От хохота
Древний трясется базальт,
Будто скалы звенят,
Как стекляшки апрельских сосулек.
Кто сказал мне, что камни молчат?
Лишь прислушайся —
Вот
Дрожь летящей струи водопада,
Свист болида
В пустынной космической мгле.

Под прохладными кедрами
На груди голубого Алтая
Чуткий мрамор поет,
Как струна на звенящем колке.
Я не раз их видал,
Благородные линии статуй,
Тихий отсвет улыбок
На лицах античных скульптур,
Но ни разу не слышал,
Чтоб пел их отзывчивый мрамор,
Он всегда молчалив:
Он на родине только поет.
Надо камню, чтоб ветер
Со свистом метался в ущелье,
Там, где сердце стучится
В груди белокаменных гор.
Впрочем, что я о камне?
И ты безголос на чужбине,
Человек —
Там никто не поймет твоих слов.

1969

Как приеду я снова домой,
К снежным кручам прижмусь я щекой,
Зацветет голубой-голубой
Небосвод, как чалма, надо мной.
А в зеленой долине на дне
Где-то речка звенит в тишине,
И струя ее там, в глубине,
Моет ноги усталые мне.
Как приеду я снова домой,
Выйду к солнцу рассветной порой —
Пусть рассыплет оно надо мной
Стрел горячих колчан золотой.
Пусть, качаясь, плывет сквозь туман
Дальних гор вековой караван,
Пусть зайдет в груди у меня
Колокольчик, от песен звеня.
Как приеду я снова домой,
Выйдет в небо луна надо мной,

Занскрится в дали голубой
Звезд вечерних серебряный рой.
Этих белых ночей белизна —
Будто жизнь моя песня одна,
Будто к кедру от кедра струна,
На ветру протянулась она.
Как приеду я снова домой —
Сразу в горы дорогой прямой.
Поклонюсь каждой тропке лесной —
Я с тобой, я с тобой, я с тобой!
В каждый дом постучусь: я живой!
Ты мне счастья желал — я с тобой.

1959

Я — МАЙЯ

Что ж мне снятся пожары былые
В красном мареве дальней зари —
Пирамиды в дыму золотые,
Вековые в огне алтаря?
Нет давно уж ни инков, ни майя,
Нет космических их городов —
Кто ж мне шепчет, что я понимаю
Позабитые знаки их слов?
Вы ушли, вы погибли, вы пали,
Жег вас порох, свинец вас косил.
Чужеземцы, они хохотали
У языческих ваших могил.
Сожжены и развеяны прахом
Золотые легенды веков.
Как кощунственно ржали монахи
Над бессилием ваших богов!
Где он умер, последний из майя —
Жрец, провидец движенья света?
На каком он костре, умирая,
Тайну предков с собой уносил?
На века, навсегда, в бесконечность.
От врагов, от друзей, от людей.
Почему же я вижу сквозь вечность
Дым костров, слышу ржанье коней?
Почему на вершинах Алтая
Он мне снится в дыму и огне,

Жрец последний из племени майя,
Простирающий руки ко мне?
Позади нас курганы, курганы,
Конский след да кибитки в пыли...
Сквозь века,

сквозь легенды,

сквозь страны

Что с собою мы в мир принесли?
Нас никто не обидит, я знаю,
Хоть и мал ты числом, мой народ,
Только снится: я — майя, я — майя,
Обжигает мне руки восход.
Только снится: курган, где лежу я,
Не унесший ни тайны с собой,
Изучают как тайну кечуа¹,
И лопаты звенят надо мной.
Как стихов моих блеклые строки
Кто-то бледной рукой достает.
Всходит солнце над ником высоким.
Что скажу о тебе, мой народ?

1969

Когда я говорю: «О мой Алтай!» —
Мне возвращает эхо: «Мой Алтарь».
Когда молчу, припав к твоим камням, —
Не небесам я кланяюсь, — горам.
Когда в глазах слеза блеснет, светла,
Тебя вдали я вижу, Улала...
О, как чисты озера там, вдали,
Когда их покидают журавли!
Как синь туман над Табатоем вдруг,
Когда уходят лебеди на юг!
И горы, молчаливы и ясны,
Глядят свои серебряные сны,
И кедры, кедры там, на склонах их,
И сладки слезы на глазах моих!
И лишь туман, как песня, голубой
Качается вдали передо мной.

¹ Кечуа — наиболее значительная группа племен в государстве инков.

И я у кедра старого молю:
Скажи мне, где дорога в Улалу?
...О, если б даже был изгнанник я
И все меня забыли бы друзья,
Далекый блеск вершин твоих, мой край,
Помог бы мне вернуться на Алтай!
И пусть дрожит в глазах моих слеза —
Она легла, как горная роса.
И пусть плывет туман передо мной,
Он точно крылья за моей спиной.
И запах можжевельника кругом —
Не дым ли он над отчим очагом?
Я знаю: здесь мой дом, я здесь рожден.
Я знаю: без меня пустует он.
И снова говорю я: «Мой Алтай».
И повторяет эхо: «Мой Алтарь».
И я молчу, припав к твоим камням,
И кланяюсь горам, родным горам...

1969

Трубят маралы.
Горы и леса
Им вторят.
Запевают скалы.
Летят волнующие звуки.
Серебряные голоса
Звенят,
Как будто струн коснулись чьи-то руки.

Так песня о любви звучит.
Такой манящий ласковый напев
Из глубины высоких гор исходит!
Труба охотника молчит.
Оторопев,
Он вдруг уходит.
И кажется,
Нет в мире ничего:
Вот исчезают скалы
И звезды падают в траву.
И только — песня!

И только — я живу
Весь в этой песне,
Что трубят маралы,
Призывной, вечной,
Как жизнь сама.
Все быстротечно —
И золото и слава.
Сегодня славен ты,
Велик и выше звезд,
И жизнь тебе — забава.
А завтра — двинется беда,
И — все темно,
И —
Где твоя звезда?

А вечно только то,
Что вечно до сих пор,
О чем трубит марал:
И перекаты рек,
И переклички гор,
И ветра завыванье,
И трубных звуков заклинанье.
Начало всех начал.
Начало жизни в них.
Любви начало.

Пора осенняя настала.
И горы дышат, как живые,
И кружат листья золотые,
И о любви трубят маралы.

1969

Среди заманчивых реклам,
В ночи на улице пустынной
Мне захотелось к чабанам —
Вдохнуть отеческого дыма.

И я решился. Жгло виски.
Я так дорогою извелся.
Но над горой горели звезды
В два раза больше городских!

1969

Вот я белой бумаги достал из стола,
Вот позвал тишину, чтобы рядом была.
Что я людям скажу?
Что я в сердце ношу?
Что сегодня на этом листке напишу?
Или облако я над Алтаем моим —
Проплыву, и растает серебряный дым?
И никто из людей не посмотрит мне

вслед —

Не коснусь я их дум,
Не коснусь я их бед...
У алтайцев душа высока и чиста,
Как огонь Когутей¹,
Как пламя костра.
О Алтай мой, Алтай,
Не хочу тишины!
Я хочу, чтобы люди мне были слышны,
Чтоб их песни, улыбки, их слезы, их гнев
Клокотали, строку добела разогрев.
И столпились Алтайские горы кругом,
И зажглась Когутея прозрачным огнем,
И на лунной волне зазвучали в тиши
Звуки песен алтайских:
— Ты звал нас?
Пиши!
И на белом листке, точно грань серебра,
Как сквозь белый туман, проступила гора,
И, как призрак, как день в голубой тишине,
Черноокая муза слетела ко мне.

1969

¹ Когутея — Малая Медведица.

Я — АЛТАЕЦ

Я — долина,
 все ветры хлестали меня,
Я — тайга,
 все снега засыпали меня.
Я конец и начало земли,
Из груди моей песни взошли.
Я — алтаец, народ,
Я хозяин долин и хребтов,
В моем сердце рубцы
От нескитанных стрел и клинков.
Я похож на дорогу,
По которой столетья шагал.
Я — алтаец,
Где кости того, кто меня убивал!
Где богатство того,
Кто веками мой хлеб отбирал?
Я горбат,
Я сутул —
Сто веков на хватчика спину я гнул.
Камни в пыль перетер я ногами
На дороге, где счастье искал.
Дым костров кочевых
Мне столетья глаза выедал.
Я укрылся в горах —
Я ушел,
 я погиб,
 я исчез.
Я — алтаец,
Я — жив.
Я из мертвых
 свободным
 воскрес.
Я до капли из вен
 выжму старую рабскую кровь.
Человек меж людей,
Жизнь свою начинаю я вновь,
Я — алтайский народ!

1969

ЧЕЛОВЕК

Сколько лет мне сейчас?
Или, может, веков?
Я не знаю.
Не сочту, сколько раз
На земле зеленел, как весна я,
Не сочту, сколько раз
Бронзовел я, как спелая осень,
И белел, как зима,
И рождался для будущих весен!

Помнит плоть моя смутно
Весь пройденный путь превращений:
Был я свежим листом,
Был я нежной травинкой весенней,
Был бегучей водой,
Был цветами алтайского лета
И в луче золотистом —
Горячими квантами света.

А душа чем была?
Над ущельями дымкой туманной,
Светом дальней звезды,
Материнскую песней гортанной,
Стоном ветра в горах
И в долинах ночной тишиною...
И теперь, наконец,
Это все называется
Мною.

Мнится мне, что глаза мои
Смотрят на мир не впервые:
Я уж видел и солнце,
И молний мечи огневые,
Был царем, был рабом,
И прославленным был и забытым,
Строил и разрушал,
Убивал я —
И падал убитым.
Заметали меня
Ураганы песчаные Гоби,
Ты найдешь мое имя
На плитах старинных надгробий,
Был развеян я в прах

И опять поднимался из праха,
Звезд касался мечтой,
Ведал страх —
И не ведал я страха.

В недрах мозга, в подкорке,
Не высказанная словами,
Напластована память
Бесчисленных существований,
С каждым новым рождением
К ней добавлял я немного...
В безднах жизни и смерти
Моя пролежала дорога!

Был я грешен и свят,
Скотоводом и воином был я,
В голубой высоте
Разлетался космической пылью
И опять возрождался,
И новое чудо рожденья
Было мне всякий раз
Как от смутного сна пробужденье.

Вновь себя признавал я,
Людские черты обретая,
Колыбель моя — Азия,
Вечные горы Алтая,
К справедливости, к правде
Я сердцем тянусь изначала,
Но, бывало, оно
Плохо правду и ложь различало...

Я склонился над книгами,
Строчками полнил тетрадки,
Я стремился упрямо
Постичь вековые загадки,
Я себя торопил,
Пробиваясь к надежным ответам,
Так, что мозг мой трещал
И, казалось, искрился при этом!

Исполинское солнце
В свой час над горами вставало —
И не спавшим всю ночь
За работой меня заставляло,
И луна удивлялась:

— Откуда упорство такое?
По природе, по крови
Я весь — отрицанье покоя!

Сколько лет мне сегодня!
Мне тридцать, согласно анкете.
Но вернее сказать:
Много дольше живу я на свете,
Может, — тысячи лет,
Может быть, — миллион семизначный,
Я ровесник и небу,
И капле мгновенно-прозрачной,

Я наследую прошлого
Горечь, и гордость, и славу,
Годы предков моих —
Не мои разве годы по праву?
Подрастает мой сын,
Все, что надо, сумеет сберечь он.
Что мне возраст любой?
Я не стар и не молод:
Я — вечен.

1970

МАЛЕНЬКИЙ АЭРОПОРТ

Мой маленький аэропорт,
Клочок земли моей щемящий,
Вновь отправляется в полет
Мой «кукурузник» тарахтящий...

И остаешься ты пустой,
Твой долгий взгляд следит за мною,
А под крылом сосняк родной
Стоит зеленою толпою.

И как-то грустно стало вдруг,
И сердце трепетно, как птица,
Как будто просит давний друг
Меня скорее возвратиться.

И так всегда: иду в полет
И грустных глаз отвести не смею,

И новый край уже зовет,
И ты мне в сотню раз милее.

В прибое шума и огней
Видал и я аэропорты,
И блеск чванливых площадей,
И спесь дворцов, собою гордых.

Но в суете чужих широт
Мне снилась ты, родная пристань, —
Мой маленький аэропорт,
Клочок земли моей гористой.

Ты ждал, ты звал меня домой.
В родные, тихие аилы.
Неразделимы мы с тобой,
Мне без тебя нигде не мило.

Когда под отчий небосвод
Вернусь к тоске моей и боли?
Когда мой старый самолет
Затарахтит на этом поле?

Я тороплюсь к тебе, друг мой,
Едва успев с тобой проститься, —
Мне шлет вдогонку позывной
Моя алтайская столица...

И вновь внизу аэропорт,
Площадка взлетная родная,
Меня напутствует в полет,
Сосновой веточкой махая.

1970

МАЛЕНЬКИЙ ХУДОЖНИК

Мой мальчик что-то рисовал,
А я его не понимал:
Ракета... конь...
Художник мал.
Он, утомленный, задремал.

Уснул, сжимая карандаш,
Строитель и воитель наш.

Он рядом положил с собой
Ружье и шапку со звездой.

Во сне его лицо горит,
Во сне «ура!» он говорит,
Пусть за окном ночная тишь —
Во сне воюет мой малыш.

Летит на боевом коне!
Переживает он во сне
Историю страны отцов,
К победе мчатся в строю бойцов!

История страны! Она
Ему в наследство от дана,
В его крови растворена,
В его мечтах повторена!

А рядом на листе одном
С тачанкой виден космодром,
Ушла ракета в небеса,
И — огненная полоса,

За ней простерся длинный след
К орбитам голубых планет,
А на борту — светла, горда
Все та же красная звезда!

Художник маленький, ты прав!
Наивен, прост и величав
Мальчишеский рисунок твой!
Склоняюсь нежно над тобой...

Грядущее земли — оно
Людской мечтою рождено;
В твоей душе отражено,
В твоей крови растворено!

И вот я вижу, мой малыш,
Не весь ты мне принадлежишь,
Бессмертным ветром бытия
Душа подхвачена твоя,
Не предсказать твои пути...
Будь счастлив сын! Расти! Лети!

АЛТАЙ

И вдали от тебя вспоминаю тебя, Алтай!
Точно камень бесценный,
Наполненный дымчатым светом,
Ты покоишься на груди планеты, —
То мерцают, то светятся, лучиком солнца задеты,
Твои грани, и песнею полнится грудь.
Иногда ты мне кажешься кедром могучим, Алтай, —
Тянешь ветви зеленые, вечнозеленый,
И касаешься звезд величавою кроной,
И, как струны топшура, вздымаешь влюбленной
Каждой малой хвоинкой своей.
В жарком южном краю о прохладе твоей грущу,
А на севере дальнем твоей теплоты ишу.
Где б ни был, твоих вспоминаю людей,
Об одном лишь мечтаю: вернуться к тебе поскорей,
Оказаться в объятиях спящих гор.
Молчаливо склониться над ликом твоих озер,
Их коснуться губами, как любимой бездонных очей,
И упасть меж цветами, что огня горячей...
Мою милую землю, Алтай, обнимаю опять,
И не в силах никто от Алтая меня оторвать,
И смеюсь я от счастья, и слез не умею скрывать,
И судьбе благодарен, что здесь родила меня мать!..

1973

МОИ ЖУРАВЛИ

Журавли вы мои, журавли,
Что не слышу я в небе ваш клик?
Столько раз мне казалось с земли:
Точно бусы на нити, ваш клин.
Вы летели, трубя о весне,
Будто солнце на крыльях несли.
Ваши танцы — сравнить ли их мне
С чем-нибудь, что я знал, журавли?
Даже горы взгрустнули без вас,
Смотрят в небо озера в тоске —
Не летите ли где-то сейчас,
Не видать ли уже вдалеке?
Журавли вы мои, журавли,
Вы вернетесь в родные места.

Вы другой не найдете земли,
Где бы песня была так чиста.
Где еще вам растить журавлят?
Где летать и курлыкать легко?
Здесь и наших мы нянчим ребят,
И они улетят далеко.
Но тоска их обратно вернет!
Впрочем, кто-то и бросит Алтай.
Даже счастье, быть может, найдет
И полюбит неведомый край.
Что ж, до срока тоска не грызет
И не трогает сердца печаль.
Но когда-то Алтай позовет,
Ах, как родины будет им жаль!
Этой речки воды снеговой
Вдруг захочется выпить, как спеть...
Мы-то точно вернемся домой,
Как бы нам далеко ни лететь!
Слезы рядом живут с сединой.
Зотоскуем о доме своем,
И вернемся на берег родной...
И на говор родимой земли
Отзовется вдруг сердце струной,
И заплачем, как те журавли,
Что домой прилетели весной.

1978

НА БЕРЕГУ ИЩА

Я прожитые годы
Разделил пополам —
Скинул двадцать,
И стало мне двадцать опять.
Ах, как сладко в груди!
Миражи давних лет окружили меня,
Словно был я убит
И начал опять оживать.
Вон черемуха в белом цвету —
Не черемуха, девушка в белом наряде
Раскинула шаль надо мной,
Волшебную белую шаль,
Наделенную силой

Воскрешения мертвых.
Вон журчащий в лесу родничок,
Весь студеный, прозрачный и чистый —
Он наполнен живою водой,
Он все шепчет мне тайну бессмертья.
А кукушка,
Совсем молодая кукушка,
Что сюда залетела из сказки,
Кукует, кукует, кукует.
И я понимать начинаю,
Что смерти, конечно же, нет.
Легок и строен мой стан!
Сил и желаний избыток.
Лето меня обнимает,
Зеленым прикрыв плащом.
Но теплый июньский дождь
Смывает с меня постепенно
Проклятья врагов и упреки друзей,
И гром мне как вздох облегченья...

Милый берег Иша,
В самом деле, в черемухе весь.
Соловьи опьянели от песен,
И на галечник донный луна
Улеглась, улыбаясь,
И слушает трели.
Уж не в честь ли мою,
В самом деле, поют соловьи!
«С днем рожденья!» — мне шепчет мой друг,
И лицо согревает улыбка...
«С днем рожденья!» — поют соловьи,
И сулят долголетье кукушки.

А всего-то и было —
Купались в реке при луне
И смеялись, как будто нам было по двадцать,
И верили: ждут нас счастливые годы.
Впрочем, в тягость ли жизнь!

Мы подставим плечо,
Если где-то споткнется товарищ.
Мы поднимем его,
Мы разделим с ним горе!
В трудный час мы на помощь придем
И наград не попросим за это.

Только б вечер такой,
Только б так вот сидеть у реки,
Слушать хор соловьев,
Улыбаться их радости дружно,
Сбросить с плеч все печали
И отдать себя этой вот — нежной и чистой,
Чтобы стало опять двадцать лет,
Чтобы кружку родник наполнял,
Чтоб светила луна
И товарищ тебе улыбался.

1974

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ

Мой старый партийный билет!
Нас вместе ветра обжигали,
Мы вместе с тобой прошагали
Немало стремительных лет.

Со мной ты, партийный билет,
Дорогами отчего края
Шел, сердце мое согревая,
И сердцем ответно согрет.

Весь опыт борьбы и побед,
Что в сердце глубоко хранится, --
В твои он впитался страницы,
Мой старый партийный билет!

Прощай же! Особенный свет
Сегодняшний день излучает:
Сегодня в горькоме вручают
Мне новый партийный билет!

Сегодня идут в кабинет
Один за другим коммунисты:
Прорабы, врачи, трактористы,
Учитель, чабан и поэт.

Ученый — за токарем вслед...
Известный охотник Алтая...

Ткачиха идет молодая
И Ленина видевший дед...

Мой новый партийный билет!
Знакомые снова приметы:
Девиз коммунистов планеты
И ленинский четкий портрет.

И слышу я отзвук бесед:
То в сейфе, в тиши кабинета,
Сейчас говорят партбилеты,
С соседом толкует сосед.

Им вспомнились пройденных лет
Свершенья,

пути,

новостройки

На западе

и на востоке,

Где в море родится рассвет...

Прощайте!

Нам отдыха нет,

Об отдыхе мы не мечтали:

Нам — дальше, сквозь времени дали,

Дорогой трудов и побед.

Грядущего слышим привет!

И всюду по-прежнему с нами

Великого Ленина знамя,

Бессмертный немеркнущий свет...

1974

МЕСЯЦ ОКТЯБРЬ

Леса в холодной белизне.

Как покрывалом, степь укрыло,

Спять октябрь пришел ко мне,

Мой долгожданный месяц милый.

И вновь, как год назад, пленен

Я чистотой его безбрежной.

Медведем белым-белым он

Лег на крыльцо, октябрь мой снежный.

Весенний цвет, июньский зной,
Июля солнечная нега,
Поля с осенней желтизной —
Все под сыпучим белым снегом.

Но пусть метель звенит, поет —
На холода смотрю влюбленно:
Приветствуя зимы приход,
Идет Октябрь краснознаменный.

Сверканье праздничных огней,
Грядущих славных лет надежда,
Волнение счастливых дней —
Все ты, октябрь мой белоснежный!

...Тишь. Белизна снегов кругом.
Окно алмазами сверкает.
Но, как цветы, перед окном
Знамена красные пылают.

Октябрь...
Но будто вновь весна:
Цветут цветы,
И даль ясна.
Сердца взволнованнее бьются.
В цветах шумит твоя весна,
В них молодость твоя, страна,
Что в вихрях грозных рождена
В победный месяц революций.

1974

ДУМЫ У МАВЗОЛЕЯ

Мы шли сюда со всех концов страны.
И вот, в ряду других, со стороны,
Свое лицо я вижу отраженным
В граните полированной стены.

Вот — вход. Ступени. Голову склони.
Все мелочные мысли прогони.
Здесь вечным сном уснул товарищ Ленин.
В его лицо спокойное взгляни.

Здесь тишина. Что, сердце, шепчешь ты?
«Оттуда, где алтайские хребты,
Тебе несу я, самый Человечный,
Любовь и благодарность, и мечты!

Поверь, Великий, сыну чабана:
Пусть небольшая сила мне дана,
Все сделаю, себя не пожалею,
Была б счастливой милая страна!»

Здесь, как нигде, минута коротка.
Здесь, как нигде, минута — велика:
Всю жизнь свою припомнить успеваешь.
И явственней грядущие века.

Мы движемся безмолвно, как в строю,
Великому причастны бытию,
И вот опять на площадь мы выходим,
На Красную, прекрасную свою.

Мы будем в небо Родины глядеть,
Забудем шапки зимние надеть,
И будут в волосах снежинки таять
И чистыми росинками блестеть...

1975

ВЫСОТА

Над костром ли ночным, над дневною тропой —
Здесь извечно открыт небосвод над тобой.
Даже в сон погружаясь, смежая глаза,
Ты витаешь мечтой в вышине голубой.
И в глазах твоих черных пылью золотой
Тлеют звездные дали над тихой землей.
И до света, мерцая сквозь млечный туман,
Посылают лучи по орбите крутой.
Но земля повернет остывающий бок,
И оплавится вдруг над горами восток,
И, расправив свои огневые крыла,
Долгожданное утро спешит на порог...
И едва первый луч прикоснется к щеке,
Ты проснешься. Бормочет огонь в камельке,
И в раскрытых дверях улыбается мать,
И сияет, как солнце, подоюник в руке.

Ты спросонок глаза протираешь скорей,
Будто чары небесных снимаешь гостей,
И бежишь из аила привычной тропой
По лугам за отарой ушедшей своей.
Две пригоршни росы —
И как не было сна:
Как вода ключевая, роса холодна,
И искрится в лугах голубая трава,
Будто звездная в небе ночном седина...
С детских лет, заглядевшись в простор голубой,
Я часами люблюсь его глубиной —
Сколько лунных почей,
Сколько темных ночей
Стошло в бесконечность с тех пор надо мной!
Но чем дальше гляжу, тем ясней и светлей
Все живут они в памяти вечной моей:
И звезда, что в моих ночевала зрачках,
И огонь, от которого сердцу теплей.
Дети гор и таинственных высей сыны,
Мы в надоблачных даях на свет рождены,
Где, наверно, лишь песни рождаться должны.

1975

СОСНА

Зеленая тайна, лесная сосна,
То шепчется с небом, не слышу я слов,
То каждую веточкой ловит она
Невнятные звуки далеких миров.
Как нежен, как ласков твой голос живой —
Не сердце ли шепчет в груди у меня?
Как долго ладонь моя пахнет смолой,
Как долго мне голову кружит, пьяня!
Зеленая сказка, огонь золотой,
Как людям себя отдаешь ты светло —
И кров, и ограда. И в холод, и в зной:
И дом, и дворец, и живое тепло!
Иной человек и разумен на вид,
И кровь в нем красна,
И живет меж людей,
А в душу заглянешь — она не горит,
Безмолвного камня она холодней.

И грест та личность себя одного,
Ни с кем не делясь, никого не любя...
И быть я с тобою хочу оттого,
Что доброе сердце в груди у тебя.
Ты гресшь — тепла
И ласкаешь — нежна,
Хоть дерево ты, а щедра и ясна.
Качает кудрявою кроной сосна —
Задумалась? Верит? Кивает она?
Ах, если б почаще мы были добрей
К деревьям и травам, к ручьям и цветам!
Качает сосна доброй кроной своей,
Волшебные сны поверя ветрам...

1975

ЛЕТО

Перевал знаменит
И ветрами омыт.
Там трава шелестит.
Ветер в кедрах шумит.
Ветер в кедрах шумит.
Ствол могучий скрипит.
С перевала летит
Звон копыт, звон копыт.

Долетели до нас
Голоса с высины.
Там кочуют сейчас
Чабаны, чабаны.
Чабаны, чабаны —
С высотой дружны.
С наступленьем весны
Все в горах чабаны!

В мире славен давно
Мой народ кочевой.
Только солнце одно
Над его головой.

Ветры в кедрах поют
И в зеленой листве.
И плывут, и плывут
Облака в синеве.

Облака в синеве
И транзистор в траве.
Слышен шорох травы.
Слышен голос Москвы.

Ярких красок игра —
И антенны игла.
Мы сидим у костра.
Тихо ночь подошла.
Ты — алтайский чабан.
Я — алтайский поэт.
Шлем народам всех стран
Свой алтайский привет!

Приезжайте сюда
В гости, люди труда,
Где прекрасна всегда
Гор зубчатых гряда!
Будем вас угощать,
Сердце дружеством греть.
Будут песни звучать.
Будут звезды гореть.

Посветлеет — и тут
С голубой высоты
Звезды наземь падут,
Превратятся в цветы.
И стемнеет опять —
Вновь им в небо взлетать,
Снова звездами стать
И сиять, и блистать!..

А пока мы вдвоем
С молодым чабаном
На Алтае своем,
На привале ночном.

Дивно лето в горах —
Кочевая пора!
На кедровых корнях
Мы сидим у костра.
Трубку держит рука.
В сердце зреет строка,
Вдаль плывут облака.
Ночь, как вздох, коротка...

СЛОВО, СКАЗАННОЕ ЛЮДЯМ

Не громок мой стих, не услышит весь свет.
Спасибо, что слышен Алтайским горам.
Не славен я, громкого имени нет,
И слово несу я своим землякам.
В одежды пророка рядиться смешно —
Что знаю в сравненье с тобою, народ?
И если мне что-то сказать суждено,
Мой стих это слово в тебе же берет.
Пришел я к тебе не из дальних миров —
Я плотью и кровью частица твоя.
Бывал во дворцах и под кровлей шатров,
Но всюду я помнил, чей сын и кто я.
Мы счастливы ныне, о чем разговор!
Но, люди, в грядущие гляните века:
Нам жить на земле среди этих же гор,
Должна быть, как горы, душа высока.
Прекрасную долю дала нам страна,
Неужто не в ногу пойдём со страной?
Ужель не осилим науки земной?
Иной оробеет: мол, хватит ли сил?
А кто ему слабым остаться велит?
А кто ему к знанию путь преградил,
Какой на пути его камень лежит?
Не мне поучать вас, как жить меж людей,
Как выйти к вершине крутою тропой.
Но горько бывает порой за друзей:
Споткнулся один, испугался другой.
Немало дала нам родная страна —
И книгу, и цель, и пример храбрецов.
И счастья в пути пожелала она
Нам, вышедшим к свету из мрака веков...
Я знаю, не громок и скромнен мой стих,
Но все же услышит его мой народ:
Без пышных словес, побрякушек пустых,
Он словом сердечным в аилы придет.
Иду не учить вас — послушать людей:
Пришелся ль мой стих, не живу ль в облаках?
Немало в горах моих славных парней —
Узнали ль себя в моих скромных стихах?

1975

АГРОНАВТЫ

Может, манит и нас золотое руно?
Может, как аргонавт, ты покинул свой край,
Но не нам ли с тобою известно давно:
Не от слова ли «золото» слово «Алтай»?
Ищем вечное лето мы где-то порой,
Сколько гор обойдем,
Сколько бродим мы дней,
И, бывает, совсем не заметим, друг мой,
Что кедровая ветка в долине родной
Отогрелась на солнце и стала длинней,
Что девчонка с глазами косули степной
Стала девушкой — сыщешь ли равную ей!
Что мы ищем с тобою в безвестном краю?
Сном каким растревожили душу свою?
Все равно и у ласковых самых морей
Снятся кедры зеленые, запах ветвей,
И, как те аргонавты с бесценным руном,
Мы в родные края до рассвета придем,
Видя сердцем родные улыбки людей, —
Только станут они и милей, и родней.
И священней любовь,
И бесценней слова,
Лишь покажется где-то за синью морской
Легендарной Сумер золотая глава!
И по-новому ярки цветы и трава,
И под кровлей отцовской опять ты впервой.
В мире мало нас, очень нас мало, дружок,
Но как ярко пылает родной очажок!
И, однако, однако, опять за руном,
Точно те аргонавты, с тобой мы уйдем,
Но не с золотом чьим-то мешок привезем,
А с любовью к Алтаю
Вернемся в свой дом...

1975

МОЕМУ МАЛЬЧИКУ

Мой мальчик, можешь только ты
В конце любого дня
От маяты и суеты
Излечивать меня.
Когда, измучен и устал,
Я прихожу домой,
Лишь ты поможешь, хоть и мал,
Веселый мальчик мой!

Всегда мне дороги до слез
Спянье детских глаз
И каждый умный твой вопрос,
И нежный твой приказ.
Того не зная, может быть,
Ты крылья даришь мне
И разрешения побыть,
Пожить в твоей стране.

Лишь только встречусь я с тобой,
И тает в сердце лед,
И расцветает голубой
Цветок — и я в полет
Опять готов, я вновь силен
С моей мечтой вдвоем,
И будет мной преодолен
Любой крутой подъем!

Как, разругаясь, ты красив,
Когда с толпой друзей,
«Волшебный ящик» разбудив,
Кричишь: «Ура, хоккей!
Кто впереди? Какой там счет?»
Как властен зов трубы,
Тебя волнует и влечет
Живая страсть борьбы!

А то затихнешь над столом,
Губами шевеля:
Встает из книг наш общий дом —
Огромная Земля.
Есть на планете много стран,
Но лучше всех — одна,
Просторнее, чем океан,
Любимая страна!

Мы перед ней всегда в долгу —
До края, до черты...
Предугадать я не могу,
Кем станешь в жизни ты.
Быть может, самых золотых
Достигнешь в небе звезд,
А может быть, твой жребий тих,
Бесхитростен и прост.

Но кем бы ты ни стал, какой
Ни выбрал в жизни путь —
Солдатской верностью мужской
Отчизне верен будь.

И помни: в мирной тишине
И если грянет бой,
Всегда хотелось бы и мне
Повсюду быть с тобой.

Когда тебя помчит ладья
По голубой реке,
Надежным, крепким стану я
Веслом в твоей руке.
Когда в пути, в лесу глухом
Привал устроишь свой,
Я обернусь пушистым мхом
И шелковой травой.

И сверх того еще один
Прошу у жизни дар:
Когда ты взрослым станешь, сын,
Пусть буду я не стар.
Под этим небом голубым
Успею, может быть,
Твоим соратником, твоим
Товарищем побыть!

1976

Из грохочущих, дымных, больших городов
Я вернулся на милую землю мою.
Я смотрю на пушистые крыши домов,
В переулке заснеженном долго стою.
А вокруг — моих гор чистота и покой,
Где-то чуткие лани бредут сквозь снега,
И красавцы маралы стоят над скалой,
Молчаливую тучу поддев на рога.
Небом плечи прикрыв, мои горы молчат,
Только звезды мерцают над их сединой,
Будто слушает мир, как снежинки скрипят,
Ах, как громко снежинки скрипят под ногой!
Горы милые! Вьются дымки очагов,
Над безмолвными крышами мир и покой.
До околицы мира всего сто шагов,
Но живет она вместе со всею страной.
Здесь земля чабанов, моих братьев родных.
С неба звезд не хватают мои земляки.
Это верно, поскольку хватает земных,
Чтоб украсить героям свои пиджаки.
Только, как ни милы тишина и покой,
Вдруг пригрезится: поезд зовет нас, гудя.
Нам взглянуть бы на Красную площадь порою.
Поклониться хоть раз Мавзолею вождя!
То Кавказ позовет нас, то крымский прибой,
То Якутия кличет из дали своей, —
В век полетов и скорости сверхзвуковой
Стали ближе дороги и больше друзей.
Реактивная вьюга, чужда ль нам она?
Ах, как манит порою небес синева!
Хоть, конечно, милее для нас тишина,
Когда хрустнет — за сто километров слышна! —
Под копытцем косули сухая трава,
Когда снова усталый вернешься в свой дом,
Когда кедры родные обступят толпой
И маральник весенний воздушным пером
Каждый камень обводит чертой огневой...
Человечество путь свой торит сквозь века,
Не исчезнут и наши следы меж других:
Пусть твой голос не громок — душа высока,
Мой народ, ты оставишь в истории их.

...Вот и вновь мое сердце полно тишиной.
Где-то в землях иных городов голоса.
И опять я смотрю на Алтай голубой,
И от счастья блестит на речницах роса.

1976

Я разыскивал юность свою
И в горах, и в долинах зеленых.
И в степном, и в таежном краю,
И на длинных вокзальных перронах.

Я в столице пытался найти
Сумасшедшую эту беглянку:
Вспомнивая бывшие пути,
С Малой Бронной спешил на Таганку.

Я в знакомые двери стучал,
Слышал краткое: «Не проживает...»
«Что ж, простите», — жильцам отвечал,
И жильцы говорили: «Бывает».

Ни вблизи ее нет, ни вдали.
Где ж ты, спорщица, где ж ты, певунья?
Не сумели помочь, не смогли
Мне ни солнце, ни свет полнолуныя.

Где ты, счастье — несчастье мое,
Где глаза твои вечно сухи?..
Я пытался окликнуть ее
И на улицах братской Софии.

Но бесплодны попытки мои,
Не достиг моей призрачной цели.
А ведь пели же нам соловьи,
И для нас тополя шелестели!

Я к студентам с вопросом спешил,
На строительствах к юным рабочим,
Но впустую людей тормозил:
Не сыскал мою юность.

А впрочем,
Иногда она виделась мне,
Улыбалась светло и жестоко,
Но всегда на другой стороне
Переулка, проспекта, потока...

1976

КАК ПТИЦЫ

Мы, как птицы, не имели
Долголетних гнезд.
Мы под кедрами у речки
Ставили аил.
В дымоход струился ночью
Свет бессмертных звезд
И какие-то загадки
Древние таил.

Или встанут где-то юрты
Белые в степи,
Словно лебеди присели
Стаей отдохнуть.
Разве можно удержать их,
Будто на цепи?
Посидели — улетели.
Бесконечен путь!

Может быть, иной кочевник
Станет знаменит —
Станут люди благодарно
Думать и рядить:
Где нам памятник поставить —
Розовый гранит,
По традиции всемирной
Доску где прибить?

Где судьбы его начало,
Где родимый дом,
Тот аил, где зарождались
Первые мечты?
Если место, где стоял он,
И найдут с трудом —
Все равно: там только воздух,
Кедры да цветы.

Только речка все бормочет
Песенку одну,
Только снежные вершины
Высятся вдали.
Люди-птицы улетели
Вдаль, в голубизну,
Лишь в огне зари вечерней
Крылья обожгли.

Бек другой. Ушло, растаяв,
Прошрое, как дым.
Но при звездах, ясной ночью —
Друг, не обессудь! —
Мне, бывает, и поныне
Кажется: летим!
В неизведанные дали
Бесконечен путь...

1976

ЕСТЬ НЕВЕДОМАЯ СВЯЗЬ

«Когда увидишь ты во сне, —
Я слыхивал не раз, —
Что старой кряжистой сосне
Пришел последний час,
Она простерта на земле,
И горек этот миг, —
Знай, что на днях в твоём селе
Умрет седой старик».

«Когда увидишь ты во сне, —
Я слыхивал не раз, —
Что юной, тоненькой сосне
Пришел последний час,
И рухнет, ветками шурша,
Через немного дней,
Знай, чья-то юная душа
Умчится в мир теней...»

Внимая сказкам старинны,
Я в детстве трепетал.
Давно уж я не верю в сны,
Давно уж взрослым стал,

Но верю, верю и сейчас,
Упреков не боясь,
Что есть с деревьями у нас
Таинственная связь.

Раскрыв объятия, к ним бегу:
Дерева, никогда
Пусть никакая на веку
Не тронет вас беда!
Вы, как друзья, встаете в ряд
Вдоль человечьих троп.
Из вашей плоти мастераят
И зыбку нам, и гроб.

Из вас — прижизненный наш дом
И наш посмертный дом,
Но все же главное притом
Не в этом и не в том.
Важней, мне кажется, вдвойне,
Что ритму наших дум
Так соразмерен в тишине
Ветвей спокойный шум.

Он вроде ровного ровней,
Но вслушайся — и вмиг
Услышишь в нем и храп коней,
И песнь, и смех, и крик.
И о любви людской не раз
Послышится рассказ,
Который и взволнует нас,
И успокоит нас.
Дерева старые, люблю
У вас погостевать.
Ловлю хвоинку, лист ловлю
В раскрытую тетрадь.
Шуршаньем хвои и листвы
В кругу детей, внучат
Со мной беседуете вы,
И только пни молчат.

1977

ПОЛУЗАБЫТЫЕ МОТИВЫ

Общежитие студентов Литературного института было когда-то в городке писателей в Переделкине.

Переделкинские сосны.
Силуэты старых дач.
Миновали зимы, весны,
Выцвел осени кумач.

Миновали годы, люди,
И хозяев прежних нет,
И других сегодня будит
Переделкинский рассвет.

Вижу я, прищурив веки,
Те былые времена,
Как тома библиотеки,
Те читаю имена.

Том за томом, ряд за рядом,
Никому не изменяя...
Вот Чуковский хитрым взглядом
Смотрит прямо на меня.

Вот Тренев, а вот Фадеев,
Вот Хикмет, а вот, а вот...
И над всеми, индевея,
Вечность общая плывет.

Вспоминаю голос, внешность:
И руки Назыма взмах,
И какую-то нездешность
В пастернаковских глазах.

Вспоминаю эти годы:
Общежитское житье,
Чувство голода, свободы,
Веры в попрание свое.

Никаких тебе сомнений:
Кто ты, Пушкин или Дант.
Каждый в комнате был гений,
В крайнем случае — талант.

И других не знали бедствий,
Кроме бедствия зимы,
И великое соседство
Не смущало нам умы...

1959

ВЫСОТА

Памяти Лазаря Кокышева

На могиле убитого друга
Я поставил красный гранит.
Пусть покой убитого друга
Этот камень вечный хранит.

Я стоял угрюмо и немо,
Словно кто-то крикнул: «Замри...»
И высокое тихое небо
Молча слушало мысли мои.

Думал я о прошедшей жизни,
Прочитать пытался свой след,
Так ли жили мы наши жизни —
У минувших спрашивал лет.

Или зря, всходя на вершины,
Свято верил каждый из нас —
Та дорога, что мы вершили,
На алтайский ведет Парнас.

Пусть другие подымутся выше,
Те, что вслед за мной и тобой,
Мне всего дороже и выше —
Не окольной мы шли тропой!

Приходилось порою туго,
Было много тяжелых шагов.
На могиле убитого друга
Проклинаю его врагов!

И опять наступает лето,
И туманы ползут от реки,
И опять к могиле поэта
Прибежали цветы-жарки.

Май звенит. Кукушка кукует
Среди медных колонн сосняка.
Не кукует — со мной толкует,
Говорит, что жизнь коротка.

Я не верю вещей пичуге,
И вот здесь, встречая зарю,
Говорю об убитом друге —
Не о нем, а с ним говорю!

Как ты яростно жил, открыто,
Сколько песней тронул сердец!
Под багряной плитой гранита
Умолкает любой певец...

Смолк певец — не смолкает песня,
Повторяют ее слова
Горы, рвущиеся в поднебесье,
Реки, лес, дорога, трава...

1980

ДУМЫ НОЧЬЮ В ГОРАХ

Как хороша земля родная наша!
Какая синь! Какая тишь кругом!
Плывет луна — серебряная чаша,
Наполненная теплым молоком.

Лежу, любуясь трав произрастаньем,
И кажется, что добрая Земля
Ведет в ночи беседу с мирозданьем,
Антеннами-усами шеvelя.

Я славил мысли дивные победы,
Но в этот час мне — сердцем не солгу! —
Дороже, чем туманность Андромеды,
Клочок тумана в голубом логу.

Какая сказка! Волшебство какое!
Как мирно горы высятся во мгле!
Но не забыть и в этот час покоя,
Как беспокойно нынче на земле.

Я знаю: мир сегодняшней расколот,
Вся в трещинах его живая плоть,
Я думаю: какой жестокий молот
Его успел на части расколоть?

Кто виноват? Неужто слишком рано,
Пытливые и дерзкие умы,
Ядро тяжеловесное урана
Однажды сами раскололи мы?

Неужто в черный пепел превратится,
Вселенской жизни подводя итог,
Все -- даже эта маленькая птица
И дремлющий доверчиво цветок?

Уж я не молод, пожил я на свете,
Узнал, как жизнь трудна и хороша,
Но входят в мир с доверьем наши дети --
И так за них болит моя душа!

Неужто не сумеем на пределе
Над пропастью нажать на тормоза?..
В ночных горах, на каменной постели
Лежу -- и звезды падают в глаза.

Нет, верю: человечество, ты -- мудро!
Гляжу с надеждой трепетной вперед:
Жизнь победит, живое -- не умрет!
Ну, а пока что -- наступает утро...

1981

Юный ветер нараспашку
Синим ливнем хлещет.
И подол твоей рубашки,
Как крыло трепещет.

Сердце из груди, как птица,
К небу так и взмыло б!
И не веришь, что родился
Человек бескрылым.

Ветер, молодость, бессмертье!
Бесконечно время.
Бесконечно солнце светит.
Бесконечна темень.

Первая страница книги —
Поле, горы, воды.
Только миги, миги, миги,
А не годы, годы.

И ты мыслями не занят,
Что мгновенья минут.
И цветком ты видишь камень
Тот, что в спину кинут...

1981

ТРЕТИЙ ГЛАЗ

Опять смотрю в минувший день я:
Сложны истории пути,
Добра и зла переплетенья
Попробуй, смертный, расплети!

Сужденья наши, пересуды
В тупик зайдут еще не раз.
Лишь у всевидящего Будды
Есть, говорили, третий глаз.

И видит Будда этим глазом
Сквозь переходящие года
Все то, чего наш бедный разум
Не постигает никогда.

Но бог молчит! И только зыбко,
Как будто солнце на листьях,
Всезнания теплится улыбка,
Таинственная, на устах.

А мы живем давно без бога —
Кого же спросим в наши дни?
Земля и звезды знают много,
Но молчаливы и они.

ВЕСЕННИЕ ДУМЫ

Не опьяняя новизной
Привычного труда,
Вернулись в сердце с той весной
Прошедшие года.

И в свете нынешнего дня,
Под синью высоты
Они окликнули меня,
Спросили: «Счастливы ты?»

Я глянул в прошлое, во тьму,
Лицом к истокам встал:
Что было свято мне? Кому
Я душу доверял?

Кого я искренне любил?
Что значила молва?
Быть может, путь мой ложным был,
Случайными слова?

О детство! В шелестеньи трав
Далекая весна, —
Цветка на склоне не примяв,
Ко мне спешит она.

Да! В те года я счастлив был,
А сытым не бывал,
С травкою рос, с туманом плыл
И с птицей распевал.

Потом? Дорога... Институт...
Мой буйный май любви!..
Не думал — годы пробегут,
Промчатся — не зови...

Не знаю, прав ли я бывал,
Но честен был мой труд,
Я петь умел, но умолкал —
Пускай друзья поют.

Я, чтобы их нетвердый стих
Уверенней звучал,
Своих тревог, забот своих
Совсем не замечал.

Да, я расчету вопреки,
С друзьями щедрым был,
Но жгут они черновики,
Где след моих чернил.

И верной помощи сейчас,
Как слабости стыдясь,
Идут по мне они, борясь
За славу или власть.

Поэзия! Отдайся ей,
Душа гори в стихах,
Ведь все, что сделал для друзей,
Не более, чем прах!

Им будет воздано сполна,
А ты — в тени, забыт.
Но как мне быть с душой, она
Чужой бедой болит!

Что делать, коль душа чиста
И доброты полна,
И высоты иной, чем та,
Не ведает она!

Что темной подлости раба
Святым считать ты мог —
Не убивайся,
Жизнь слепа,
Бывает, как щенок.

Ты ничего не уступил.
Ты только тверже стал.
Ты пошлой славы не купил.
Ты чести не продал...

Не свой карман и свой живот,
Не пост —
Моя печаль,
Хочу, чтобы меня народ
От труса отличал.
От подлеца!
И лишь о том
Я говорю с тобой,
Ведь не за славой и рублем

Отцы шагнули в бой —
За Родину — отца и мать, —
За вечную любовь.
Готов за это жизнь отдать,
Пролить и пот, и кровь!..

А счастлив, нет ли — не понять,
Не ведаю, прости.
Но встать бессильному, поднять
Упавшего в пути.
Помочь идущему — я рад.
Он труден первый шаг.
И я не требую наград.
Не ожидаю благ.

Наверное, я счастлив. Но
Печально на душе,
Проходят годы, не дано
Ничто вернуть уже.

Не то печаль, что жизнь крута
Да падать высоко,
А то печаль, что доброта
Дается нелегко.

Не то печаль, что ты не прав,
Полсердца отколов,
А то печаль, что шелест трав
Бессмертней наших слов.

1982

РОССИЯ

Есть много слов чудеснейших на свете,
Но хочу поведать об одном.
Оно как будто солнце людям светит,
Оно одно такое на планете,
И множество других сокрыто в нем.

В нем чистота
и мужество,
и сила,
Громады гор,
широкие поля...

И это все она —
 моя Россия, —
Прекрасная и добрая земля.

Скажу «Россия» и услышу —
 Ленин.

Скажу «Россия» —
 слышу звездный гром.

Она — начало новых поколений,
И мы
 свое начало в ней берем.

Мы --
 дети обновленного Алтая,
И над моей свободною землей
Прекраснейшая песня пролетает,
И горы вторят светлой песне той.
Нас добротой и лаской наделила,
И тех,
 кто в северном живет краю.

Она,
 Россия,
 всех соединила
В могучую и дружную семью.

Раскинулась привольно и чудесно,
Явив собой пример такой страны,
Где всем тепло,
 и никому не тесно,
Где все народы
 счастливы равны.

Пускай народ мой —
 малая частица
Большой страны,
 но с нею он велик.

Среди других,
 как равный будет литься

И молодой, и древний
 мой язык.

ПЕСНИ ВОДОПАДОВ

В Катунском ущелье — селенье Тюнгур.
Тюнгур — по-алтайски бубен.
Стоит над ущельем тяжелый гул,
Катунь бьет в скалу, как в бубен.

В Тюнгуре старых друзей свело,
Всю ночь мы играли и пели.
И было ущелье для песен мало,
И песни к звездам летели.

Алтайская песня гудит, как река,
Стонет, как сосны под ветром.
Она — несмолкающий пережат,
Она — вовеки бессмертна.

Я вышел на берег в лунную ночь.
Прислушиваюсь — не понимаю:
То ли волны поют, как люди точь-в-точь,
То ли люди реке подпевают.

А волны бегут, серебрясь под луной,
А горы — на страже вечной,
И весь мой Алтай передо мной,
Бессмертный и бесконечный.

И вот предо мною образ возник,
Как ясное сновиденье:
Я вижу — блестят наконечники шик,
Бесшумно коней движенье.

Я вижу высокий синий курган,
Застыла, спешившись, стража.
И вижу я, как идет по рукам
Вина круговая чаша.

И говорят: «Жив наш народ,
Мирный, крепкий, богатый.
Он те же самые песни поет,
Что пели и мы когда-то.
Только лица счастливей у них,
Только дома богаче...»

И снова седлают коней своих,
И кони над степью скачут.

А, может, это не кони, а дым,
Облака и туманы?..

И я возвращаюсь к друзьям своим,
Вхожу в анд пятигранный.
Сажусь у веселого очага
И слушаю песни снова,
В них каждая нота мне дорога,
Любое дóрого слово.

Ах, как хорошо этой ночью нам!
Какие счастливые лица!
Косцам, дояркам и чабанам —
Чего им не веселиться!

Они для родной потрудились земли:
Дошли, пасли, косили.
Так пусть не смолкает до самой зари
Песня в алтайском анде!

И песня встает, разметав рукава,
Каждого приветает.
И ей Катюшь отвечает: «А-а-а»,
И «У-у-у» — Катюшь отвечает...

1984

КАК СТЕПНЫХ КОНЕЙ

Вспомнается мне начало начал...
В этот город, сложенный из камней,
Я табун своих диких стихов примчал —
Необъезженных, диких, алтайских коней.

Или я хотел с безрассудством юнца,
Чтоб весь мир поклонился моим стихам?
Крепко сидя на потной спине жеребца
Въехать неким Аттилой в Священный Храм?

Но среди хрусталя и мраморных плит
Убежала муза прочь от меня,
Ибо нес я с собою не розы, не мирт —
Пряный дух ковыля и пену коня.

Я такие песни привез из степей!
Только был непонятен их древний язык,
И смеялся мир над песней моей,
Этот мудрый мир книгочесов и книг.

Вспоминаю тебя, Тверской бульвар!
Как под тенью твоей мой пыл поостыл,
И я понял свой дар, как ненужный дар,
И свои табуны прочь отпустил.

И я думал, что буду во всем походить
На парней гениальных, на весь наш курс,
Повторить, превзойти, но сперва повторить —
В этом — так мне казалось — секрет искусств.

Бог ты мой, танцевал я и вальс, и фокстрот,
По паркету блестящему лихо скользил.
И, забыв о той, что в горах меня ждет,
Я у музы чужой вдохновенья просил.

Но тебя, институт, и тебя, Москва,
Все же я с благодарностью вспомню не раз,
И учителей наших золотые слова,
Указавшие путь на далекий Парнас.

Если знал бы я, наивный юнец,
На какую жизнь себя обреку,
Я тебя, мой взмыленный жеребец,
За узду рванул бы на всем скаку...

Я сказал бы: — Замри, мой скакун степной,
Путь поэта — слишком нелегкий путь...
Но поэзии ветер гудит надо мной,
И уже нельзя назад повернуть.

Если знал бы я, если знал бы я...
Где ты, полная ветром грива коня?
Где пастушеская муза моя,
Одарившая сердцем и словом меня?

Посреди высокой древней страны
Песнь слагала она с незапамятных лет,
И пылили мимо нее табуны,
Уходившие покорять белый свет.

И звучал наш древний, великий язык,
И слагался напев высоких стихов,
И с алтайских скал, с этих каменных книг
Не смогла стереть его длань веков.

Я гляжу стихам — табунам моим вслед,
Сам я их седлал, сам я их подковал.
Не сумеют они покорить белый свет,
Но взойдут еще на один перевал.

1984

Ну что за жизнь без встреч, без дорог?
Поехали, восхали, мой друг!
Ты что сидишь, нахмуренный и строгий?
С тоскою озираешься вокруг?
А где же та, что ждет за поворотом?
Ведь оставаясь дома, взаперти,
Не приобщившись к ширям и высотам
И песню не сумеешь обрести.
И все восторги, боли и тревоги
Не овладеют сердцем никогда...

Ну что за жизнь без встречи, без дорог,
И как уныло тянутся года.
Настанет день и кто тебе поверит,
Что ты когда-то чуток был и смел.

Дорога песней на душу повеет,
И ты поймешь, что все же уцелел
Среди занятий суетных и вздорных,
Среди хлопот ненужных и пустых.

Рукой подать — на перевалах горных
Тебя все дожидается твой стих.
Спеши туда, страдай и увлекайся,
Коль сможешь — в женских потопи глазах,
Ведь пишут на наречии алтайском
Не зависть, не обида и не страх.

Не жди наград, не требуй звонкой славы,
Одна награда — горные цветы.
И скажет каждый пусть тогда по праву,
Что был поэтом и остался ты.

1984

СНЕГ СРЕДИ ЛЕТА

Прилетели гуси белые,
Сели на вершины гор.
Только то не гуси белые —
Снег свой расстелил ковер.

По ущелью сизокрылая
Стая с гоготом летит.
Нет, не стая сизокрылая —
Речка горная кипит.

Прилетели песни странные,
Обступили, увели...
Только то не песни странные —
Водопад гремит вдали.

Будут даты и события,
Годы выстроятся в строй,
Все тусклее, все размытее
Будет виден образ твой.

Но зароды почернелые
И расцветший буланат —
Ничего я не поделаю —
Поведут меня назад

В этот снег, среди лета выпавший,
Продержавшийся полдня,
В этот взгляд, всю душу выпивший
И не видящий меня...

1983

Я — СОЛОВЕЙ АЛТАЯ

Этот кедр высокий и могучий,
Головой касающийся тучи,
Девяносто у него ветвей.
Полны ветви шелеста и света,
Я качаюсь на одной из веток,
Маленький алтайский соловей.

Я пою — пусть слышат или не слышат,
Все равно ведь горло песней дышит,
Я живой и, стало быть, — пою.
Я пою о горах и долинах,
Я пою о косяках гусиных, —
Обо всем, что есть в моем краю.

Мой Алтай, мой дорогой, мой вечный,
Многолесный он и многоречный.
Он недаром назван золотым.
Далеко мне видно с веток кедра:
Видны выси и видны недра
И гудящих новостроек дым.

А еще я вижу с этих веток,
Как стоит под деревом мой предок
И слезятся у него глаза.
Все, что он прошел, я понимаю.
Все, что было, песней помню.
Было ведро и была гроза.

Мой народ, доверчивый, сердечный,
Простодушный, ласковый, беспечный,
Многих мудрых мудрецов мудрей.
Пусть ему не сыпали отличья.
Он как я. Он — птичка-невеличка,
Маленький алтайский соловей.

Но стоит душа его высоко,
Выше горных ручейков истока,
Выше белоснежных всех вершин.
Радуюсь высокой этой доле,
Мучаюсь от незабытой боли
И горжусь всем тем, что он свершил.

Так вот, торжествуя и печальсь,
Я пою, на почести не зарясь,

Маленький алтайский соловей.
Счастливы лишь одним, что ветви кедра
Подарили мне светло и щедро
Эту песнь о родине моей.

1983

РОДИНА

Родина, милая родина,
Ты, как любовь, одна.
Мною тебе все отдано
С гордостью и сполна.

Родина, славная родина,
Знаю, что без тебя
Напрочь была б обобрана
Жизнь моя. И судьба.

Нету другой мне родины,
Нет, как любви другой,
Быть хочу похороненным
Только в земле родной.

Весь я сроднился с родиной,
С ней одолел беду,
Рос вместе с ней и строил с ней,
Веря в ее звезду.

И по ее степям,
И по ее горам,
И по ее снегам —
Где только мной не пройдено!
И никаким врагам
Я тебя не отдам,
Родина, гордая родина!

Ты, как любовь, одна,
Дорогая страна,
Родина, моя родина!
И во все времена
Мне дорога видна:
Ты — звезда путеводная!

Родина и любовь —
Крылья мои
И вновь
Сила моя утроена!
Счастлив я, что дана
Мне, как любовь, одна,
Только одна родина.

1983

ПРАВ ЛИ МУДРЫЙ?..

«Если спит певец,
Спит его народ».
Так изрек мудрец,
Прав ли мудрый тот?

Если б спал поэт,
Из глубин веков
Не дошел бы свет
Песен и стихов.

И народ не спал,
А не то бы как
Он бессмертным стал
В песнях и стихах?

Наши письма
У подножья скал
Не во время сна
Он ведь начертал!

Как бы мог сберечь,
Если спать привык,
Золотую речь,
Древний наш язык?

Нефертити к нам
Не пришла б тогда,
Мог Омар Хаям
Сгинуть без следа...

...Сыплет белый снег,
Полночь у дверей.

Целый мир во сне,
Кроме матерей:

Ночи напролет
Малышам поют,
И бессмертье ждет
Их бессонный труд.

Ведь из песен их,
Где мечта жива,
Пушкин брал в свой стих
Жемчуга-слова.

Жизнь, поэт, воспой,
Воспаряй в зенит
И не спи душой,
Сердце ведь не спит,

Правду жгучих слов
Зароняй в сердца,
Чтоб народ готов
Слушать был певца.

«Если спит певец,
Спит его народ».
Так изрек мудрец,
Врет тот мудрый, врет!..

1983

ЛЮБОВЬ

Моей любовью полон Алтай —
Долины, вершины, весь горный край.
Моей любовью реки полны
От первой волны до поздней волны.
Моей любовью небо полно,
От звезд моих светлым стало оно.
Ведь звезды — узоры любви моей.
Свети, мое небо, и не тускней!
Моей любовью полны цветы,
Почва, трава, деревья, кусты,
Еще полны они волшебства,
Поскольку любовь моя такова.

Словно магнит, родная земля,
Ты притягиваешь меня.
Счастьем полна душа и чиста,
Благославляю родные места.
Камень любви на этой земле
Полон любовью и дорог мне,
Наклонюсь над ним и к нему
Губы горячие я прижму
И услышу говор лесов,
Шелест травы и шепот цветов,
И пронзит мое сердце вновь
Моего народа любовь.
Голос милой издалека
Я услышу наверняка.
Полон любовью весь белый свет
И сдается, что смерти нет.
Буду жить опять, буду петь опять
И везде по родине тосковать.

1982

ПОЭЗИИ СЕСТРА

Оттого, что ты жива,
Звезды блещут ярче,
Несказаннее слова
И объятая жарче.
Оттого, что ты живешь,
Небеса синее,
Гонче ветер, звонче дождь,
Листья веселее.
Словно ты — чудесный свет,
И при этом свете
Никакой печали нет,
Даже нету смерти!
Ты как песня. Неспроста —
Вся — великолепье!
Ты манишь, как облака
Над моею степью.
Вся — надежда, вся — любовь,
Светишь, не сгорая!
Оттого-то и с тобой
Счастьем нету края,

Оттого-то за дверьми
Горе, а не в двери...
Оттого друзья верны
И друзьям я верен.
Ты — весна земли моей,
Так цветы и хорошей!
Что тебе печалиться?
Не грусти, пожалуйста.
Вся порыв и вся азарт,
Молодая, юная!
Солнца жар в твоих глазах
И сиянье лунное!
Дочка каменной земли,
Гор алтайских дочка,
О тебе стихи мои,
В них любая строчка
Получила от тебя
Бег, разбег, теченье...
И в тебе ее судьба
И предназначенье.
Преклоняюсь пред тобой,
Передать стараясь,
Через муку, через боль
Всю земную радость.
Ты, как жизнь и как игра,
Ты — восторг и тайна,
Ты — поэзии сестра,
Девушка-алтайка!

ОТБЛЕСКИ СУРОВЫХ ЛЕТ

КОММУНАРЫ

Здесь коммунары спят, не видя снов,
Сном непробудным, величавым, вечным.
Над ними — пряный аромат цветов
И алый свет звезды пятиконечной.

Там Чолушман — река шумит. Над ней
Нависли горы молчаливым строем,
И шепчет старая сосна сосне:
«Здесь пали безымянные герои...»

Оделся тополь в праздничный убор,
Порхает ветер по логам смолевый.
Вздыхают пихты, наклонившись с гор:
«Они погибли ради жизни новой...»

Герои пали. Только мысли их
В горах остались, засверкали новью.
На месте павших — тысячи живых!
Дела отцов живут в делах сыновних!

Их имена не вписаны в гранит —
В людских сердцах им вечная прописка.
И — нет! Не мрамор славу их хранит,
А этих гор граненыхobelisksки...

1956

КОММУНИСТ

Он коммунистом не был — по анкете,
Отец мой, дельный, вдумчивый мужик,
Но шрам косою не зря его пометил:
На белых в бой он шел как большевик!

Он коммунистом не был — по анкете,
Но строил школы, основал колхоз,
И — пусть и не отмеченный в билете! —
Немалым был его партийный взнос.

Он коммунистом не был — по анкете.
Был беспартийным. Но за все в стране,
Как коммунист, считал себя в ответе
И умер коммунистом на войне.

Он коммунистом не был — по анкете,
Но если взвесить мысли и дела,
То жизнь его под солнцем на планете —
Вся заявленьем в партию была.

Отец мой, коммунист без партбилета,
Вовек твой образ в сердце не умрет,
И для меня в живую плоть одеты
Слова большие: Партия, Народ...

1960

В МУЗЕЕ ЛЕНИНА

Здесь, вспоминая годы огневые,
Спокойно, тихо люди говорят.
Здесь вещи все, свидетели живые,
Стоят, как много лет тому назад.
Мне кажется, что Ленин только вышел...
Вот-вот войдет он... Встреча впереди...
И я стою в волнении... Я слышу,
Как сердце бьется радостно в груди,
Оно гудит набатно и тревожно,
Ему покая нет,

покая нет...

Вхожу, уняв волненье, осторожно
В простой, уютный тихий кабинет.

Вот стол.

Он здесь сидел, мечтал, работал
И отдыхал, устав от трудных дел.
И — пули на столе...

Крадется кто-то...

И вдруг я слышу — выстрел прогремел.
Но в тот же миг неуловимый, быстрый,
Под пулю, что грозна и горяча,
Я рвусь вперед, стремительный, как выстрел,
И защищаю грудью Ильича.

И, падая, сраженный, на дорогу,
С которой не подняться никогда,
Я спрашиваю с болью и тревогой:
— Здоров Ильич?

Мне отвечают:

— Да...

И умираю я, счастливый самый...
«Что с вами?» — слышу задают вопрос,
А я в лицо экскурсоводу прямо
Смотрю и не стесняюсь слез.
В сраженьях восемнадцатого года
Враг понимал, прищуривая глаз,
Что метил в сердце целого народа...
О, если б я его от пули спас!

1960

ОГНИ

Любое сердце может замолчать.
Но вечно будет сердце Ильича
Стучать в людских сердцах, не умолкая!
Его слова звучат в горах Алтая.
И образ Ленина живет в горах Алтая.
Он дал нам жизнь,
Он вдохновенье дал,
Огни зажег среди угрюмых скал.
А было так.

Анлов одиноких

глухая тьма.

Блеснет в полночный час
Сквозь щели юрты, будто волчий глаз,
неяркий огонек —

И снова мрак глубокий.

Как в омут, всадник запоздалый канет,
Ушей коня и то не различит.
На миг один

лишь молнии сверканье
Ему дорогу осветит в ночи.
Прошли те времена...

Порою поздней
Иду по улице. Она светла, как днем.
И окна яркие домов колхозных
Смеются в ночь: «Мы счастливо живем!».

1960

ДОРОГА

Все ждали мы, что вот придет к нам счастье
По этой пыльной, выбитой дороге,
Все думали, что вновь услышим топот
Коней по серой, выжженной дороге,
Все верили: вот скоро к нам вернется
Отец, что на войну ушел когда-то
По этой длинной, как тесьма, дороге...

Все ждали: вот вернется, удивится,
Как без него ребята подросли!
Начнет воспоминаньями делиться,
Как воевал за честь родной земли.

Свои награды с гордостью покажет,
Широкоплечий, рослый и прямой.
Пусть раненым, пусть одноруким даже —
Лишь только б он вернулся к нам, домой!

Лишь только б мог ладонью, чуть шершавой,
Погладить нас: — Ну, как дела, сыны? —
И улыбнуться добро и лукаво,
И песню спеть, как пел нам до войны!

Но ждали мы, как многие, напрасно.
Наверно, там, за синими хребтами,
Вдали от нас, затих навеки топот
Коней по серой, выжженной дороге,
И на Алтай, в наш маленький поселок,
Лишь несколько вернулось инвалидов
Домой — по длинной, выбитой дороге...

Мы в День Победы пели и смеялись,
И плакали — кто сможет нас винить?
Печаль и радость в этот день смешались,
И как нам было их разъединить?..

Случалось, пыль дорожная вставала,
Надежда в сердце вспыхивала вмиг,
Но все напрасно. Лишь зайдет, бывало,
Прохожий запоздалый фронтовик.

Смотревший смерти в черные глазницы,
Шагавший в бой под грохот батарей,
Сейчас, казалось, глянуть он боится
В сухие очи вдов и матерей.

Он вспоминал в кругу сельчан широком
Всех, с кем делил солдатский долгий путь, —
И ждали мы: вдруг вспомнит ненароком
Из наших, из родных кого-нибудь?

О как хотелось верить нам в такое!..
Спускался вечер. Воин умолкал
И тихо уцелевшею рукою
«За тех, кто пали...» поднимал бокал.

Все ждали мы, что вот придет к нам счастье
По этой серой, выжженной дороге.
Все думали, что вот услышим топот
Коней по пыльной, выбитой дороге...

Так пусть вовеки не узнают люди
Тревожных, безнадежных ожиданий,
Пусть не глядят с печалью на дорогу,
Их скромный Дом связующую с Миром,
Пусть в каждый дом приходит только счастье
По светлой, ясной, солнечной дороге!..

1961

ДУМА НА СТАРОМ ПЛАЦУ

Наш плац — в лесу. Площадка, а за нею
Почти до неба сосен строй живой,
И мы стоим, как сосны зеленея,
В своей солдатской форме полевой.

Седой полковник, ветеран разведки,
Приказ читает нашему полку...
Но вновь и вновь его с лохматой ветки
Перебивает мирное «ку-ку!».

Полковник строг. Им век нелегкий прожит.
Немало битв он видел на веку.
Но даже он улыбку скрыть не может
В ответ на это нежное «ку-ку».

Смущенно улыбается и снова
Глядит на нас, как прежде строгим став...
И, право, нет здесь ничего такого,
Что нарушало б воинский устав!

Вст мы стоим плечом к плечу — солдаты,
Вот я стою, а вот — мой лучший друг...
Вполнеба светит зарево заката,
И строем сосны замерли вокруг.

И кажется: уже не сосны это —
Нет: отшагав немалые концы,
Пришли с войны, в защитные одеты,
Взглянуть на смену воины-отцы.

Они глядят, и взгляд их прям и весок,
И слышен сердцу говор их живой,
И мы стоим, как молодой подлесок,
В своей солдатской форме полевой.

Что ж, скажем мы, настали наши годы,
И мы клянемся вашему полку,
Что сбережем и пашни, и заводы,
И шум ветвей, и тихое «ку-ку».

Пусть век шагает, дали открывая,
Пусть солнце льет на землю щедрый свет,
И пусть кукушка наша полковая
Нам накукует — всем! — по сотне лет!

1963

ШАГИ

Я не знаю,
В каком окопе,
На каком по счету шагу,
В час атаки
Трудно, легко ли,
На траве степной,
На снегу,
На одном ли из перепутий,
Молодым ли,
Старым бойцом,
От осколка или от пули
Ты упал
На запад лицом.
В назиданье нам
И в наследье,
Умирая в полях пустых,
Не оставил своих последних
Слов высоких ты
И простых.
Не батыром
Со славой громкой,
Просто воином
И отцом,
Защищавшим свою сторонку
И детей,
Ты сражен свинцом.
На каком шагу?..
Не умели
Мерой мерить вы
Тот большак.
Пусть он мал —
На пути к Победе —
Не забудется
Этот шаг!
И поныне
Родине, и соседству
Слышно, как гремят сапоги...
Нет, не в памяти только —
В сердце
Отпечатаны
Те шаги!

1965

АЛТАЙСКИЙ ЭСКАДРОН

Памяти бойца Алтайского эскадрона,
полковника М. С. Каташева.

Даурия, Даурия,
Ветра со всех сторон.
Шел под грозой и бурею
Алтайский эскадрон.
Вскипали дали выстрелами,
Звенели близи саблями,
Но кони были быстрыми,
А люди были храбрыми.
Стояли на горбатом
Амурском берегу
Алтайские ребята
Преградою врагу.
Сигнальною ракетой
Взрывалась тишина.
Вставала над планетою
Великая война.
Голов своих не гнули,
Шли в бой за край родной.
Под бомбами и пулями
Редел их строй стальной.
Один смертельно ранен был
У речки Халхин-Гол,
Другой из Померании
Обратно не пришел.
За Вислою и Одрою,
От служб освобожден,
Раскинул руки мертвые
Алтайский эскадрон.
Осенней ночью хмурою,
От пуль загворен,
Проходит по Даурии
Алтайский эскадрон.
Идет, как шел он некогда,
В былые времена,
Но песен петь там некому
И тихи стремена...
Идет стальная конница,
И ветер знамя вьет,
И никогда не кончится
Бессмертный тот поход.

1966

КАЙЧИ

Деревянный домишко совсем замело.
Лишь дымок над трубой — видно, в доме тепло,
Лишь окошко желто — видно, лампа темна,
Да на стеклах узоры — зима холодна.

Но хозяин не видит узор на стекле.
Кожу мять — это верно — удобней в тепле.
Дров подкинет и снова сидит у огня,
Слепоту своим словом недобрым кляня,

Жил скорняк в этом доме бобыль бобылем.
Только старый топшур¹ и остался при нем.
Были б руки — овчина найдется всегда,
Без топшура остаться — вот это беда.

Не сыграешь — кто в гости заглянет к вдовцу,
А на песню соседн заходят к слепцу.
— Мы с работы. Ты спел бы нам песню, старик.
— Что ж, садитесь, — скучать Улагаш² не привык.

Где кайчи, там и песня. Где песня — друзья.
Ну-ка дайте топшур, поиграю вам я.
Пока жив Улагаш, будут песни звенеть.
Ну так что бы такое для сердца вам спеть?

И уже веселится огонь в счаге,
И топшур деревянный послушен руке,
И забытую песню рокочет струна,
И, как давняя сказка, встает старина,

Древних витязей слава и подвиги их,
И любовь, и стыга героев былых,
И на лицах усталых, как отблеск огня,
Зажигается радость грядущего дня.

1968

¹ Топшур — струнный музыкальный инструмент.

² Улагаш — Н. П. Улагашев, выдающийся поэт и сказитель.

Так что же дано мне сказать
О времени нашем с тобой,
Какие оставлю слова,
Свой путь завершая земной?
Такую ли песню найду,
Чтоб в рост в ней эпоха была?
Умолкнут ли вместе со мной
Стихов моих колокола?
Ты слышало, сердце мое,
Столетние думы тайги.
Ты видишь, как ветер шальной
Целует весной лепестки.
Ты помнишь, как тихи слова
Боящейся слова любви.
Ты знаешь, как вешне гудит
Предчувствие счастья в крови.
Я в поисках песен живу,
Я песню ищу для людей.
Мне слышится где-то вдали,
Почти полземли одолев,
Сквозь снежные вихри в горах
Звенит «Варшавянки» напев.
Я слышу кронштадтцев шаги,
Их марша железного шквал —
«Каховка» над миром летит,
Гремит «Интернационал».
Мне кажется, Ленин идет
По горной моей стороне,
И судьбы алтайской земли
Яснее становятся мне.
И ответ октябрьских знамен
Строку обагрят огнем,
И тысяч сердец голоса
Сливаются в сердце моем.
И сердце, как солнце, во мне:
Вот-вот разорвет мою грудь.
И новая песня моя
Созрела и просится в путь!

1969

СОН

Было больно — ни разу не крикнул: «Отец!»
Было страшно — ни разу ни пикнул: «Отец!»
Было трудно — ни разу не плакал: «Отец!»
Только знал,
Что есть слово такое — отец.
А кому б я сказал, малец,
Это слово?

Что такое случилось сегодня во мне?
Только ночью кричал я сегодня во сне:
— Папа! Папа!
Был разрушенный город, объятый огнем,
И не знал я, где я,
И не знал, где мой дом.
И уходит на запад последний отряд —
Лишь качанье штыков,
Лишь молчанье солдат.

Я узнал его сразу.
Я бросился в строй,
За шинель ухватился:
— Отец, ты живой?!
Но отец уходил, молчалив и высок,
Только тихо сказал:
— Опоздал ты, сынок.
— А когда вы вернетесь?
Куда вы сейчас?
— Опоздал ты. Никто не вернется из нас.

И пошел на закат
Молчаливый отряд,
И дрожала заря
На штыках у солдат,
И горели вдали города, города,
И я понял, что я
Опоздал
Навсегда...

— Папа, папа, постой! —
Я бежал вслед за ним.
Но шагали бойцы,
Точно тени, сквозь дым,
И никто не хотел обернуться назад,
И горел впереди молчаливый закат.

...Что случилось со мною?
Тоска ли моя
Унесла меня вдруг
В те года, в те края,
Что живут, словно тени, в потемках сердец,
Чтобы встретиться где-нибудь
Нам наконец.

Я проснулся.
Как дорог мне сон мой ночной:
Хоть во сне, мой отец, побывал я с тобой.
Карандаш я сжимаю,
Смотрю на листок:
— Опоздал я, отец,
— Опоздал ты, сынок.

1969

ПО ДОРОГАМ ОТЦОВ

О время юности отцов,
Прими меня!
Нашел бы место я в строю,
Нашел коня.
Труби, труба, зови, труба, —
На зов лечу.
Клинок отцовский огневой
Мне по плечу.
— Ребята, шашки наголо!
Даешь Оймон¹.
Как вихри, гривы у коней —
Наш эскадрон.
Играют молнии клинков
Со всех сторон —
Воскресший Сухов² бить врага
Пришел в Оймон.
Суд революции суров,
Бойцы правы —
И Кайгородов-есаул³
Без головы.

¹ Оймон — местность в горах Алтая.

² Сухов — командир красногвардейского отряда, расстрелян белыми.

³ Кайгородов — командир белогвардейского отряда.

И вновь команда: «Эскадрон!..»
И дробь подков.
Еще под белыми Алтай —
Добьем врагов!
Эй, Яконур, Кырлык, Ело¹,
Заря близка!
Взвей знамя в небо и вперед
На Беляка!
Асти, земля, искри, земля,
Из-под копыт,
Пусть краснозвездной правды свет
В сердцах сквозит!
И где-то в сумерках ночных
Алтайских гор
Мчит синегривый эскадрон
Во весь опор.
И снова знамя впереди,
И ветер бьет,
И, как кумач, в груди моей
Заря цветет!
...Виденья легендарных дней,
В который раз,
Как той зари горячий свет,
Я вижу вас.
Весь горизонт в горах моих
Огнем объят.
Клинки, как молнии, в руках —
Летит отряд.
Летит навстречу той заре,
Что над землей
Великий Ленин нам зажжет
Там, над Невой.

1969

¹ Названия алтайских сел.

Здесь умирали воины за нас —
Лицом к врагу, без стопа и без крика.
Я бережно несу букет гвоздики —
Здесь кровь их незабвенно пролилась.

Над горестной гранитною плитой
Сердца отцов горят звездой красной,
Огонь судьбы отчаянной и страстной
Трепещет на ветру передо мной...

И я родной земли не дам в обиду,
А если вдруг военная гроза,
Б атаку я правофланговым выйду,
И смерть в испуге отведет глаза.

А если я погибну — кровь моя
Пробьется к солнцу красной гвоздикой.
И на мгновение в мире станет тихо:
Охватит мертвых трепет бытия!

Не зря любая пядь земли родимой
Для нас всегда священна и жива.
Нет, не пройти любого камня мимо:
Здесь жизнь боролась за свои права.

Любой бугор, любой кусок гранита
Цветов достоин. И ошибки нет.
Идут года — герои не забыты:
В сердцах живых их негасимый свет!

И пусть всегда к подножьям обелисков,
Склоняются прекрасные цветы,
Когда весна, полна тепла и риска,
Приходит из морозной темноты.

Цветы под стать солдатам и героям,
И пусть не помним их по именам,
Но каждую весну, как перед боем,
Они из вечности приходят к нам.

И над гранитом красная звезда
И вечного огня сердцебиенье,
И мое сердце свято, навсегда
Связует времена и поколенья...

1970

ОГНИ МОСКВЫ

Москва. Гостиница «Москва», пятнадцатый этаж,
Внизу — прекрасный город наш, всеобщий город наш.

Стоим и смотрим, как над ним взлетают в высоту
Самолта жаркие огни и гаснут на лету.

О месяц май, девятый день! Победы нашей день!
Все ордена свои, Москва, ты в честь его надень!

И вот уже из номеров несем припасы мы,
Алтайский сыр и нельму Колымы.

Ты родом с Балтики седой, а я с Алтая, друг.
Но за столом у нас сейчас почти семейный круг.

Москва, для столь различных нас — сынов и дочерей —
Бываешь часто матери добрей.

Огни взлетают в высоту и мнятся иногда:
Не гаснут, падая, они, не тают без следа.

А прикипают в высоте, умножив звезд число...
«А может быть, — подумал я, — так ярко и светло

Над красными зубцами стен, над кровлями дворца
Горят бессмертные сердца, солдатские сердца!»

Москва, о как ты дорога защитникам своим,
Как ты, свободная, нужна и мертвым и живым!

Взлетела звездочка одна и замерла в окне,
Всего на миг, но в этот миг вдруг показалось мне,

Что предо мной возникла вновь, у самого лица,
Звезда с пилотки моего погибшего отца...

И встал высокий фронтовик, герой суровых дней.
«Тост за Москву, — промолвил он, — за свет ее огней!

Пусть, вечно ясные, горят, для всей земли горят,
И выше этой на земле нам не сыскать наград!»

Так он сказал, седой солдат, тост предложил такой —
И поднял дрогнувший бокал единственной рукой...

1971

ПЕСНИ КОМСОМОЛОК

Снова вспомнилось детство мне —
Ночь. Луна. И песня в ночи.
Все звучит она в тишине,
Сколько раз ни проснусь — звучит.
Кто поет ее там, вдалеке?
Или это журчит река?
Или белые, нелегкие
Мчатся ветры издалека?
Ночь бела и луна кругла,
Смстрят в круглые мне глаза.
Как ночная звезда, светла
На ресницах моих слеза.
— Мама, кто поет по ночам? —
Тормошу я, не в силах спать.
— Комсомолки, девчата там, —
Мне из тьмы отвечает мать.
Это верно: девичий хор,
Парни все на войне давно.
И плывет эта песня с гор
На шемящей волне в окно.
Голубой лепесток огня —
Так трепещет в ночи она,
Как тоскует она, звеня,
Как мне долго она слышна!
Молотилок невнятный стук,
Шепот веялок, скрип колес,
Загремели телеги вдруг —
Хлеб для фронта повез обоз...
Может быть, только плуг и знал
Теплоту ваших нежных рук,
Только ветер и целовал
Губы пламенные подруг.
Обнимали парни не вас —
Землю выжженную войной.
Где-то в танках их жег фугас,
Где-то шторм их хлестал волной.
Только разве и в смертный час
Не любимую вспомнишь вдруг —
Глубину единственных глаз,
Теплоту единственных рук!
Если мимо летел свинец —
Это вы его отвели,
Это сила ваших сердец

Поднимала парней с земли.
Комсомолки военных лет,
Героини военных дней,
Вас надежней на свете нет.
В мире не было вас верней!
Имена б ваши звездам дать,
Дать бы самым красивым цветам,
Песни б звонкие посвящать,
Дорожке подруги, вам!
Слышу, слышу я вновь и вновь
Песни ваши сквозь все года,
И великая ваша любовь
Очищает меня всегда.

1975

РУЖЬЕ

Ружье кремневое, о чем
Молчишь ты, старина?
За чьим качалось ты плечом,
Где было до меня?
Ты пережило столько лет,
Кто мастер тульский твой?
Давно уж стерт узорный след
Руки его живой.
Как ты попало к нам?
Купец
Привез в суме своей,
Отдав кому-то наконец
За черных соболей?
Казак ли выронил лихой,
Сраженный здесь стрелком?
Рассказывают, прадед мой
Владел таким ружьем.
Наследник деда и отца,
Тебя ли я обрел?
В стволе таится дух свинца,
Хоть ржа пятнает ствол.
Свидетель пугачевских лав,
Все грозен ты, старик.
Стою, приклад к плечу прижав,
Щекой к тебе приник.

Вон красной меди огонек —
Прицел. И темь вокруг.
«Ну, хорошо ль ружье, сынок?» —
Отцовский голос вдруг.
Глухой, далекий, он как гром
Раздался надо мной,
И щеки вспыхнули огнем,
И встал меж мною и ружьем
Отец погибший мой.
Когда отец тебя держал,
Ружье, блестело ты.
Не раз твой гром в горах снимал
Марала с высоты.
Он не пришел с войны домой.
Уж тридцать лет тому.
И не прижмется он щекой
К прикладу твоему.
Что до меня, я не стрелок,
С пером дружна рука.
Пускай живет марал, дружок,
Ты отдохни пока.
Приклад поглажу я порой
И станет мне светло,
Как будто чувствую рукой
Отцовское тепло...

1975

РЕЧКА КАЛЬМИУС

Капитану Такше Кукуеву

Под названием странным
Века
Все течет по степи река.
Речка Кальмиус — кто-то ее назвал.
Может, это древний Каял?
В тихий Дон погрузив шелом,
Пили витязи здесь не раз.
И алтайских парней моих
Напоил он здесь в грозный час.
Капитан Кукуев Тукша,
Каярлыкский¹ товарищ мой,

¹ Каярлык — село в Горном Алтае.

По твоим мостам, говорят,
Наши танки пошли тут в бой.
Сколько ты наводил мостов
В этих сальских степных краях?
Сколько раз отбивал врагов,
На земле погибал и в волнах?
Ошибается раз сапер,
Смерть в ладонях своих держа.
Он коварен, чужой минер,
Как ты смерть обманул, Такша?
Степь горела в огне боев,
Терриконы кругом во мгле.
Много славных твоих бойцов
Полегло на донской земле.
Как Алтай, дорога она,
Эта степь, что ты защищал.
Всюду кровная связь видна —
Древний Кальмиус или Каял.
И саперный тот капитан,
Не забыл он еще, Такша,
Как ты воду из Дона пил,
Каску, точно шелом, держа...
Все бывало в дороге, брат.
Ты прошел ее до конца.
Ты пронес в чистоте, солдат,
Званье доблестное бойца.
Презирал ты, вступая в бой,
Смерть, что всюду расставил враг,
Точно мины в траве густой,
Стерегущие каждый шаг.
Древний Кальмиус или Каял степной,
Как далек от Алтая ты!
Небо синее над тобой,
В белых-белых цветах сады.
Что ты шепчешь в степной тиши,
Камыша растревожив сон?
Вспоминаешь лицо Такши,
Как к тебе наклонялся он?
Покачнуло лицо волной —
Потный-потный пришел, пыля! —
Терриконики за спиной,
Нашипованы смертью поля...
Нелегка ты, судьба солдат,
Только помыслы их чисты.
Сколько мин затаилось, брат,

На солдатском твоём пути!
Ты пройдёшь через край степной,
Разминируешь все поля,
Чтобы тем, кто пойдёт за тобой,
Улыбалась светло земля...
Вот брожу над рекой не спеша, —
Это Кальмиус или Каял течет, —
Были биты враги, Такша!
Солнце ласковое печет.
Надо мною весенний день,
Преодо мною вся степь ясна...
Я прошу: ордена надень,
Капитан, надень ордена!

1975

ДЕРЕВЬЯ

Вдоль дорог молодые деревья стеной —
Здесь когда-то отцы уходили в поход.
Не замена ли им молодой этот строй,
Этот лес, что тридцатое лето растёт?

В год победы они были ростом с меня.
Я теперь достаю лишь до первых ветвей.
Ах, погодки, о чём вы, листвою звеня,
Над дорогой шумите моей?

Вы как будто спешите тропой полевой
Вдоль колонны идущих дорогой бойцов,
Как когда-то и мы провожали гурьбой
На войну уходящих бойцов...

Узнаю вас, друзья, и приветствую вас:
Здравствуй, лес молодой!
Здравствуй, юность моя!
Вы уже точно рота на марше сейчас
Уходящая рота моя...

Мы подростками были в далекий тот год
И бежали мы вместе тропинкой одной.
Чья-то юность мною дорогой идет —
Зашумит ли листва над дорожкой той?

Вот я вижу ваш строй на тропинке моей —
Не отцы ли вернулись на землю свою?
Осадили гривастых алтайских коней,
Эскадрон к эскадрону застыли в строю.

Нет, отец не погладит вихры мне рукой,
Только веткой береза коснется едва,
И к листве, как к руке, вдруг прижмусь я щекой —
Ах, как пахнет смолой у березы листва!..

Если вновь протрубит над страной беда
И придется однажды седлать нам коней,
Дорогие деревья, придите сюда,
Над дорогою встаньте моей!

1975

В СТРОЮ СТАРЫЕ СОЛДАТЫ

Старые солдаты
По улице шагают —
Скромные, усталые...
Молчалив их строй.
Медали боевые
Солнечно сверкают,
Знамена легендарные
Шумят над головой.

Мертвые солдаты
Сквозь молодые травы
Незримо поднимаются...
Шаги их не слышны...
Встают под то же знамя
Победной славы —
Под знамя, опаленное
Пожарами войны!

Имя, фамилия...
Имя, фамилия...
Слышу переключку
Мертвых и живых.
Батальон, рота...
Звено, эскадрилья... —
Вижу эти лица
В дымах пороховых!

Быть может, это сердце
Мое гудит набатом?
Иль там шаги грохочут,
Иль горны поют?..
Идут отцы и братья,
Старые солдаты,
Живые и убитые
К бессмертию идут!
...Праздник Дня Победы —
Великий праздник мая, —
Рухнули призраки,
Отступила смерть!
Как ликовала радостно
Страна моя родная!
Как глубоко вздохнула
Земная твердь!

Огромные вокзалы,
Малые аилы,
Городские площади... —
Везде медалей звон.
Весенней первой зелени
Напористая сила —
Зеленые пилотки,
Зеленый эшелон...

Идут солдаты старые —
Воины бывалые.
Их поименно знает
Великая страна.
Ссутулились их плечи,
Груды стали впалыми —
Торжественно покоятся
На них ордена.

1975

ЖЕНЩИНЫ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Вдовы солдат погибших,
Опора сирот голодных,
Бессмертные в материнстве,
Познавшие муки богинь!

Мы все в долгу перед вами,
Что наши беды в сравнении!
Кто зерен измерит тяжесть
В ладонях вашей судьбы?
Кто горечь тех слов измерит
На малом клочке бумажном
Трагических «похоронок»?
А мертвых не воскресить...
Не вашими ли руками
Броней одевались танки?
И ваши нежные руки
Молота знали вес.
И тяжесть снопов на поле,
Которые вы поднимали...
Но ваша любовь не иссохла,
Беда не согнула вас.
Вы были, как дождь благодатный
Земле, сожженной войною,
Вы были источником жизни,
Ее продлевая вновь.
И вы на мои ладони
Ячмень посыпали в детстве.
А зерна — тяжеле золота,
Я знаю, люди, их вес.
Вы песней тоску разгоняли,
А горести гнали смехом,
Но видел я тайные слезы
Порой на ваших глазах.
Вдовы солдат погибших,
Опора сирот голодных,
Бессмертные в материнстве,
Родина — это вы!
Недаром художник иль скульптор
В вас Родины образ видит,
Величье в нем воплощая,
Бессмертье и красоту.
И мы преклоняем колени,
Склоняем головы низко —
Мы все перед вами дети
С младенчества до седины.

1978

ДУМЫ ЧАБАНА

Поэма

1.

Ой, вершины поседали!
Там метелца метет,
Кедры старые и ели
Держат снега легкий гнет.

И, гонимый непогодой,
Покидая летний стан,
Пожилый, седобородый,
С гор спускается чабан.

На высоком перевале
Опустел его анд,
Глядя в сумрачные дали,
Грусть глубоко затаил.

В дымоход снежок влетает,
Вьется, словно мошкара.
И сугробик вырастает,
Где горел очаг вчера.

Но зато в селе, в долине
Ожил маленький домик.
Легкий, тоненький и синий
Из трубы пустил дымок.

Засветилось желтым светом
Невысокое окно.
Пустовавший долгим летом
Дом соскучился давно.

По хозяину седому,
По ворчанью, табаку...
И хозяин тоже дому
Рад, как старому дружку!

Овцы сгрудились в кошаре —
Стены здесь им не тесны:
Теплой хмарю надышались
И глядят овечьи сны.

Тихо. Глухо. Лишь во мраке
Огоньки в селе дрожат,
Лишь от холода собаки
Лают громко и визжат.

А чабан сидит спокоен,
Чай покрепче вскипятил.
Поседел бывалый воин,
Но покуда полон сил.

Даже вроде поредела
Сеть морщинок на челе,
Только раны то и дело
Ноют, старые, в тепле.

2.

Все гудит огонь в печурке,
Смотрит, щурится старик,
Будто с кем играет в жмурки,
Вспомнив детство в этот миг.

Бродит ветер за кошарой,
Тени ходят по стене,
Головой качает старый,
Улыбаясь в полусне.

Видно, сон ему приятен.
Снится: горы зелены,
Он красив, он молод, статен,
Он вчера пришел с войны.

На груди звенят медали,
Польхают ордена.
Молодая, в яркой шали
Рядом с ним стоит жена.

Он взволнованно и тихо
Шепчет ей слова любви,
И гарцует рядом лихо
Конь — поди, останови!

Длится радость, не кончаясь —
Знать, не будет ей конца,
А цветы шуршат, качаясь
Возле самого лица.

Да к тому ж однополчанин,
Закадычный русский друг,
И негадан, и нечаян,
Заявился в гости вдруг.

Тот, с кем шли по нивам взрытым,
Фронтной делили быт,
Тот, кто числился убитым,
А выходит, не убит!

Свеж и ясен день весенний.
«Жаль, что годы спину гнут...»
Много было воскрешений
В ту победную весну!

«Ну да мы еще живые!
Дружба старая крепка!»
Огневые, фронтные
Кличут вновь издалика.

И друзья не замечая,
Что и вечер настает,
Головами знай качают,
Вспоминают про свое.

Как дрались в огне и стуже,
Смерть в бою не раз поправ,
Как вели огонь «катюши»
На одной из переправ,

Как река вскипела — Висла
Называется она,
Как над Вислой этой висла
Дымовая пелена...

3.

Дальше снится: дети малы,
Он в горах пасет овец.
Ясноглазый, щеки алы,
Сын кричит ему: — Отец!..
Над лугами, над лесами
Встала радуга, пестра,
Блещет черными глазами
Рядом с мальчиком сестра.

«Сам не стар, детишки — рядом,
Золотые времена!..»

Пробудясь, он долгим взглядом
Смотрит в стекла. Ночь темна.
Разыгравшись, зло и грубо
Воют лютые ветра.
Встал старик. На плечи — шубу:
Навестить овец пора.

На крыльцо чабан выходит
И, откинувши засов,
На овец фонарь наводит,
Беспокойных гладит псов:
«Ишь ведь, лаять вам охота!
Или впрямь среди этой тьмы
Вам увидеть можно что-то,
Что не видим все же мы?
Что вас, верные, тревожит
Уж который раз подряд?
Вам почуялся, быть может,
Серый волк — ваш старший брат?
Или впрямь в ночных просторах,
Где мерцают огоньки,
Духи бродят, о которых
Нам твердили старики?
Кто ж такие — духи, черти?
Говорили: может быть,
Это души, после смерти
Обреченные бродить.
Не мешало б разобраться:
Почему, в конце концов,
Люди глупые боятся
Этих самых мертвецов?
Сколько раз, когда усталость
С ног валила на войне,
Рядом с мертвыми случалось
Нам забыться в тяжком сне.
Жизнь серьезней старых басен:
Пусть любая тьма кругом —
Что мертвец? Живой опасен,
Если стал тебе врагом!»

Да к тому ж однополчанин,
Закадычный русский друг,
И негадан, и нечаян,
Заявился в гости вдруг.

Тот, с кем шли по нивам взрытым,
Фронтной делили быт,
Тот, кто числился убитым,
А выходит, не убит!

Свеж и ясен день весенний.
«Жаль, что годы спину гнут...»
Много было воскрешений
В ту победную весну!

«Ну да мы еще живые!
Дружба старая крепка!»
Огневые, фронтные
Кличут вновь издалика.

И друзья не замечая,
Что и вечер настает,
Головами знай качают,
Вспоминают про свое.

Как дрались в огне и стуже,
Смерть в бою не раз поправ,
Как вели огонь «катюши»
На одной из переправ,

Как река вскипела — Висла
Называется она,
Как над Вислой этой висла
Дымовая пелена...

3.

Дальше снится: дети малы,
Он в горах пасет овец.
Ясноглазый, щеки алы,
Сын кричит ему: — Отец!..
Над лугами, над лесами
Встала радуга, пестра,
Блещет черными глазами
Рядом с мальчиком сестра.

«Сам не стар, детишки — рядом,
Золотые времена!..»

Пробудясь, он долгим взглядом
Смотрит в стекла. Ночь темна.
Разыгравшись, зло и грубо
Воют лютые ветра.
Встал старик. На плечи — шубу:
Навестить овец пора.

На крыльцо чабан выходит
И, откинувши засов,
На овец фонарь наводит,
Беспокойных гладит псов:
«Ишь ведь, лаять вам охота!
Или впрямь среди этой тьмы
Вам увидеть можно что-то,
Что не видим все же мы?
Что вас, верные, тревожит
Уж который раз подряд?
Вам почуялся, быть может,
Серый волк — ваш старший брат?
Или прямь в ночных просторах,
Где мерцают огоньки,
Духи бродят, о которых
Нам твердили старики?
Кто ж такие — духи, черти?
Говорили: может быть,
Это души, после смерти
Обреченные бродить.
Не мешало б разобраться:
Почему, в конце концов,
Люди глупые боятся
Этих самых мертвецов?
Сколько раз, когда усталость
С ног валила на войне,
Рядом с мертвыми случилось
Нам забыться в тяжком сне.
Жизнь серьезней старых басен:
Пусть любая тьма кругом —
Что мертвец? Живой опасен,
Если стал тебе врагом!»

Все сильнее ветер злится,
 Вновь уснуть бы невзначай,
 Только старому не спится.
 Топит печку. Греет чай.
 Размышляет: «Как ни сетуй,
 Вот и дожил до седин.
 Почему же в осень эту
 Здесь, в избушке, я один?»
 И, хлебнув густого чаю,
 Снова думает старик:
 «Я-то здесь не заскучаю
 Сам с собою. Я привык.
 Все же дней провел без счета
 Средь овец, листвы, травы...
 О другом в душе забота:
 Дети, счастливы ли вы?
 Я хотел вам лучшей доли,
 Я подарки вам дарил,
 Всякий раз за двойку в школе,
 Как положено, корил.
 Не одной прогулки ради
 Летом, в ясном свете дня
 Впереди себя и сзади
 Я сажал вас на коня.
 всей семьей мы кочевали
 По родным крутым горам,
 всей семьей **мы** начинали
 Труд чабанский по утрам.
 Но едва сентябрь примчится
 И коснется поздних трав,
 Я твердил: «Теперь — учиться!»
 Или был я в чем не прав?

Старший мой — смысленый парень,
 Несмотря на озорство!
 Как не буду благодарен
 Этой жизни за него?
 Дерзким был — зато в ученье
 Всюду ставился в пример...
 А теперь в свое селенье
 Не вернется: инженер!
 Ведь не всем ходить с отарой —
 В мире много всяких дел.

Чем же ты расстроен, старый?
Ты не этого хотел?

Дочка — врач. И тоже, тоже,
Как ни думай, ни гадай,
Никогда теперь, похоже,
Не вернется на Алтай.
А, бывало, так любила
Кедров шум, альпийский луг...
Неужели все забыла,
Все чужим ей стало вдруг?
Нет, конечно: как нагрянет
Летом в отпуск, в край родной,
На родные горы глянет —
И становится иной,
Не «приезжей» — в самом деле
Здесьней девочкой, как встарь...
Но пройдет лишь две недели —
И косится в календарь!

5.

Ночь плывет. Пылает печка.
Скоро утро. А пока,
Как пугливая овечка,
Сон бежит от старика.
И кому-то, вспоминая,
Он кивает: знаю сам,
Велика страна родная —
Есть куда лететь птенцам!
Где-то ветер вздул погоду,
Волны бесятся в ночи —
Там ведет свою подлодку
Сын — полковник — Адучи.
На плечах его погоны,
Словно крылышки, видны,
Он — на службе Обороны,
Он хранит покой страны.
Если надо, встретит смело
Всех непрошенных гостей...
Что сказать? Святое дело,
В мире нет его святей...
Только в сердце ворохнется,
Что теперь уж сын, считай,
Разве к пенсии вернется
На священный свой Алтай!

Светка — та актрисой стала.
Тоже служба. Тоже хлеб.
Знать, не зря, пока возрастала,
У дочурки голос креп.
Боевой была девчонкой,
И ровесников своих
Веселила песней звонкой,
Пляской радовала их.
Может, лучше бы завклубом
Оставалась на селе,
На Алтае, сердцу любом,
На родной своей земле?

Есть еще в Москве наследник.
Ах давно ли, поглядишь,
Ткнувшись матери в передник,
Плакал горестно малыш.
А теперь-то — неземное —
Выбрал дело и судьбу:
Смотрит на небо ночное
Через длинную трубу.
По небесной кровле шаря,
По которой не достать,
Не овец ему в отаре —
Звезды выпало считать.
Звезды, звезды — словно соли
Серебрянки на столе.
Что там ищут? Мало, что ли,
Дел осталось на земле?
Впрочем, что я, старый, знаю?
Грех судить со стороны.
Велика страна родная.
Все ей нужно. Все нужны.

6.

И раздумье овладело
С новой силой стариком.
Разжигает то и дело
Трубку жарким угольком.
Вспоминает не впервые
Разлетевшихся орлят.
Нет, не раны фронтовые
Это, кажется, болят,
Это — сердце. Что же кроме?

Он вздыхает тяжело:
«Младший сын еще при доме.
Он к друзьям ушел в село.
Упрекнешь ли парня в этом?
Тоже долго не бывал
На людях, он тоже летом
По горам чабановал,
Парень добрый — знает каждый,
Руки есть и голова.
Вот кому скажу однажды
Я прощальные слова!»
У огня старик склонился,
Снова тихо загрустил:
«Поскорей бы сын женился,
Ребятишек народил,
Да и зажил бы, в растая
В деревенские дела,
Чтоб вовеки на Алтае
Наша кровь не умерла,
Чтобы те луга и дали,
Где отары мы пасли,
Невзначай не одичали,
Лесом вдруг не заросли!»
А табачный дым слоится,
Потихоньку ворожа,
В печь горящую струится —
Тяга нынче хороша...

7.

Снег в окне кружится шибко,
Мучит память чабана:
Может, в жизни есть ошибка?
Разберись-ка, где она!

Жил по совести и чести,
Не кривил душой вовек,
Был с людьми повсюду вместе,
Работающий человек.
Дети, дети... Что тут скажешь?
Хоть мудрейшего спроси —
Как сегодня их обяжешь:
«Здесь живи! Овец паси!»
И когда настанут сроки —
Как удержишь их, детей:

В мир просторный и широкий
Не закроешь им путей!
А путей манящих этих
Есть немало в наши дни...
Он, старик, уверен в детях,
Твердо знает, что они
В трудный час его не бросят —
Будет сыт, обут, одет...
Но себя он не попросит
Приютить на склоне лет.
Он отсюда не поедет
Ни в какие города:
Здесь родился — здесь и встретит
Час последний. И тогда
Он исчезнет, как сухая,
Пожелтевшая трава,
Жизнь ни в чем не упрекая,
Ибо жизнь всегда права.
«Ну а если понимаешь,
Что права, зачем всю ночь,
Старый, голову ломаешь
Так, что сон уходит прочь?» —
Так себя он утешает,
Так себе он говорит.
А метель не утихает,
Трубка гаснет, не горит,
Да от холода собаки
Громко лают и визжат,
Да в рассветном полумраке
Огоньки в селе дрожат.
Ветер свищет громко, длинно,
И нахохлились дома.
В погрустневшую долину
С гор спускается зима.

1978

КОНИ

Убегая от погони,
Закусивши удила,
Мчались огненные кони,
Кровь шахтерская текла.
Мчались кони удалые,
И, влюбленные в мечту,
Гибли парни молодые
В восемнадцатом году.
Только белую заставу
Не прорвать, не обогнуть...
Не дошли до Туркестана,
Но нашли в бессмертье путь.
Кони огненной породы,
Как колосья полегли...
Захлебнулись пулеметы
И бойцам не помогли.
Около села Тюнгура,
Уж который год подряд,
Сухов¹, каменный и хмурый,
Из разведки ждет ребят.
Ждет все дни и ждет все ночи,
Каменный сжимает рот,
Словно все прорваться хочет
Он на Туркестанский фронт.
Командир отряда Сухов
Продолжать готов борьбу
И тревожным ловит слухом
Орудийную пальбу.
...По граниту пробегая,
Промельк солнечный сверкнул,
И вокруг цветы Алтая
Тихо встали в караул.

1982

¹ Сухов Петр Федорович (1884—1918), командир красногвардейского отряда шахтеров. Его отряд совершил героический переход через Горный Алтай. 10 августа около с. Тюнгур отряд попал в засаду и погиб. Сухов был расстрелян белогвардейцами.

КЕДР

На вершине Алтая
Кедр качали ветра.
У него золотая,
Словно солнце, кора.
Он стройней всех и выше
В этих горных лесах,
У него пропасть шишек
Голубых на ветвях.
Влез на ветку мальчонка,
Постреленок-пострел,
Заливался он звонко,
Солнце тронуть хотел.
День июньский был долог
И сиял чистотой,
И лился меж иголок,
Словно дождь золотой.

А под кедром мужчина
Возлежал меж цветов,
Улыбался он сыну,
Сам нестарых годов,
В самой жизненной силе...
Но назавтра везде
Ветры заголосили,
Что Россия в беде.
У платформы, рыдая,
Загудел паровоз
И мужчину с Алтая
Сразу к фронту повез.

Путь прямой у солдата:
Из вагона в окоп!
...Замолчит канонада,
Он вздохнет глубоко,
А, бывает, задремлет
Под внезапную тишь —
И он снова под кедром,
А на кедре — малыш...

Мины падали, выли,
Били не наугад,
И в атаку впервые
Не поднялся солдат,

Не увидел сигнала
Трех зеленых ракет —
Раненый, умирает он...
И шумел над ним кедр
Тот же самый, алтайский,
Средь высокой травы,
В память силой солдатской,
Неизменной любви
Вызванный перед смертью...
И на кедре — малец.
И смеется он сверху:
«Здесь я, здесь я, отец!»

И солдату помстилось,
Что войны больше нет.
Как последняя милость,
Зашумел над ним кедр.
«Не умру я...» — подумал,
Встрече с деревом рад,
И не понял, что умер,
А ведь умер солдат...
Порыжевшей шинелью
Весь накрыт, с головой,
Он остался в траншее,
Молодой, молодой,
Беззаветно и щедро
Жизнь отдавший свою...

Но солдатские кедры
Повсеместно в строю.
Кедр — солдата-алтайца
Гордость, слава и жизнь —
Выше гор поднимайся,
В небо синее вись!
Не согнет тебя ветер,
Ты с достоинством стой,
Как бессмертья свидетель
И его часовой.

1983

Каменистая земля
Твой обнимет прах,
И скалистых гор семья
Встанет на часах.
Мало спал ты до сих пор,
А теперь уснул.
И надежен синих гор
Вечный караул.
Небеса дрожат в пальбе,
Но не пушки бьют —
То весенний гром тебе
Отдает салют.
Все цветы твоей земли —
Ты в цветах по грудь —
Проводить тебя пришли
В твой последний путь.
...И медали не звенят,
Как в былые дни —
На подушке красной в ряд
Замерли они.

Ты до Эльбы дошагал,
Одолел войну,
Ты американцу жал
Руку в ту весну.
И казалось вам двоим:
Мир всего прочней
И уже непобедим
До скончанья дней.

Где американец тот?
Жив ли ветеран,
Или умер от невзгод
И от старых ран?
...А разбитая война
Силы набралась
И, как никогда, страшна:
У нее сейчас
Мегатоннами апломб,
Ни на грамм — ума,
У нее ракет и бомб
Водородных тьма.

Уж о жертвах ни к чему
Речи заводить —
Человечеству всему
Быть или не быть...

Но звучали, как набат,
И сейчас звучат
Те слова, что ты, солдат,
Сорок лет назад
На победном берегу
От души сказал,
И ведь руку не врагу
Ты тогда пожал.
Покрывала времена
Подозрений мгла,
И холодная война
На земле была.
Но звучали те слова
И теперь звучат:
— Миру мир! Земля жива!
...Но в гробу солдат.

«А ему бы в звездолет! —
Вдруг подумал я.
— Он в бессмертие идет,
В звездные края.
Не в могиле этой тлеть
Надо бы ему —
По галактике лететь,
Разрывая тьму.
И тогда б для всех для нас
В небе навсегда
Среди прежних звезд зажглась
Новая звезда.
И под той звездой твоей
В полуночный час
Шли бы косяки коней,
Ты их в детстве пас.
И, взойдя на перевал,
Каждый бы косяк
Средь небесных тел искал,
Где твой саркофаг.
В лошадиных бы глазах
Пряталась печаль,
А ты там, на небесах,

Мчал бы все и мчал
Тысячелетия подряд
В космосе, во мгле...»

Жаль, не пожил ты, солдат,
Дольше на земле.

1985

Сабдину

Не мало вы горя узнали,
А все же, ему вопреки,
Сегодня, как в самом начале,
Вы мужественны и крепки.

Четыре немислимых года
С какими боями прошли
И сколько фашистского сброда
Прогнали вы с нашей земли!

Кровь, пролитая за отчизну,
Святая — считает народ.
В сердцах, благодарных и чистых,
Ваш подвиг не отомрет.

И в послевоенные годы
Не все хорошо было сплошь,
Но вы, пересилив невзгоды,
Воспитывали молодежь.

Ей тоже непросто сначала
Бывало тягаться с судьбой,
И все же она отвечала
Любовью на вашу любовь.

В преклонный вступающий возраст,
Седой и бывалый солдат
Приветствует новую поросль,
Подбадривает ребят.

За многие реки и горы
Далеко отправился я.
И, может, услышу не скоро,
Как дышит родная земля.

По родине сердце томится,
О, как далеко до нее!
Так пусть же домчится, как птица,
К вам доброе слово мое!

1983

ЛИРА БРАТСТВА

ГОБИ-АЛТАЙ

Произносят монголы: «Гоби-Алтай».
В дальнем городе слышу слово «алтай».
Говорят о золоте — снова «алтай».
Подождите!
Алтай — это мой край!
Что ж повсюду
«Алтай», «алтай», «алтай»?

Говорил в стамбульской мечети мулла,
И я слышал, как окна, купол, алтарь

Повторяли за ним не: «Иллях иль алла»,
А опять: «О Алтай! О Алтай! О Алтай!»
И сыны Магомета в белых чалмах
Повторяли эти слова за муллою:

«О Алтай!»
Да что же им в этих словах?
Ведь они незнакомы с моей землей!
Им, внимающим шепоту теплой волны,
Что им
Имя моей суровой страны?
Или древнею родиной их была
Та земля, где ютилась в горах Улала?

О Алтай!
Твое имя — из края в край,
Столько взглядов сошлось на тебе одном.
Может, ты только сказка для верящих в рай,
Да, прекрасная сказка о рае земном?
Или, может быть, в глубине времен
Был ты общею родиной всех племен,
Тех, что двинулись к северу,
К югу ушли,
Чьи следы в вековой затерялись пыли?
Потому что калмык из далеких степей,
Потому что живущий поближе бурят
О тебе, как о Родине древней своей,
В своих песнях и сказках и сейчас говорят.
О Алтай, Хан Алтай, голубой хребет,
Ты — создатель разноязыких легенд!
О Алтай, Хан Алтай, хребет голубой,
Столько разных народов сроднилось с тобой!

Голубой над камильницей движется дым.
Бритый лама молитву Будде творит,
Тихо-тихо молитвы слова говорит.
И опять я встречаюсь со словом родным!
А молящиеся упадают ниц,
Но глядят мимо них Будды глаза,
И не скатится ни одна слеза,
По щекам золотым, с золоченых ресниц.

* * *

Не поил я водой керуленской коня
И не шел над Орхоном, доспехом звеня,
Путешественник, гость я в этой стране,
Где объятья друзей раскрываются мне.
Он давно снял овчинную шубу, монгол.
В черный фрак или смокинг теперь он одет,
И слова «интервью», «министры», «прием»
Вижу я на страницах монгольских газет.
Где вы, дымные юрты старой Урги?
Утопают в мягком ковре шаги.
Иностранец взглянет — скажет: «О кей,
Я не ждал здесь встретить такой отель!»
А монгол в ответ улыбнется ему:
«Что о юртах сказали вы, не пойму?»

Не устал ли в пути господин посол?
Как посол столицу нашу нашел?»

Он во фраке стоит, монгольский министр,
Улыбается он, принимает гостей...
Но к нему присмотрись!
Как в движеньях он быстр!
На коня бы ему
И — в просторы степей.
Здесь грохочут по древним степям поезда.
Здесь встают на древней земле города.
Бог ты мой, как бескрайняя эта земля!
Сколько ей еще надо людского труда!
Ты попробуй измерить монгольскую степь.
Сколько гор здесь, попробуй-ка сосчитай.
Сколько верст в той степи?
У верблюда спроси.
Сколько гор, у горной козы узнай.
Ехал я по огромной этой стране
(«Голубой Керулен, золотой Онон...»)
И орхонские камни, как двери,
Мне
Раскрывались,
Ведя меня в глубь времен.
И ко мне подошел возле этих скал
Ясноглазый старец с седой бородой.
То каган Бильге¹ меня разыскал
Через тысячу лет над орхонской водой!
И о бедах своих он повел рассказ,
Как погиб в бою Кюль-Тегин² герой.
И катились горькие слезы из глаз,
И от слез трава становилась сырой.

Я очнулся: заката горит полоса.
Я взглянул на траву — сверкает роса,
И на камне — свидетеле древних времен —
Древней клинописью тот рассказ повторен³.

* * *

Встань, земляк мой, читатель мой, рядом со мной!
Полюбуйся прекрасной этой страной.

¹ Каган Бильге — древнетюркский император.

² Кюль-Тегин — древнетюркский полководец.

³ Орхонские надписи.

Я хочу, чтобы в сердце запали твоё
Все прекрасные песни и сказки её.
Вот мы едем по древней земле Калхи.
Я читаю монголам свои стихи.
И не гости для них мы оба с тобой —
Сыновья, навестившие дом родной.
Вот мы едем...
А степь вокруг широка
С пересохшей от жажды рыжей травой.
Беспольные движутся облака,
Без единой дождинки
Над головой.
«Газик» наш отмерил столько дорог!
Вот он, Кара-Корум,
Вот он, Черный поток¹.
Здесь когда-то был город — движение, шум.
Здесь Чингиз Шести Сторонам угрожал.
И любой человек в испуге дрожал,
Лишь услышит слово «Кара-Корум».

Тишина. Только конь вдалеке заржал.
Из пустыни люди сюда пришли
И в пустыню пустынь навсегда ушли.
А когда-то алыпы² гнали сюда
Из ограбленных стран рабов и стада.
Это здесь на коленях алыпы ползли
Прах у ног целовать Властелина Земли.
А когда-то, покинув ханский дворец,
Здесь взлетал на коня ханский гонец
И летел быстрее быстрой борзой,
Всем грозя со вспотевшего лба пайцзой³.
Конь его запален, изорвался халат,
Но рывком он распахивал двери палат,
И кривые ноги его несли
Прямо к трону,
И падали короли!

Здесь, где кровь проливалась, и слезы, и пот,
В теплой юрте транзистор теперь поет,
И с портрета на войлочной стене

¹ Кара-Корум — древняя столица Монголии («Черный поток» — тюрк.).

² Алыпы — полководцы, воины.

³ Пайцза — золотая пластина, крепившаяся на лбу или груди, знак чрезвычайного ханского гонца.

Не устал ли в пути господин посол?
Как посол столицу нашу нашел?»

Он во фраке стоит, монгольский министр,
Улыбается он, принимает гостей...

Но к нему присмотришь!
Как в движеньях он быстр!

На коня бы ему
И — в просторы степей.

Здесь грохочут по древним степям поезда.
Здесь встают на древней земле города.
Бог ты мой, как бескрайняя эта земля!
Сколько ей еще надо людского труда!
Ты попробуй измерить монгольскую степь.
Сколько гор здесь, попробуй-ка сосчитай.
Сколько верст в той степи?

У верблюда спроси.

Сколько гор, у горной козы узнай.

Ехал я по огромной этой стране
(«Голубой Керулен, золотой Онон...»).

И орхонские камни, как двери,

Мне

Раскрывались,

Ведя меня в глубь времен.

И ко мне подошел возле этих скал
Ясноглазый старец с седой бородой.

То каган Бильге¹ меня разыскал

Через тысячу лет над орхонской водой!

И о бедах своих он повел рассказ,

Как погиб в бою Кюль-Тегин² герой.

И катились горькие слезы из глаз,

И от слез трава становилась сырой.

Я очнулся: заката горит полоса.

Я взглянул на траву — сверкает роса,

И на камне — свидетеле древних времен —
Древней клинописью тот рассказ повторен³.

* * *

Встань, земляк мой, читатель мой, рядом со мной!
Полюбуйся прекрасной этой страной.

¹ Каган Бильге — древнетюркский император.

² Кюль-Тегин — древнетюркский полководец.

³ Орхонские надписи.

Я хочу, чтобы в сердце запали твоё
Все прекрасные песни и сказки её.
Вот мы едем по древней земле Калхи.
Я читаю монголам свои стихи.
И не гости для них мы оба с тобой —
Сыновья, навестившие дом родной.
Вот мы едем...
А степь вокруг широка
С пересохшей от жажды рыжей травой.
Беспользные движутся облака,
Без единой дождинки
Над головой.
«Газик» наш отмерил столько дорог!
Вот он, Кара-Корум,
Вот он, Черный поток¹.
Здесь когда-то был город — движение, шум.
Здесь Чингиз Шести Сторонам угрожал.
И любой человек в испуге дрожал,
Лишь услышит слово «Кара-Корум».

Тишина. Только конь вдалеке заржал.
Из пустыни люди сюда пришли
И в пустыню пустынь навсегда ушли.
А когда-то алыпы² гнали сюда
Из ограбленных стран рабов и стада.
Это здесь на коленях алыпы ползали
Прах у ног целовать Властелина Земли.
А когда-то, покинув ханский дворец,
Здесь взлетал на коня ханский гонец
И летел быстрее быстрой борзой,
Всем грозя со вспотевшего лба пайцзой³.
Конь его запален, изорвался халат,
Но рывком он распахивал двери палат,
И кривые ноги его несли
Прямо к трону,
И падали короли!

Здесь, где кровь проливалась, и слезы, и пот,
В теплой юрте транзистор теперь поет,
И с портрета на войлочной стене

¹ Кара-Корум — древняя столица Монголии («Черный поток» — тюрк.).

² Алыпы — полководцы, воины.

³ Пайцза — золотая пластина, крепившаяся на лбу или груди, знак чрезвычайного ханского гонца.

Улыбается
Юрий Гагарин мне.
Говорят, что с Алтая приехал гость.
Мне подносят с мозгом сочную кость,
И верблюжьем кумысом меня поят,
И спрашивают о моих новостях,
И я вижу: мне рады и стар и млад.
И я вижу: я дома, а не в гостях.
И в халате желтом, в овчинных штанах,
Страж развалин, старец, бывший монах,
Дарит мне голубого шелка кусок,
Говорит: «Это неба нашего часть,
Он, как небо Монголии, чист и высок,
Над душою людской он имеет власть...»
И его я долго благодарю.
(До сих пор голубой талисман храню.)

А монголы поют, возле юрты присев.
И я вместе с монголами тоже пою,
И далекий-далекий, забытый напев
В этой песне монгольской я узнаю.
Это тихая песня, как шелест песков.
Это древняя песня, ей много веков.
И напев этой песни суров и угрюм.
Эту песню слышал Кара-Корум...

Грозный город!
Ты здесь возводил дворцы,
Здесь в песках истлели твои творцы.
Прожил ты столько жизней, других погубя.
Песня!
Все, что осталось здесь от тебя.
Будь же славен народ, идущий вперед,
Что в дорогу не копыя, а песни берет!
Будь же счастлив народ, что сумел сберечь
Песню древнюю, а не заржавленный меч!
Тот народ, что сумел сквозь века пронести
Настоящую Славу,
Настоящую Честь!

* * *

Говорят монголы: «Гоби-Алтай».
Степи голы. Так где же Гоби-Алтай?
Ведь Алтай — это горы, гористый край!
(Я-то знаю: Алтай — это мой край.)

Разрезая синий воздух степной,
Вдруг скала возникает передо мной.
Так века шлифовали ее бока,
Что сверкает она, словно грань клинка.
Над скалой белостенный город встает,
Рядом с ним голубые пальмы встают,
В их подножья зеленые волны бьют,
Караван верблюжий вдоль стен идет.
И я вижу: воинов движется ряд,
И стальные клинки на солнце горят.
Вдруг исчезло все. Значит, это мираж?
«Да, мираж, — мне шофер объясняет наш, —
Просто солнца лучи отражает скала,
И в нее мы глядим, как глядят в зеркала,
И себя мы видим, и небо, и степь...»
Но я видел верблюдов длинную цепь!
Но я воинов видел и город вдали,
Видел море, бьющее в край земли!
Вот куда мои думы меня завели...
Это Азия-мать, колыбель моя,
Из преданий своих мне приносит моря
И показывает над песками мне
Все, что в песнях я слышал и видел во сне!

Мы ночуем в степи, мы разводим костер,
И шофер наш, привычный к дыму костров,
Нам готовит на ужин нехитрый шашлык,
Для него пустыня — и стол, и кров.
И Сурен, мой давний монгольский друг,
Мне рассказывает о былых временах.
Говорит, что разбросаны были вокруг
Кости странных зверей, наводящих страх, —
Динозавров.

Прошли миллионы лет,
Эти ящеры вымерли, но до сих пор
У того, кто увидит динозавра скелет,
Диким ужасом искажается взор.

Над ночью пустыней встает луна,
Свет на грани скалы бросает она,
Облик Азии — девушки молодой
Предо мною встает с зеркального дна.
И волнение невнятное сжало грудь.
Ночь,
А я не могу уснуть,

Здесь, в песках,
Тяжело и хрипло
Дыша,
Древней Азии шевелится душа.
Я лежу и слышу: пески поют.
Слышу я табунов истлевших гуд.
Вижу я: сквозь века караван идет,
Различаю времени мерный ход.
Но я знаю, что это просто скала
Отражает минувшее,
Как зеркала...

Сердце бьется. Удары ноги сосчитай!
Вот он и начинается, Гоби-Алтай.
Здесь вот он начинается.
И нигде не кончается...

Надо мною небо родное качается...

Монголия, 1967

БАЙАННОР

Байаннор — это синие чаши озер
На ладонях оранжевых гор.
Байаннор — скакунов быстроногих полет
И широкий, как степь, разговор.
Байаннор — это лунные лики долин,
Красных скал немота.
Байаннор — это храбрые девушки гор,
Амазонкам чета.
Байаннор — это эхо далеких вершин,
Это песня земли,
На верблюжьей тропе колокольчиков звон,
Прозвучавший вдали.
Это запад монгольский — Ойрат и Тербен,
Это Монголистан.
Колыбель кочевых легендарных племен —
Улегей и Байан.
Это вечных верблюдов медлительный шаг,
Как столетья назад.
Это вслед торопливым колоннам машин
Их презрительный взгляд.
Байаннор — отрешенье от долгого сна,
Застоявшейся тьмы.

Байаннор — это в девственной сини небес
Новых фабрик дымы.
Это радиомачты, как в небо клинки,
Дорогие рубины огней.
Это древние юрты в верблюжьей кошме,
Вековечного снега белей.
Это старых казахских узоров ковры
Устилают полы,
Это щедрых фарфоровых чаш белизна,
Что, как луны, круглы.
Шесть пиал, проплывающих вокруг очага, —
Шесть фарфоровых лун,
И улыбка хозяина в черных глазах
Под журчание струн.
Будто братья родные у нас языки,
Будто встретились вот,
И векам, разделявшим нас, вопреки
Брата брат узнает.
А над юртою ветер вздыхает в ночи,
Бьет песок по стене.
А над юртою, небо деля пополам, —
Млечный путь в вышине.
И под шелест песка запевае казах,
Об отчизне поет.
«Байаннор — ты любовь молодая моя», —
Он поет.
«Байаннор — нет на свете быстрее коней», —
Говорит.
«Байаннор — нет на свете красавиц стройней», —
Говорит.
«Байаннор — если б не было в мире тебя», —
Говорит.
«Байаннор — как бы жил я, другую любя?» —
Говорит...
«Байаннор — это двери к хорошим друзьям», —
Я пою.
«Байаннор — будто брат среди братьев я там», —
Я пою...
Байаннор, Байаннор — это песня друзей
У оранжевых гор.
Байаннор, Байаннор —
звезд алмазная дрожь
На реснице озер...

КАК МЫ ТЕБЯ ЛЮБИЛИ

*Доброй памяти Бориса Арсентьевича
Басаргина посвящаю*

Человеческое сердце,
Как темница под замком,
Человеческое сердце,
Как дворец, где солнце светит,
Человеческое сердце
Так устроено притом:
Ни добра, ни зла не хочет
Забывать на этом свете.

Слово доброе — для сердца
Как лекарство, как цветок,
Слово гадкое для сердца —
Яд, сорняк колючий, грубый...

Друг ушел из жизни.
«Здравствуй!» —
В трубку он сказать не мог.

Опоздал сказать тебе я
Очень много добрых слов.
Если б я успел сказать их —
День, неделю, месяц, годы
Ты бы жил еще, быть может,
Без визитов докторов.
...Может быть, что это время
У меня отнимет кто-то...

Будет кто-то так, как я сейчас,
Грустить и сожалеть.
Слово доброе!..
Оно еще от смерти не спасало.
Но порой случалось, на год
Отдаляло слово смерть,
Иль — на месяц,
Или — на день.
Что не так-то уж и мало.

Знайте, люди:
Ото всех недугов
Лечит доброта!

Не опаздывайте, люди,
С добрым делом,
С теплым словом!..

Что сказать тебе, Арсентыч!?
И нужны ль слова сейчас?
Я был юн, когда приехал ты, —
Отлично помню это.
— Эх, мальчишки! —
Ты взглянул тогда
С улыбкою на нас
И с сомнением продолжил:
— Выйдут ли из вас поэты?

А кому вопрос тот задан,
Коль никто из нас не мог
И понять его, как надо,
Ни по-взрослому ответить?
Мудрый русский человек,
Ведь мир огромен и широк,
Почему же только нас
Заметил в этом огромном свете?

Может быть, с моим отцом
В одном полку ты воевал?
Может, вспомнил обо мне он
В ту предсмертную минуту
И просил найти?..
— Ну, вот что, —
Ты сказал, как приказал, —
— Поезжай-ка в Москву,
Я помогу, коль будет круто...

С той поры он помогал нам.
Не жалел хороших слов.
Был учителем, и больше —
Другом!
В дружбе мы нуждались.
Если надо, был он нежен,
Если надо, был суров.

Мы учились у него.
Мы подражать ему старались.
Презирали лстивых, хитрых,
Были прямы и чисты.

Как учитель, больше жизни
Нашей честью дорожили...
Мы-то видели, мы знали,
Как любил тогда нас ты.
Ты не знал, и не узнаешь ты,
Как мы тебя любили!..

Сердце русское стучало,
Билось, доброе, в груди.
Человек угас, как пламя.
Он ушел из жизни рано...

Я иду в людском потоке.
И твой голос — впереди.
И сильнее бьется сердце.
И рубцом на сердце — раны...

1969

ФАНТАЗИЯ

Травы — выше коня —
Здесь под солнцем встают.
Стрелы, воздух сверля,
По-кыпчакски поют.

Окружили, теснят
Княжий полк степняки!
Много храбрых легло
У Каялы-реки.

В половецком шатре
Храбрый Игорь в плену,
Вспоминает Путивль,
Ярославну-жену.

Не ответит ученый,
Не скажет поэт,
Может, Кальмиус, это,
А может, и нет.

Мы в гостях, мы идем,
О былом говоря,
По земле Украины,
Земле Кобзаря.

Травы — выше коня,
Степь душиста, тепла.
Где-то здесь, говорят,
Эта битва была.

И на миг я впадаю
В полузабытье,
И несет меня
Воображенье мое,

Словно бешеный конь,
По степям, по лугам...
Вот уже не Кончак —
Хан кыпчакский — я сам!

Рядом с князем гляжу
Я в походный огонь.
Я ему говорю:
«Игорь, вот тебе конь!

Ты садись на коня
И на этом коне
Поезжай-ка в Путивль,
К Ярославне-жене.

Передай ей привет,
Ну а я — ухожу,
Я свой белый дворец
На телеги грузу.

Мы увидимся вновь
Через множество лет,
Где минувшей вражды
Позабудется след,

И останется людям
На все времена
Только песня о нас,
Только песня одна!»

Так я грезил тогда,
Сын алтайской земли,
От которой поклон
Мы сюда принесли.

И сказал я тогда:
«Дорогие друзья!
Как прекрасна земля —
Наша, ваша, моя,

Где навек мы в семье
Породнились одной!»
И мой друг Эркемен
Согласился со мной.

1972

ЧУРАПЧА¹

Голубое стекло озер
В дорогой оправе лугов,
Точно птицы, взлетев с воды,
Мчатся кони во весь опор.
Пламенеет на их хребтах
Незакатного солнца жар,
На оленьих крутых рогах
К океану уйдет пожар.
Точно снег, журавли белы, —
Брачных танцев у них пора,
И скользит у них по крылам
Луч вечерний, как кровь, горя.
В чороон — деревянный бокал —
Разливая кумыс хмельной,
Шепчет женщина нам: «Айхал!»²,
Опуская взор огневой.
Древний-древний наш общий слог
То понятен, то незнаком.
Впрочем, все объяснить помог
Этот взор ее с огоньком.
Ясен лик чурапчинских озер —
Рядом с солнцем в волнах луна,
И танцуют якуты йохор³,
И прозрачна берез белизна.
Жарок летнего солнца круг —
Ледяная земля парит,

¹ Ч у р а п ч а — райцентр в Якутии.

² А й х а л — привет (якутск.).

³ Й о х о р — национальный танец (якутск.).

И деревья танцуют вокруг,
Дружно ветви подняв в зенит.
Горячи здесь сердца людей,
Тот, кто холоден, — нежилец.
Бесконечную тьму ночей
Озарит лишь огонь сердец,
Так поднимем кумыс хмельной —
Кубок к кубку, к руке рука,
Незакатное над землей
Светит солнце нам сквозь века!
Не кончается пир друзей.
Солнце кони по тундре мчат,
В гривах бьется клубок лучей,
И не близок его закат.
И луну на ветвях рогов
Дерзко вскинул олень в зенит,
И, ломая громады льдов,
Далеко океан гремит...
Незакатного солнца край,
Негасимых сердец страна,
Бесконечных ночей земля
Их сердцами освещена!
Только вспомню я о друзьях,
Вижу солнечные лучи,
Вижу — лебеди на волнах
Голубых озер Чурапчи...

1973

ДУМА У МОГИЛЫ АБАЯ

Есть великие люди в народе всегда —
Полководец, ученый, мудрец и поэт,
Есть святыни — могилы, дворцы, города
И народный вожак, славный тысячу лет.
Имена их как звезды горят впереди,
Имена их — знамена в нелегком пути.
Это Пушкин у русских,
У кахазов — Абай,
А какая звезда над тобою, Алтай?
Есть курганы у нас среди лунных долин,
Есть могучие горы в сиянье седин,
Письмена, что забыты за давностью лет.
Бесконечных кочевий затерянный след.

Кто под синим круганом в земле погребен —
Храбрый воин, поэт или древний пророк?
Нет земли без поэта, без песни времен —
Даже камень поет, красотою пленен...
Был однажды я гостем казахских степей,
Был я счастлив и горд в окруженьи людей,
И казалось, лишь степи сравняться могли
С широтою души моих добрых друзей.
Было знойное лето и солнце пекло,
У простого мазара¹ один я стоял.
Как обычный чабан похоронен Абай,
Тот, кто с жадностью, с ложью всю жизнь воевал!
Чтобы ветер не выдул с могилы земли,
Положили на холмик щербатых камней,
И шуршат над могилой его ковыли,
Будто шепчут слова, что он пел для людей...
Я не знаю, нужны ли здесь бронза и медь,
Если травам строкою Абая звенеть.
Здесь звезды горят над могилой певца,
Чтоб нетленное сердце поэта согреть!
Песнь Абая, ее ль не поют до сих пор?
Плач Абая, его ли не чтут до сих пор?
Речь Абая, она ль не урок до сих пор?
Стих Абая не учат ли впрок до сих пор?
Как и прежде, здесь ветры степные весной
Гладят холмик поэта рукой,
И джигиты со строкою его на устах
Мчатся степью широкой на быстрых конях...
Есть великий у каждого племени сын:
Токтогул у киргизов,
У казахов — Абай.
Знаю, не был ты беден певцами, Алтай,
Только имя свое не назвал ни один.
Безразлична ушедшим хвала и хула,
Сам рассудит народ, кто велик и кто мал,
Лишь бы боль за людей в твоём сердце жила,
А хорошую песню народ не терял.
Обойден даром слова ты не был, Алтай.
Это горы молчат,
А народ — он поет.
Точно соколы, песни уходят в полет,
Я посланец тех песен, великий Абай.
Настоящая песня отыщет свой путь.

¹ М а з а р — могила (казахск.).

Я стою у великой могилы твоей.
И слова новых песен взрывают мне грудь
С каждым вздохом сильней,
С каждым часом ясней.

1973

ГОЛОС ДОМБРЫ

Когда даль гудит степная
От копыт, как от грозы,
Гул на струнах оседает
На домбре Курмангазы¹.
Занесут песками ветры
След неслученных копыт,
Лишь мелодия бессмертно
На струне домбры дрожит.
Эта музыка простая
Все звенит в моих ушах,
Будто юрта кочевая
На семи плавает ветрах...
Мы сидели в юрте тесной
У казаха-чабана,
На домбре играл он песни,
Ах, как плакала она!
Будто издали накатит
Топот тысячи копыт,
Юрту легкую подхватит
И внезапно замолчит.
Ах, домбра, сестра родная,
Не топшур² ли слышу я?
Будто мы в горах Алтая,
Будто все — родня моя.
Да и то, не вместе ль с вами
Мы стояли тут порой,
Чтоб булатными мечами
Вражьих полчищ встретить рой!
В этих битвах распаленных
Мы давно сроднились тут:
Там, где кровь багрила склоны,
До сих пор цветы цветут.

¹ Курмангазы — казахский композитор XIX века.

² Топшур — музыкальный инструмент (алтайск.).

Рог трубил в горах Алтая —
Были мы малы числом, —
Братьев в помощь призывая,
Отстояли мы свой дом.
Оттого и сердце бьется
И роса блестит в глазах.
Когда струн домбры коснется
Друг испытанный казах.
Когда даль гудит степная
От копыт, как от грозы,
Вольный ветер оживает,
Гул на струнах оседает
На домбре Курмангазы.

1973

КАВКАЗСКИЕ ГОРЫ

Две сестры — две вершины твои, Эльбрус,
В синем небе белеет их белый убор.
Я привез им привет от Алтайских гор,
Я с горами безмолвный веду разговор.
Как гранитного моря застывший прибой,
Белогривые горы за валом вал.
Все мне кажется — Пушкин стоит над скалой,
Точно крылья орлиные, плащ за спиной,
А в дубраве зеленой у ног Машука
Где-то Лермонтов, мстительной пулей сражен,
Долгим взглядом с Кавказом прощается он,
И никак не растают в глазах облака...
Дорога и страшна эта плата царям
За свободную речь, за проклятье цепям, —
Как сквозь строй, непокорным пройти сквозь хулу
И великим
Навеки остаться векам!
За столетьем столетье идут чередой,
А поэзия наша слышней и звучней.
Не о вас ли задумался гордый Кавказ?
Вы любили его до конца своих дней.
Край бессмертных, обитель поэтов и муз!
Как к святыне, к скале прикоснется ладонь, —
Не на ней ли страдал за людей Прометей,
Подаривший землянам небесный огонь?

Не сюда ли шагал непокорный иной,
Чтобы кануть в безвестье юдоли земной?
Но не ты ли, Кавказ, врачевал их порой
Вольным ветром своим и своей высотой?
Звал их к новым вершинам и силы вливал,
Чтобы были крепки, как гранит этих скал,
Над ослабшими песни свои напевал.
Эти песни, Кавказ, все звучат надо мной!
Узнаю твоих генцев дивных следы,
Их стихи, их заветы, как горы, горды.
Край певцов и поэтов, спасибо тебе,
Будем в жизни и мы, точно горы, тверды!
Видя скалы твои, говорю я порой:
Ты не брат ли Алтаю своей высотой?
Те же тропы у нас, только бродит марал,
Те же песни, немало Алтай их создал.
И в горах моих милых, в дали голубой
Слышны песни кайчи, их напев вековой.
Где поэзия легкой ступает ногой,
Вырастают цветы под волшебной стопой.
И когда-нибудь, верю, придет этот час,
Народится великий поэт и у нас,
И тогда мой прекрасный и древний Алтай
Будет песней с тобой состязаться, Кавказ.
Потому-то, любясь твоей высотой,
Вспоминаю все чаще Алтай золотой:
Будто вот поворот, и под цокот копыт
Пронесут наши парни напев дорогой!
Что ж, прощай, мой суровый и гордый Кавказ,
Ожидают Алтайские горы назад,
Где я песне родной
И народу родной,
Потому-то гляжу на Эльбрус голубой,
А в ушах моих кедры звенят и звенят...

1974

МОНГОЛЬСКОМУ АКЫНУ ИМАШХАНУ

Уж не рядом ли где-то в долине степной
Наши юрты стояли, мой друг?
Уж не рядом ли где-то над горной рекой
Мы костры зажигали, мой друг?
На широких ремнях мы носили мечи,
Стоя рядом, встречали врага.
И не раз разбегались от нас тагбачи¹
Там, за Гоби, где степь широка.
Степь — как небо. А юрты — как птицы весной,
Лебединая стая в безбрежном краю:
Вдруг опустятся где-то на берег речной,
Чтобы осенью сняться в дорогу свою.
Мы, как птицы, степной оглашали простор,
То на юг, то на север неслись на рысях.
Только статуи в Гоби остались с тех пор,
Да узнай, где алтаец, а где тут казах...
В том году мы сошлись у оранжевых скал,
Где священные Богды² нас ждали века.
Каждый сердцем в тот вечер родство ощущал —
Будто в русло родное свела нас река.
Будто только теперь мы узнали, кто мы,
Темных распрей отбросив позор вековой.
Мы взглянули на мир, будто вышли из тьмы, —
Это Ленин нам солнце зажег над землей.
В этот вечер твой брат пригласил нас в свой дом.
Ах, как славен был пир,
Ах, как дружен был хор —
И алтаец, и русский, казах и монгол! —
Наши песни в обнимку неслись выше гор,
Выше синих, оранжевых гор!
Мы форелей руками ловили, смеясь,
В быстрой горной реке, что летит, серебрясь,
И, вскочив на горячих гривастых коней,
Мчались с хохотом, ветра степного скорей!
Ах, Монголия! Я ли не видел степей?
Но приеду к тебе и гляжу, как впервой, —
Белоснежные юрты, как стайка гусей,
Что присели вдали отдохнуть под горой...
Есть немало в стени городов и дворцов,
Знаю храмы и добрых твоих мудрецов,

¹ Тагбачи — китайцы (древнетюркск.).

² Священные Богды — высочайшие горы в монгольском Алтае.

Но все чаще и чаще я вижу во сне —
Твои юрты белеют, как девственный снег.
Юрты ставят на время — метель переждут,
От пурги защитятся ненастной порой.
Но, как белое облачко, юрты вспорхнут
И уносятся вдаль, лишь повеет весной...
Что еще напишу я на белом листке?
Мой привет. Пусть его унесут журавли,
Чтобы, где-то кочуя в своем далеке,
Ты почувствовал нежность алтайской земли.
Пусть помашут крылами
Тебе журавли!

1975

СЕРГЕЕВНА

Хранитель преданий былых,
Чудесница трав полевых.
Ведунья, колдунья, вдова,
Какие ты знала слова!
Пред печкою старою став,
Шепча над своим чугуном,
Варила ты зелье из трав,
Творила молитву тайком.
И в ветхой избенке твоей
Все банки да склянки, горшки,
Как будто алхимик — ей-ей! —
Толчет тут свои порошки.
Согнулась по старости лет,
Лишь голос, как струнка, поет
Да в ласковом взгляде привет, —
Монашка ли, ведьма живет?
«Лекарка», — прошепчет сосед.
«Колдунья», — поправит другой.
Никто не сочтет, сколько лет
Шептались у ней за спиной.
Когда-то был мал я и хвор,
И мама, подумав — конец,
Пришла к той старушке во двор —
Спаси, мол, погибнет малец.
«Сергеевна, может, травой?
Святая ль ты, ведьма — молю...

Нечистый, наверно, какой
Всесился в кровинку мою». —
Она не заставила ждать,
Давала мне травы сперва.
Водой принялась обмывать,
Шепча заговора слова.
«То соки родимой земли,
Ты пей их, сынок, не робей,
Чтоб травы тебе помогли —
Они колдовства-то верней».
А мама вздыхала порой:
«Сергеевна, чем одарю?
Вот сыру возьми-ка с собой.
Хоть кислый, — возьми, говорю...»
Бывало, алтайки в тот дом
К ней в дверь постучат, не дыша, —
Всех встретит по-русски, добром
Старушка, святая душа.
И нету в словах колдовства —
О травах они, о цветах,
И добрая суть естества
Заронится в чистых сердцах.
Сергеевна вечно в горах —
То травам поклон, то листкам.
Чего она ищет в лугах?
Чего она шепчет цветам?
Живая ль вода ей нужна,
Ведет ли там с господом спор?
Не тайну ль бессмертья она
Надеется вырвать у гор?
Но вечная жизнь не для нас,
Нет жизни за смертной чертой.
Настал и Сергеевне час
Тихонько уйти на покой.
И только в сердцах у людей
Все добрая память жива:
То шепчет ей тайны трава,
Что были доступны лишь ей.
То где-то бормочет ручей,
Доносит мне голос ее.
О добрый целитель людей,
Светло предсказанье твое.
И память, тиха и светла,
Хранит мирный свет твоих глаз.
Как будто ты с тем и пришла,

Чтоб высветлить этот рассказ.
Ты знаешь бессмертия ключ,
Ты мудрая мать всех людей,
Ты шла по горам, точно луч,
Срывала цветы меж камней,
Чтоб смертных людей врачевать,
О добрая русская мать.

1975

ДРУГУ

В горах, где начат путь наш к нашей цели,
По-прежнему цветет альпийский луг,
И песне, что когда-то здесь мы пели,
Ручьи доныне вторят.

Слышишь, друг?

Состарились деревья, что когда-то
На склонах обступали нас вокруг,
Но есть их смена — рослые ребята,
Они опять зовут нас.

Слышишь, друг?

Там звезды нас, пленительно моргая,
Высматривают, ласковой подруг,
И ветер, все тропинки обегая,
По именам нас кличет.

Слышишь, друг?

Вернувшись из далекого отлета...
И в чаще примостясь на толстый сук,
Кукушка там для нас, не для кого-то,
Отсчитывает годы.

Слышишь, друг?

И матери, дряхлая понемногу,
Уставшие от множества разлук,
Там вопрошают старую дорогу,
Когда ж мы навестим их.

Слышишь, друг?

Я думаю в смущении глубоком:
Пора бы нам, немалый сделав крюк,

Вернуться, наконец, к своим истокам,
Пора бы к ним приникнуть...

Слышишь, друг?

Нас журавли разбудят, как бывало,
Мы примем хлеб из материнских рук
И с высоты родного перевала
На жизнь свою посмотрим.

Слышишь, друг?

Не стану обещать я, что моложе
Или красивей сделаемся вдруг,
Или чуть-чуть счастливее — но все же
Зову тебя в дорогу.

Слышишь, друг?

1975

Я их скажу, высокие слова,
Тебе, народ, принявший нас в семью.
В глаза гляжу — чиста их синева,
На землю обращенная мою.

Ты дал и мне могучий свой язык
И поделился мудростью своей,
И к языкам обоим я привык,
Счастливым сын двух добрых матерей.

Ты с пушкинской строкой пришел в аил,
Ты правдой Ильича нас окрылил,
О русский удивительный народ,
И вновь полны мы мудрости и сна,
Согретые лучом твоих забот.

Тепло души и дум высокий строй
Ты даришь нескудеющей рукой,
И, как и все сыны страны одной,
К тебе мы благодарности полны:
Ты стольким дал свободу и покой
И мзды не брал — свободе нет цены!

Не сыновья ль и дочери твои,
Подвижники, в углы глухие шли
И свет сердец и дружбы нам несли,
И умирали на краю земли,
Презревшие богатство и почет,
О русский удивительный народ!

Бросал Октябрь твоим глаголом клич,
Писал декрет твоей строкой Ильич,
О вечный, удивительный народ.
Недаром образ матери встает,
Когда тебя пытаюсь я постичь.

Ты точно мать одной большой семьи,
Где лад и мир — старания твои.
Пусть разнолик, разноязык твой дом,
Но привечаешь всех ты за столом,
Сама лишь сесть забудешь иногда,
Но сколько счастья в облике твоём!

Не ищешь ты ни славы, ни даров,
Но пред тобой я шапку снять готов,
Скажу лишь: «Мама, мой родимый кров», —
И вновь тебя, Россия, узнаю.
Всегда мудра, добра и широка,
Все беды отвела твоя рука,
Свела в одну великую семью
Все племена и родину мою.

Ты сердцем щедр, ты добротой велик,
Согретый дружбой, верить я привык:
Не угасает жар твоих забот.
И верю я — всю землю обоймет
Любовь твоя, о русский мой народ!

1976

КОМУС

1.

«Ведь есть же впрямь транзисторы у нас,
Способные ловить все волны мира —
Кому ж и вправду нужен ты сейчас,
Комус алтайский, маленькая лира?
Сейчас пора мелодий громовых,
Эстрадных потрясателей эфира,
И, как ни тщишь, в могучем хоре их
Твой звук потонет, маленькая лира!»

Так многие сегодня говорят,
Быстролетающей моде потакая,
И, слыша их в который раз подряд,
Я головой в раздумье поникаю...

2.

Я вижу горы, ночь и свет луны.
Костер. И дым прозрачными клубами.
Сошлись к своей стоянке чабаны,
И конь звезды касается губами,
Как будто он дыханием своим
Холодное созвездье согревает.
Звучит комус. И музыка, как дым,
Охватывает душу, наплывает.
Напев старинный трогает меня.
Он легче лепестка алтайской розы,
Так нежен он, что даже у коня,
Я вижу, на глазах сверкнули слезы...

3.

Я на руку беру тебя, стальной
Комус алтайский, древний, благородный.
Ты наделен единственной струной,
Но сколько струн задел в душе народной!
Весь на ладони уместился ты,
По форме, словно сердце, треуголен.
Что говорить, просты твои черты,
Напев негромок, но широк и волен.
Здесь, на Алтае, ты изобретен
Или купец неведомо откуда

Привез тебя, как дар иных племен,
Для утешенья кочевого люда?

4.

Что говорить, удобен ты в пути,
Комус, в тысячелетьях неизменный!
Легко тебя за пазухой нести,
Легко — в кармане куртки современной.
Тебя к губам подносит человек —
Вокруг цветы восходят, пламенея,
И тает самый плотный зимний снег,
И родина становится роднее.
Как будто малый вспыхнул огонек
И спорит, разгораясь, с ветром встречным,
И человек уже не одинок
Наедине с безмерным, бесконечным...

5.

Какой кузнец, в какой земной стране,
В каком тысячелетии впервые
Тебя сковал и закалил в огне,
Потом во льду — не знаем мы, живые?
Но знаем: и поныне ты звучишь
В барханах раскаленных Каракумов
И пробуждаешь снеговую тишь
В краю оленей, нарт и дымных чумов.
Твои напевы древние слышны,
Быть может, все мы родственны глубинно:
В селениях венгерской стороны,
В горах Тувы, в уютном доме финна...

6.

Ковбойский фильм я видел. В нем громят
Индейское селение громилы.
Жилища островерхие горят,
Похожи на алтайские айлы.
Свистит свинец, награбленного груз
Влачит бандит, рыча остервенело...
И я услышал вдруг: звучал комус,
Мелодия знакомая звенела!
Стонал комус, он голос подавал,
Не требуя дотошных переводов,

КОМУС

1.

«Ведь есть же впрямь транзисторы у нас,
Способные ловить все волны мира —
Кому ж и вправду нужен ты сейчас,
Комус алтайский, маленькая лира?
Сейчас пора мелодий громовых,
Эстрадных потрясателей эфира,
И, как ни тщишь, в могучем хоре их
Твой звук потонет, маленькая лира!»

Так многие сегодня говорят,
Быстролетающей моде потакая,
И, слыша их в который раз подряд,
Я головой в раздумье понижаю...

2.

Я вижу горы, ночь и свет луны.
Костер. И дым прозрачными клубами.
Сошлись к своей стоянке чабаны,
И конь звезды касается губами,
Как будто он дыханием своим
Холодное созвездье согревает.
Звучит комус. И музыка, как дым,
Охватывает душу, наплывает.
Напев старинный трогает меня.
Он легче лепестка алтайской розы,
Так нежен он, что даже у коня,
Я вижу, на глазах сверкнули слезы...

3.

Я на руку беру тебя, стальной
Комус алтайский, древний, благородный.
Ты наделен единственной струной,
Но сколько струн задел в душе народной!
Весь на ладони уместился ты,
По форме, словно сердце, треуголен.
Что говорить, просты твои черты,
Напев негромок, но широк и волен.
Здесь, на Алтае, ты изобретен
Или купец неведомо откуда

Привез тебя, как дар иных племен,
Для утешенья кочевого люда?

4.

Что говорить, удобен ты в пути,
Комус, в тысячелетьях неизменный!
Легко тебя за пазухой нести,
Легко — в кармане куртки современной.
Тебя к губам подносит человек —
Вокруг цветы восходят, пламеня,
И тает самый плотный зимний снег,
И родина становится роднее.
Как будто малый вспыхнул огонек
И спорит, разгораясь, с ветром встречным,
И человек уже не одинок
Наедине с безмерным, бесконечным...

5.

Какой кузнец, в какой земной стране,
В каком тысячелетии впервые
Тебя сковал и закалил в огне,
Потом во льду — не знаем мы, живые?
Но знаем: и поныне ты звучишь
В барханах раскаленных Каракумов
И пробуждаешь снеговую тишь
В краю оленей, нарт и дымных чумов.
Твои напевы древние слышны,
Быть может, все мы родственны глубинно:
В селениях венгерской стороны,
В горах Тувы, в уютном доме финна...

6.

Ковбойский фильм я видел. В нем громят
Индийское селение громилы.
Жилища островерхие горят,
Похожи на алтайские айлы.
Свистит свинец, награбленного груз
Влачит бандит, рыча остервенело...
И я услышал вдруг: звучал комус,
Мелодия знакомая звенела!
Стонал комус, он голос подавал,
Не требуя дотошных переводов,

Казалось мне: о помощи взывал
Он к Азии — праматери народов!

7.

Как ты попал на эти берега,
Родной комус? Прислушиваюсь к звуку
Мелодии твоей. Она долга
И сладкую в душе рождает муку.
Я чувствую, как в глубине веков,
Переплетаясь, ворочаются корни,
Я верю в общность двух материков,
Чем дальше, тем сильнее и упорней.
Я верю в братство всех людей земли,
И эта вера крепнет, наполняя
Все существо мое, когда вдали
Напев твой слышу, Азия родная!

8.

Родной комус, как дорог сердцу он!
Когда-то на потертой карте школьной
Я разглядел — и замер, поражен:
Алтай по форме — тоже треугольный!
Комус напоминает он собой
И сердце человеческое — тоже.
А может быть, так велено судьбой,
И не случайно столь они похожи?
Итак, звучи, не умолкай,
Дорожная пастушеская лира —
Звени, комус! Пой, сердце! Пой, Алтай,
Во имя Братства, Радости и Мира!

1977

АЛЕКСЕЮ КАЛКИНУ

То не ветер ли гудящий
Пролетает над горами,
Над лесной ветвистой чащей,
Над полянами — коврами?

Или то звучит не ветер,
А певца волшебный голос?

Весь мой сад ему ответил,
Тишь, как чаша, раскололась!

И шумит листва густая,
И слышны мне в колыханье
Песни витязей Алтая,
Боевых коней дыханье.

Те бойцы давно в могиле,
И коней истлели шкуры,
Но бывшее пробудили
Струны вещие топшура.

Помнишь, Калкин, как мы пели
На поляне той зеленой,
Где над нами шелестели
Старцы-кедры мощной кроной?

Свет лила луна большая,
Заменяло небо крышу.
До сих пор, как приезжаю,
В том лесу я песнь слышу.

Я не знаю, как случилось —
Или впрямь, тебе внимая, —
У тебя тайга училась
Величавым звукам кая?

Калкин, вспомнится не раз нам,
Как тебе мы подпевали
На высоком и прекрасном
Ябоганском перевале.

Столько древнего, родного
Сохранили песни эти!
Слышу их и верю снова:
Есть бессмертие на свете.

Пой, певец, не умолкая!
Пусть и в будущем столетье
От могучей песни кая
Заколышутся соцветья!

ДРУЗЬЯМ

Друзья, вновь приду я на тот перевал,
Где с вамп я некогда песни певал,

Где некогда наш полыхал костерок,
Чью искру доныне я в сердце сберег.

Уверен, что тропку сумею найти,
Взойду, поднимусь и, не сбившись с пути,

От искры, которую так берегу,
На старом кострище огонь разожгу.

Слетайтесь, друзья, собирайтесь, друзья,
Товарищи, сверстники, юность моя!

Я знаю, внизу, в нашей жизни земной,
Уж кто-то не прежний, уж кто-то иной,

Он мимо проходит, в глаза не глядит,
Так важен, как будто на что-то сердит.

Все меньше сердечных и радостных встреч.
Короче при встречах дежурная речь.

А кто-то окончил свой жизненный путь,
И тяжесть земли навалилась на грудь.

А кто-то живой, но не пишет, молчит,
Друзей позабывший, друзьями забыт.

Но здесь, на вершине, мы те, что тогда,
Пылает костер наш — земная звезда,

И все мы красивы, и все хороши,
И любим друг друга всей силой души,

И друга никто никогда не продаст,
И палец при встрече ему не подаст.

Пусть в чем-то наивны, но духом чисты,
Мы смотрим на жизнь со своей высоты.

Не можем, конечно, узнать наперед,
Какой ожидает кого поворот,

Как строгая жизнь каждый день, каждый час
Возьмется учить и воспитывать нас.

А город лежит у подножья горы,
В нем окна горят — золотые миры,

Там взрослые мальчики нынче живут,
И скоро их жены к столу позовут

И чай разольют. И не знает иной,
Что нынче сидит у костра он со мной...

1977

МОЙ ВОЛШЕБНЫЙ КОРАБЛЬ

Ты расправь, корабль мой, крылья,
Полети над облаками,
Над границами, морями,
Странами, материками!

И причаль к земле далекой,
К той земле, где жил когда-то
Внук Нокомис, сын Веноны,
Благородный Гайавата.

Почему мне на Алтае —
Наконец, понять мне надо —
Нежный голос Миннегаги
Слышен в шуме водопада?

Почему я удивился,
С книжкой старой познакомься:
Как на мать мою похожа
Престарелая Нокомис?!

Как Нокомис, мать учила,
Наклоняясь к изголовью:
«Будь всегда с твоим народом,
С ним ты связан общей кровью!»

Как Нокомис, мать внушала
Мне, тогда еще ребенку:
«Подрастешь — не надо, милый,
В жены брать иноплеменку!»

ДРУЗЬЯМ

Друзья, вновь приду я на тот перевал,
Где с вами я некогда песни певал,

Где некогда наш полыхал костерок,
Чью искру донине я в сердце сберег.

Уверен, что тропку сумею найти,
Взойду, поднимусь и, не сбившись с пути,

От искры, которую так берегу,
На старом кострище огонь разожгу.

Слетайтесь, друзья, собирайтесь, друзья,
Товарищи, сверстники, юность моя!

Я знаю, внизу, в нашей жизни земной,
Уж кто-то не прежний, уж кто-то иной,

Он мимо проходит, в глаза не глядит,
Так важен, как будто на что-то сердит.

Все меньше сердечных и радостных встреч.
Короче при встречах дежурная речь.

А кто-то окончил свой жизненный путь,
И тяжесть земли навалилась на грудь.

А кто-то живой, но не пишет, молчит,
Друзей позабывший, друзьями забыт.

Но здесь, на вершине, мы те, что тогда,
Пылает костер наш — земная звезда,

И все мы красивы, и все хороши,
И любим друг друга всей силой души,

И друга никто никогда не продаст,
И палец при встрече ему не подаст.

Пусть в чем-то наивны, но духом чисты,
Мы смотрим на жизнь со своей высоты.

Не можем, конечно, узнать наперед,
Какой ожидает кого поворот,

Как строгая жизнь каждый день, каждый час
Возьмется учить и воспитывать нас.

А город лежит у подножья горы,
В нем окна горят — золотые миры,

Там взрослые мальчики нынче живут,
И скоро их жены к столу позовут

И чай разольют. И не знает иной,
Что нынче сидит у костра он со мной...

1977

МОЙ ВОЛШЕБНЫЙ КОРАБЛЬ

Ты расправь, корабль мой, крылья,
Полети над облаками,
Над границами, морями,
Странами, материками!

И причаль к земле далекой,
К той земле, где жил когда-то
Внук Нокомис, сын Веноны,
Благородный Гайавата.

Почему мне на Алтае —
Наконец, понять мне надо —
Нежный голос Миннегаги
Слышен в шуме водопада?

Почему я удивился,
С книжкой старой познакомься:
Как на мать мою похожа
Престарелая Нокомис?!

Как Нокомис, мать учила,
Наклоняясь к изголовью:
«Будь всегда с твоим народом,
С ним ты связан общей кровью!»

Как Нокомис, мать внушала
Мне, тогда еще ребенку:
«Подрастешь — не надо, милый,
В жены брать иноплеменку!»

Только был уже я, видно,
Сыном времени иного,
И жену, как Гайавата,
Взял из племени иного...

Но в стране за океаном
Отыщу ль я нынче брата,
Или только небоскребы
Давят землю Гайавата?

Над великим Гитчи-Гюми,
Над бегущими волнами
Различу ль сквозь дым заводов
Огонек в его вигваме?

Протяни ж скорей мне руки,
Выйди, брат, ко мне навстречу!
Крепким дружеским пожатьем
На пожатие отвечу!

По дорогам Гайаваты
Мы с тобой в одной пироге
Поплывем, как на Алтае,
Через бурные пороги.

Будем в заводи глядеться —
И, скуласты, смуглокожи,
Будем вместе удивляться:
«Неспроста мы так похожи!»

Будем слушать мы преданья
О геройстве и отваге,
Сказки мудрые Нокомис,
Песни стройной Миннегаги...

Но летит корабль волшебный
Без меня. Летит, как птица!
Вслед ему смотрю с надеждой:
Может, с гостем возвратится?

1982

ВОСПОМИНАНИЕ

Лето.
Монголия.
Смеяков.
Тень по степи ползет облаков.
Жаворонок висит в вышине,
Звук вышивая по тишине.

Сочных тюльпанов пылает пожар.
Тих Смеяков, угрюм и поджар.
Смотрит и не говорит ничего
И неуютно мне возле него.

Этот глухой, чуть надтреснутый бас
Слышал я в этой поездке не раз,
Видел, как слушает он стихи,
Хмурясь, как будто прощая грехи.

Видел с улыбкой его во весь рот —
Значит, поклевку рыба берет.
Что за удача у рыбака
Выудить крупного чебака!

Мы у верховного ламы сидим,
Благоуханный вдыхаем дым,
И предлагает хозяин наш
Терпкий кумыс
Из серебряных чаш.

«Всякая трапеза хороша,
Если ее пожелает душа.
Будда своей добротой велик...»
И опускает веки старик.

Время ползет отарами с гор,
Медленно движется наш разговор.
Дым благовонный над нами плывет.
Хор отдаленный молитвы поет.

Мудрость веков и безумье веков...
Но разговору подходит конец

И говорит Ярослав Смеляков:
«Благодарю вас, Святой Отец!
В вере буддистской не смыслю я,
А вот кумыс отменный у вас...»

Как отогрелась душа моя
После, в гостинице, через час!
Столько читал Ярослав всего:
«Любку», «Маратов»,
«Признание», «Весну».
Пусть в этих строчках я помяну
Нежность и доброту его!

Бил его жизни неистовый шквал —
Выдержал, сдюжил он, уцелел.
Кем он только ни побывал —
Лишь дипломатом быть не умел.
Нет, он не взвесит все «против» и «за» —
Врежет правду прямо в глаза.

Помню: потом, через год или два,
Время — зима, место — Москва.
Город полночный огни гасил.
Меня Смеляков к себе пригласил.

Как же теперь проклинаю я
Тебя, провинциальная глупость моя!
Только и мог в ответ прошептать:
«Мне через час домой улетать».

Вскинул глаза он — как светлый лед —
И зашагал, отвернувшись, прочь.
Пропади пропадом тот самолет,
Та, от Москвы до Алтая, ночь!

Больше нам встретиться не довелось...
Крутится тяжело земная ось.
Время ползет, как отары с гор,
Тень по степи ползет облаков.
Как нам продолжить наш разговор,
Ярослав

Васильевич

Смеляков?

❧ СТРОКИ НА ЛИСТЬЯХ ❧

СИНИЙ ВЕЧЕР

Синий снег и синий час,
В дымке синей леса иней,
Синий цвет любимых глаз
И поля в тумане синем.

За холмами вдалеке
Спит крылатый ветер, нежась,
На твоём воротнике
Звезд серебряная снежность.

Синий вечер, синий час,
Снег на ветках изобильный.
Так стучат сердца у нас,
Что слова сейчас бессильны.

Вдоль уносят нас мечты,
И глаза туманит счастье.
В мире синем я и ты —
След двойной на снежном насте...

Снег растает, время минет —
Не забудем вечер синий.

1956

На перекрестке тысячи дорог
Своей я не нашел еще, быть может...
В Любовь поверил, ею жизнь зажег,
А, может, лишь мечта меня тревожит?

Стою пред дверью, может быть, такой,
Что никогда не распахнется настезь.
Не потому ль сжимает грудь тоской?
И отчего ты снишься мне,
как счастье?

1957

Мне радости солнце сыскало,
А сила пришла от земли,
Кедровая чаша ласкала
И горы меня берегли.

Луна серебром одарила,
Любовь меж цветов расцвела,
А девушка песнь пробудила
И сердце мое обожгла.

1957

ЧОЛУШМАНКА

Чолушманка танцевала, тонкий стан, кружась, сгибала,
Башмачки хоть были стары — каблучки стучали в лад.
Чолушманка танцевала, пыль над полом поднимала,
Чолушманка улыбнулась — покорила всех подряд.

Пусть подол ее неровен — где короче, где длиннее,
Но смеется чолушманка — зубы белые как снег.
Нет, наряд ее не блещет, может, он других беднее,
Но она не унывает — юный гордый человек.

Чолушманка танцевала, тонкий стан, кружась, сгибала.
Рот открыв, смотрели парни, перед ней склоняясь ниц.
Чолушманка песню пела и на комусе играла,
И глаза ее смеялись из-под вскинутых ресниц.

Не шелка на ней одеты, на ногах не туфли — диво,
Все же стройности не скроешь под одеждою простой.
Не хотела наряжаться, просто знала, что красива,
И, прекрасная, блистала светлой утренней звездой.

Чолушманка танцевала, тонкий стан, кружась, сгибала.
Башмачки хоть были стары — каблочки стучали в лад.
Чолушманка танцевала, в сердце искру зажигала,
Улыбнулась — непокорных покорила всех подряд...

1957

Вновь надо мною крики журавлей,
И к сердцу грусть опять пути сыскала.
Кошмою желтой лег простор полей,
Задумавшись, стоят в молчанье скалы.

О чем кричат, прощаясь, журавли?
О чем, склоняясь, шепчутся колосья?
Что дымка синяя таит вдали?
О чем лепечет рек разноголосье?

Хочу понять, постигнуть все вокруг,
Но от меня поля и лес таятся.
Я слышу песни задушевный звук —
Она без слов, и мне не разобраться.

На снежных кручах тучи тихо спят.
День кончится — и в гаснущие дали
Умчит их ветер прямо на закат.
Как детство годы некогда умчали...

Песнь журавлей проникла в сердце гор,
С моим навек осталась по-соседству,
И вот звенит, живая до сих пор,
Звучит во мне далекой песней детства.

1958

ПОДСНЕЖНИК

Весны ты вестник голубой —
Отважней нет на свете,
Сквозь снег пробился головой,
Тебя качает ветер.

Осколком неба в блеске дня
Синеешь с белым рядом,
Волнуешь радостью меня
Ты, скромностью наряда.

Когда собрался милый в путь,
Тебя дала на память:
— Подснежник наш не позабудь
Меж новыми цветами...

Сказала: будь всегда, везде
Ты чистым, как подснежник.
Сказала: в жизни и в труде
Будь первым, как подснежник.

1958

Или это мне приснилось?
Горы. Тишина...
К мягкой тучке прислонилась
Желтая луна.

Слышу — сердце ли стучится
Громче в тишине,
Или вправду кто-то мчится
На коне ко мне?

1958

ПРОВОДА

Все я жду чего-то, виноватый,
Только что поделатъ — жизнь права:
Не вернуть слетевшие когда-то
С губ моих обидные слова.

И молчит мой телефон часами,
Лишь порой, звонком встревожив дом,
Скучными, другими голосами
Говорит не то и не о том.

Что за прок мне в утешеньях здравых,
Если смолк твой голос навсегда,
Словно бы от слов моих неправых
В тот же миг порвались провода.

Мнится мне: за сотни верст отсюда
К трубке прикасается рука.
Мнится мне: вот-вот свершится чудо,
Вот сейчас я вздрогну от звонка!

Я сказал бы, тихий от смущенья,
Как мне тяжела неправота,
Я сумел бы вымолить прощенье...
Но давно порвались провода!

1958

ДАЛЕКИЙ ДРУГ

Не тревожу тебя
Телефонным звонком,
Не колдую
Над черным
Наборным
Кружком,
Просто —
В небо смотрю,
Просто — молча курю
И без повода, просто
С тобой говорю.

— Здравствуй, счастье мое! —
Говорю я, любя. —

С наступившей зарей
Поздравляю тебя!..
Даль меж нами легла,
Но не верит в нее
Телефон удивительный —
Сердце мое.

От него сквозь леса,
Сквозь года, города
Убегают незримые
Вдоль провода,
С каждой честной душой,
На ветру не звеня,
Безотказные,
Соединяют
Меня.

Сквозь года, города
По незримой струне
Даже мертвых сердца
Откликаются мне!

Не прервет нас
Какой-нибудь срочный заказ,
И чужие сердца
Не подслушают нас...

Все я сделаю,
Лишь бы вовек не рвалась
Эта кровная,
Самая важная связь...
И сегодня — ты слышишь? —
Встречая зарю,
Я с тобой говорю,
Я с тобой говорю!

Слышу — в дальней дали,
За просторами рек,
Отвечаешь ты мне,
Мой родной человек.

Есть испорченные
Телефоны-сердца.
Там, бывает,
Звонишь и звонишь без конца —
Все напрасно!

Стараньям любим вопреки,
Только «занято», «занято», —
Слышишь гудки.

Но твое не такое!
Открыто оно
Для добра и любви,
Потому что полно
Удивительной верой
В людские пути,
В то, что счастье
Должно непременно прийти.

Друг мой дальний, ты слышишь?
Встречая зарю,
Я с тобой говорю,
Я с тобой говорю!
Не прервет нас
Какой-нибудь срочный заказ,
И чужие сердца
Не подслушают нас.

Не тревожу тебя
Телефонным звонком,
Не колдую
Над черным
Наборным
Кружком.
В ясном небе —
Рождение нового дня...
Я зову,
Ты поймешь,
Ты услышишь меня!

1959

ВЕСНОЙ

В первой зелени опушка,
Ива клонится к ручью,
Счет годам ведет кукушка...

Вспомнил родину свою.

Что ни день, то море света.
Звезды в полночи немой.
Свистнув, поезд мчится где-то...

Очень хочется домой!

1959

СТРУНЫ

Из тонких жил — сердечных нитей —
Сплету я каждую струну,
Скручу, совью, велю: «Звените!» —
И на топшур их натяну.
Они сплуж, полны любовью,
Как ты красива и горда.
И могут застонать от боли,
Но не заплачут никогда!
А ты не веришь, ты не веришь,
Стоишь со мною у реки,
Цветок в руке смущенно вертишь
И рвешь, гадая, лепестки.
Но если лгу я, золотая, —
Пусть лопнут струны в синей мгле...

Ах, эти ночи на Алтае,
И песня кедра на скале!

1961

КАТУНЬ

Мчись, Катунь, играя светом,
Шумная струя!
Нет волны на свете этом
Чище, чем твоя!

Так и блещет, голубая!..
В ней отражена,
Молодеет, улыбаясь,
Старая луна.

Ты летишь с вершин Алтая
Вниз, к теплу, к жилью,

Песню сбивчиво слагая
Длинную свою.
Этой песне от рожденья
Сотни тысяч лет,
В ней — волны твоей круженье,
И конца ей — нет.

А моя — послушай! — песня
Только рождена.
А моей — послушай! — песне
Вечность не нужна.

Ей сейчас бы, неотложно
Души обогреть,
Ну, а там, пожалуй, можно
И самой сгореть,

Лишь бы в доме человечесем
Приняли ее...
Так что нам считаться нечем:
Каждому — свое.

Будем добрыми друзьями —
Вот моя рука!
Глупой зависти меж нами
Места нет, река.

Ты бежишь, подернув камни
Пленкой голубой...
Хорошо с тобой, река, мне,
Хорошо с тобой!

1961

ЧЕРЕМУХА

С той далекой поры пролетели года,
Но, как прежде, смущая солидных знакомых,
Я теряюсь всегда, я пьянею всегда
От весеннего запаха белых черемух.

Как мне быть? Вот встают они снова стеной,
Обступают кругом, раскрывают объятия...
Черт возьми, не смеешься ли ты надо мной,
Чудо-деревице в белом, как девушка, платье?

Только я не обижусь. Я сам виноват.
Был я молод и глуп. И по этой причине
Не ценил удивительный твой аромат,
Полагая, что так подобает мужчине.

Горделивые в сердце лелея мечты,
Шел я в жизнь и однажды, нахмурясь сурово,
Черноглазой красавице в белом, как ты,
Не сказал на тропишке заветного слова.

А ведь что-то бродило, кипело во мне,
Но, себя самого понимать не умея,
Я назло становился черствее вдвойне —
Мол, девчонка! О чем разговаривать с нею!

Я в глаза не глядел ей, суровость храня, —
Что мне, сильному, чувства ее и тревоги!
Мне казалось: любовь ожидает меня
Как награда в конце очень длинной дороги.

Я ушел в ожидании будущих слов,
Но не спал почему-то в ту ночь до рассвета...
Лишь потом, и взрослей, и серьезнее став,
Понял вдруг, что ошибка допущена где-то.

Я в тот вечер подальше задвинул дела;
По забытым приметам, неловкий, несмелый,
Шел я долго, и память меня привела
На лесную тропинку, к черемухе белой.

Как же мне быть теперь, посоветуйте мне!
Видно, ждать — и, смущая солидных знакомых,
Каждый год, как мальчишка, пьянеть по весне
От бессмертного запаха белых черемух...

1962

Мне глаза, голубые как волны Катуня,
Никогда не забыть, ни за что не забыть...
Помню тропку в лесу, помню звезды в июне —
Те, что нас научили друг друга любить...

Где же нежность твоя? Где же слово привета?
Все ушло, говоришь ты. Ушло, — но куда?
Я пойду, я найду — хоть на краешке света,
Приведу — ведь, согласно законам планеты,
Здесь ничто не должно исчезать без следа!

Или все растворилось в пространствах беззвездных,
Как дыханье в ночи, как туман над рекой?
Я стою у окна, и на стеклах морозных
Белый блеск, снежный блеск осязаю рукой.

Наша встреча, глаза твои, звезды над чащей
И тропинка, где шли мы в предутренней мгле, —
Все вместилось теперь в этот резкий, слепящий
Белый блеск, снежный блеск на оконном стекле!

1962

И вновь весна. Очнувшиеся горы
Бушующая зелень занесла.
Любовью дышат новые просторы,
А на душе — зима белым-бела...

О, ясный мир, наполненный любовью,
Цветением молчанье сокруши,
И, затененный памятною болью,
Снег растопи в тайге моей души!

1965

Ушла электричка.
Один я остался,
Один на пустынной платформе стоял.
Я думал о той, с кем когда-то расстался,
Кого навсегда я в ту ночь потерял.
И в грохоте встречных,
В призывах попутных
Шарахалась ночь, и дрожала земля.
И тем, кто в вагонах качался в уютных —
В холодной ночи, —
Как завидовал я.

Экспресс — за экспрессом.
Я в рельсовом гуле
Сижу у окна и уснуть не могу.
Вдруг что-то знакомое там промелькнуло!
Я вспомнил пустую платформу в снегу.
И мне показалось: на том полустанке
Стоит в ожидании кто-то опять.
А вдруг это я?
Это я там остался,
Один на пустынной платформе стоять!
А скорый все мчится. В окне проплывают
Далеких, забытых надежд миражи.
Колеса стучат, будто годы считают.
И без остановок проносится жизнь...

1965

ГУСИ ЛЕТЯТ

По ночам над заснеженным краем
Голоса так печально звенят.
Это гуси летят над Алтаем,
Это гуси куда-то летят.
То ли снег
Тихо падает с неба,
То ли пух этих диких гусей.
Дремлют горы
Под шапками снега
В молчаливой красе своей.

Спят домишки,
Укрывшись от ветра,
Приютившись на склоне горы.
И охотники до рассвета
Жгут в ночи,
Чтоб согреться,
Костры.
Надо всем
В затуманенной выси
Голоса так прощально звенят.
Это гуси летят восвояси,
Это гуси куда-то летят.
И всю ночь напролет
Незаметно
Исчезают вдали навсегда
И уносят под крыльями лето,
И на крыльях несут холода.
Бесконечные снежные горы.
И без отдыха гуси летят.
И мерцают костры, как озера.
Золотые озера манят.
И усталые гуси садятся,
Погибают,
Сгорают в огне...
Так случилось и мне заблуждаться,
И беда приходила ко мне.
Эти беды я забываю
На пути многотрудном моем.
И не крылья в огонь я роняю —
Занимается сердце огнем.
Потому и близки мне и милы
Эти гуси над краем моим.
Соберите последние силы!
Мы еще долетим, долетим!
И когда над горами Алтая
Так печально звенят голоса,
Обо всем я тогда забываю
И твои вспоминаю глаза.
Как я верил горящему взору
Милых глаз!

Как любил и страдал!
Но мерцали глаза, как озера.
Я в огне этих глаз погибал...

1966

ОСЕНЬ

Задели тучи
Верхушки сосен.
Дожди косые,
Туманы, ветры.
Все это значит:
Приходит осень,
Приходит осень,
Пора ответов.
Ответь мне, время,
Что стало с теми
Былыми днями,
Моими днями?
Одно осталось:
Туман да темень,
А где же солнце? —
Не знаем сами.
Листы опали,
На землю пали.
Надежды были,
Да нет их ныне.
Ответь мне, время,
Куда пропали
Цветы,
Пылавшие в той долине?
Озера кажутся
Мне глазами,
Но их улыбка
Полна печали.
А где же радость? —
Не знаем сами...
Была вначале,
Была вначале.
Ответь мне, время,
Когда успело
Мои ты волосы
Украсить проседью?
Вначале сердце
Цвело и пело —
Весной загадка,
Разгадка осенью.
Иду уставший
Осенней пашнею,
Встречаюсь взглядом

С тонкой рябиною:
Все вспоминаю
Тебя, пропавшая,
Тебя, ушедшая,
Тебя, любимая.

1966

СВЕТ ТВОИХ ГЛАЗ

В далеких мирах
Душою живу.
И смерти в глаза
Смотреть не боюсь.
Дельфин в океане —
И я поплыву,
Бросаюсь в волну,
Волной становлюсь.
И снится мне вновь
Тот неведомый край,
А где-то вдали
Голубая земля.
А там, на земле, —
Расцветающий май,
Шумят на ветру
Золотые поля.
Промчусь среди звезд
Одинокой звездой.
Кометой сгорю
Среди белого дня.
Заботы пройдут
Своей чередой,
И радость и горе
Оставят меня.
Любимая, знай:
Возьму я с собой
Лишь свет твоих глаз,
Свет голубой,
Лишь все твои сны,
Да еще я возьму
Кедровую шишку
И ветку сосны.

1966

СНИШЬСЯ

Ты по ночам
Опять со мной, любимая.
Пусть и во сне —
Ты все равно со мной,
Единственная и неповторимая,
Как той неповторимую весной.
Целую я тебя и плакать хочется
От счастья, что по-прежнему живу!
Но и во сне
О том, что счастье кончится,
Я знаю так же, как и наяву.
А ты мне улыбаешься доверчиво,
Как можешь улыбаться только ты.
И день стоит. И далеко до вечера,
И светятся весенние цветы.
О, если бы мне знать одно лишь прошлое
И ничего о будущем не знать!
Не знать о том, что грубыми подошвами
Мне те цветы придется растоптать.
Как мать моя своим богам молилась
В безграмотные годы старины,
Молю тебя:
«Ну, окажи мне милость,
Не приходи, не возвращайся в сны!»
Но нету от моей молитвы толку.
К бессрочной муке я приговорен:
Любимым быть — и знать, что все недолго,
Любить тебя — и знать, что это сон.

1967

Мне кажется, что я один на свете.
Совсем один
Под белою зимой.
И дует бесприютный снежный ветер
Не по земле,
А по душе самой.
И падают густые хлопья снега
На сердце обнаженное мое...

Но день придет,
И станет синим небо,
Весна над головою запоет.
И, зимние оковы разрывая,
С земли цветов привстанет голубой.
Тогда в горах далеких Толубая
Я встречу обязательно с тобой!

Но этот день настанет так не скоро...
И я, как одинокий кедр, стою,
Вокруг меня заснеженные горы,
И снег дождится на душу мою.

1967

Чиста и свободна душа,
Как поле бескрайнее утром.
На каждой травинке роса
Отсвечивала перламутром.

Кивал мне головкой цветок,
Прекрасный, приветливый, юный,
И солнце, коснувшись ресниц,
Как будто потрогало струны.

Деревья шумели вокруг.
Кукушка считала мне годы.
И дымка фатой голубой
Родные окутала горы.

Поодаль белесый туман,
Как дума, висел над болотом.
И, заблудившись, журавль
Печально звал в небо кого-то.

А в маленькой капле росы
Неведомый мир отражался.
Ах, если б так было всегда,
Я в мире росинки остался,

Звездой ночевал бы в реке
И слушал поющие воды,
И горы твои, мой Алтай,
И дикое поле свободы.

1967

ПРИХОДИТ ВЕСНА

По-разному к людям приходит весна:
К одним — с апрельским первым побегом,
С первым звонким ударом весла,
К другим —
С листопадом и с первым снегом.
Сколько багровых и золотых,
Сколько оранжевых листьев и алых!
Это о днях последних своих
Лето
Осени рассказало.
Осени?
Нет, рассказало весне, —
Весна идет за порою летней
И она счастливее и ясней
Той минувшей, семнадцатилетней.
По горам пустынным идем с тобой,
Выходим на брошенные тропинки.
О, как жалобно хрустят под ногой
Заморозком тронутые травинки!
Так они боятся близкой зимы,
Туч, что лишь до поры таятся,
Так седины холодной боятся!
Словно мы...

1967

Вдруг облако
Тебя напомнит живо,
Твой профиль,
Чуть размытый высотой,
Но облака —
Они так прихотливы:
Минута — и растаял образ твой.
Я взгляд свой
К облакам лстучим поднял.
Они уходят.
Я гляжу им вслед.
Нет никого на свете их свободней,
И никого изменчивей их нет.
Летят они по повелению ветра,
Почти неслышно крыльями шурша.
И музыкой
Печальной
И светлой
Им чутко отзывается душа...

1967

КОЛДОВСКОЕ ДЕРЕВО

Слышал я: в таежной дальней чаще,
Где безглазый сумрак распростерт,
В той глуши, таинственно молчащей,
Колдовское дерево растет.

Кто с него хоть веточку срубает,
Власть берет над счастьем и судьбой:
Пожелай —

красавица любая

Вслед пойдет покорно за тобой.
Только знай, за счастьем в путь пустившись:
С каждой веткой, падающей в снег,
Умирает, за сердце схватившись,
Где-то в мире

добрый человек...

Я живу, не ведая покоя,
Долго, трудно, трепетно люблю,

Но коль встречу дерево такое —
Ни сучка, ни ветки не срублю.
Чем любви такой ценой добиться,
Счастье взять с проклятьем пополам, —
Лучше в бурю стать бездомной птицей,
Диким зверем рыскать по горам.
Буду —
 пусть! —

 страдать еще сильнее,
От тоски, как пес, околевать,
Иль умру — или тебя сумею
Сам, без колдовства, околдовать!

1967

АЛТАЙСКИЕ ДЕВУШКИ

То ли это утра
Песни петь охота,
То ль без ваших песен
Утро не начнется?
То ль без ваших песен
Не идет работа,
То ли без работы
Что-то не поется?

Вы скажите, девушки,
Алтайские девушки!

Горы задремали.
Что им ночью снится?
Только вашей песне
По ночам не спится.
И, проснувшись, горы
Песне подпевают,
Каменные губы
Тихо разжимают.
То ли ваши песни
К нам весну приводят,
То ли песни в сердце
Лишь весной приходят?
То ль цветы от песен
В поле расцветают,

То ли они сами
Песни распевают?
Вы видели, девушки,
А я не видел, девушки!
Лишь следы я видел
На траве росистой,
Да вдали я слышал
Голос серебристый.

Милые вы девушки,
С гор алтайских девушки!..

То ль от песен солнце
Жарче в поднебесье,
То ли это солнце
Разжигает кровь?
То ль любовь приходит
И приводит песни,
То ли ваши песни
Привели любовь?

Я не знаю, девушки.
Вы знаете, девушки...

1967

Ты глядишь на меня,
как луна с высоты.
Как луна в облаках,
переменчива ты!
То в глазах твоих мед,
то — и горечь, и лед,
То внезапная молния
острым жалом сверкнет.
О тебе помышляя
и томясь, и любя,
Я трехликой Гекате
уподобил тебя.
И брожу, и твержу
среди ночной тишины:

— Ты — Геката, Богиня
колдовства и луны!
Ты — и радость моя,
ты — и горе мое,
Ты — луна для меня,
а я — море твое.
Если косо помотришь —
мрачнеет волна,
И от берега тяжко
отхлынет она.
Потемнеет, отступит,
камни дна оголив,
Люди выйдут на берег,
люди скажут: «Отлив».
А когда улыбнешься,
вновь становится мил
Весь прибрежный знакомый,
примелькавшийся мир.
И волна, возвращаясь,
мчит резвей и резвей,
На бегу обнимая,
словно старых друзей,
Скалы, пристани, сваи,
маяки, валуны...
Вот что значит улыбка
Слабосклонной луны!
Ты — и радость моя,
ты — и горе мое,
Ты — луна для меня,
а я — море твое.
О тебе помышляя
и томясь, и любя,
Я трехликой Гекате
уподобил тебя!

1968

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Вот лебеди мои, свершив прощальный круг,
Торопятся домой, торопятся на юг.
И долго-долго вдаль на улетающих птиц
Глядят глаза озер сквозь тростники ресниц.
И сердце сжалось вдруг, как будто вдруг оно,
Как озеро в горах, оставлено одно.
И стало на душе как в мрачный день в лесу,
Когда сбивает дождь прозрачную росу.
Но как лебяжий пух, наверно, мне назло
Кружится белый снег, и все вокруг светло.
И горы высоки, и бел их крыльев лед,
Да только нелегко подняться им в полет,
Бела моя тропа, и даль вокруг ясна,
Но милая весна, вернется ли она?
И все же я иду, не устаю идти,
Как будто кто-то ждет меня в конце пути.
Чтоб грусть мою делить, чтоб птиц моих вернуть,
Но... снег у ног моих ложится отдохнуть.
Лишь долго-долго вдаль глядят глаза озер:
Вдруг лебеди мои вернутся из-за гор...

1968

Завернусь я однажды
По плечи в пургу
И умчусь привидением
В горы, в тайгу.
Как изгнанник,
Покину я город родной —
Пусть заносит поземка
Дорогу за мной.
Кто там хватится
Вечером вьюжным меня,
Будет ждать,
Не гася до рассвета огня?
Может, только черемуха
Вспомнит весной
Давний вечер,
Что в сердце унес я с собой.

Может, только
Глаза голубые озер --
Не иду ли? —
Глядят на дорогу с тех пор,
Но и этой дорогой
Промчится марал
И рогами луну —
Вниз, на выступы скал,
Чтобы пыль серебром
Поднялась над горой
И засыпала снегом
Тропинку за мной.

1968

ВЕЧЕР

Снег ли белый, будто свет, будто свет,
Снег ли белый, будто снег, будто снег.
То ли пляшет впереди
Каждый дом,
То ли просто в голове
Все кругом?
А в груди колоколов перезвон:
— Я люблю!

— Я любим!

— Я влюблен!

Пусть кругом кипит людей толчея,
Мы одни с тобой идем —
Ты да я.
Будто лес вокруг нас
В этот час,
Ни ушей вокруг нас
И ни глаз,
Ни проулков, ни темных дворов,
Ни усмешек кривых, ни слушков,
Лишь в глаза нам проспектов огни —
Мы одни,
мы одни,

мы одни!

Ты скажи мне, как тебя я нашел
В этом городе большом-пребольшом?
Как хотелось улететь мне с тобой
В наши горы,

На Алтай голубой,
Где так неба синева
Высока,
Где в озерах,
Как снега,
Облака!
Только видел я в тот вечер одни
Полыхающие улицы огни,
Да искрящиеся звезды в глазах,
Да улыбку на горячих губах,
Будто шепчут мне они, не тая:
— Ну, гляди же, ну гляди — это я!

1969

НЭЛЛИ

О Нэлли, о Нэлли,
Алтайский цветок,
Кто имя английское
Дать тебе мог?

В догадках своих
Я, признаться, не тверд:
Ужель твои крестные —
Леди и лорд?

О Нэлли, о Нэлли,
Какая ты мисс?
За имя свое
Ты не им поклонись.

Не леди в ладони
Тебя приняла,
А бабка,
Что рядом в аиле жила.

О Нэлли, о Нэлли,
Алтайский цветок,
В алтайском краю
Родилась ты в свой срок.

Без титулов графских
Жила ты в селе,

Счастливой хозяйкой
На доброй земле.

Такие девчонки
В шотландских краях
Живали когда-то
У Бернса в стихах.

О Нэлли, о Нэлли,
На горном лугу
Тебя ли я встретил
С отарой в снегу?

«О, здравствуйте, леди! —
Сказал я тотчас, —
Здоровы ли овцы
В отаре у вас?»

«Ой, что он болтает? —
Ты приснула вдруг. --
Какая здесь леди?
Здесь горы вокруг.

Вы в Англию, верно?
Вы сбились с пути?
Желаю вам в Англии
Леди найти».

О Нэлли, о Нэлли,
Алтайский цветок,
Не знаю, кто имя
Придумать вам мог.

Но есть на Алтае
Девчонка одна.
Пусть песенку эту
Услышит она.

1969

Летят над вершинами тучи,
Замглило вдали.
За мглою, за тучей летучей
Трубят журавли.

В дожде и снежинках колючих
Все вдаль отошло.
За осенью, словно за кручей,
Осталось тепло.

1970

Годы, годы мои,
Вы как клин журавлей
Над судьбою моей,
Над землею моей.
То вас кутает ночь,
То вас солнце слепит,
Только клин журавлиный
Летит и летит.
Год пройдет —
Клин растет.
То не год, то не год —
Журавленок под осень
К нему пристаёт.
И летит, и трубит
В свой серебряный рог...
Не последний ли год?
Не последний ли срок?
Где-то вскинется он
Молодым журавлем,
Кромку солнца задев
Неокрепшим крылом,
И исчезнет во тьме
Навсегда, навсегда,
Чтоб в последний порядок
Сомкнулись года...

Вон уж листья с берез
Устилают поля.
Словно кружатся перья
Того журавля...

1970

Вот и стол свой накрыл я как мог
И букет из цветов воздвиг.
Только свет над столом не зажег —
Мне светло от очей твоих.
Смотрит в окна луна, не таясь.
Зажигает безмолвный хрусталь.
Ах, о чем мы молчали в тот час?
Ах, в какую умчались мы даль!
Сколько счастья таил твой взгляд —
Нам хватило б на сотню лет.
Но ничто не вернешь назад —
Ближе нет нас и дальше нет...
Я смотрю на очаг ночной —
Как мне грустно и как светло!
Я, наверно, колдун душой —
Вижу все, будто сквозь стекло.
Вет сидишь ты вновь предо мной
И в глаза мне глядишь притом.
Как нашла ты мой дом лесной?
Ты мне кажешься странным сном.
Не искатель шальных побед,
Нелюбимым я быть привык
И не ждал, что твой лунный след, —
На крыльцо мое, напрямик...
Не померкла краса твоя,
Но не жжет уж меня давно —
Слишком разные — ты и я, —
Губ твоих доверчивый зной.
Как и прежде, накрыт мой стол,
Скатерть снежная, кубков свет,
Но никто из друзей не пришел,
Торжества в моем доме нет.
Вечер, в печке трещат дрова,
Весь и свет, что в глазах твоих.

Не нашел я тогда слова,
А теперь уж не надо их!
Ах, как лунно мое окно —
Только свет луны на двоих.

Точно сон мы — и я, и ты.
Берег юности в двух шагах,
Но давно сожжены мосты,
И молчу я, лишь даль в глазах.

1970

Гордо вскинута голова,
Не смирившаяся с судьбою.
Я врагу не скажу слова
Гнева, мести не удостою...

Мелкой ненависти его
Я отвечу презрением строгим,
С гордо вскинутой головой
Я спешу по родным дорогам.

По земле не тенью пройду:
Коль идти — так горным обвалом,
Коль идти — не дождем в саду,
А грозой над перевалом!

Не пугаясь житейских битв,
Не боясь бесконечных буден,
Свет души и глагол молитв
Я отдам без остатка людям.

В самой схватке добра и зла
Я не выберу середины,
Пусть меня опалит дотла
Негасимый огонь судьбины.

Только б стала бы жизнь добра,
Только б стала во век прекрасна, —
За спиною гудят ветра,
Я иду вперед без опаски...

Мой Алтай! У меня в груди —
Ты поэзии свет высокий!
Пусть листва заметет следы,
Если я упаду дорогой...

Но пусть той же горной тропой
Молодые пройдут поэты.
И над ними, как надо мной,
Вспыхнут будущие рассветы.

1970

ВЕСЕННИЕ СТИХИ

Синие горы и красные зори —
С песней веселой приходит весна,
Словно платком, накрывает предгорья
Первой зеленой травой она...

Маков в долине огромная алость
И колокольчиков звонкая синь,
А эдельвейс, из снегов пробиваясь,
Вырос на уровне горных вершин!

В сердце глазами глядит голубыми
Эта весна, — и не помню я бед
Под небосводом, сызмальства любимым,
Где золотится скорый рассвет...

Многое помнят весенние ветры,
Снова над миром трубят журавли,
И по весне говорит о бессмертии
Знамя зеленое вечной Земли...

Все молодеет — и горы и пашни,
В каждой коряге — зеленая кровь,
Жалко, что мы и товарищи наши
Стать не сумеем юными вновь.

Но столько света и счастья повсюду,
Что на душе, как бывало, светло,
И ожидаешь какого-то чуда,
Словно ты молод всем бедам назло!

Солнце приветствует малый и старый,
Радостней всех, может быть, чабаны:
Снова торопятся в горы отары,
Над перевалами — звезды весны.

Слышишь, мой друг, как, простые когда-то,
Переполюются силой слова
И удивленными снами объята
Девушки, горы, ручьи, деревья...

Это нам дарит любовь и рассветы
Новая горная наша весна,
И во взволнованном сердце поэта
Вспыхивает, словно искра, она!

1971

СЧАСТЛИВА ЛИ ТЫ?

Все мы бредили тобой,
Женя Алтынай.
Больше всех — товарищ мой, --
Женя Алтынай.
Как мы, скрыв свою беду,
Гордо шли порой,
Потешаясь на ходу
Над его бедой!
Как страдала ты подчас,
Женя Алтынай!
Он твоих не видел глаз,
Женя Алтынай.
И ласкал нас август всех
Солнечным лучом,
И сверкал твой звонкий смех
Золотым дождем.
Мы купались день-деньской
В голубой реке,
Мы валялись над рекой
В золотом песке...
Где теперь твой звонкий смех,
Где теперь твой край?
Над рекою нашей снег,
Женя Алтынай.

Не сойтись на бережок,
Как нас ни скликай.
Где твой милый говорок,
Женя Алтынай?
Поезд юности ушел,
Потерялся след.
Ах, как пелось хорошо
Из окна — рассвет!
Только вот товарищ мой —
Ревновал он все ж...
Да простит он нас с тобой,
Годы не вернешь.
Третья полка, нос к стене,
Как упрек живой...
Как все будет, знать бы мне,
Знать бы нам с тобой!
Где там дружба, где любовь —
Только гул моста.
Мы смеемся вновь и вновь,
Жизнь, как песнь, чиста!
Почему-то вспомнил вот
Этот день былой.
Сколько лет во мне живет
Милый голос твой...
Где же ты, в каком краю,
Женя Алтынай?
Где любовь нашла свою,
Женя Алтынай?
Не ревнует больше нас,
Не таят обид...
Как в тот давний-давний час
Пусть твой смех звенит.

1971

АЛМА-АТИНСКИЕ НОЧИ

В немую синь небес
Алма-атинской ночи
Слова твои умчал
Полночный ветер вмиг.
Как две живых звезды
Мерцают влажно очи,
И что там в темноте? —

Фонтан, ручей, родник...
Шуми, ночной фонтан,
И небеса, — светите!
Мне слышится в ночи
Созвездий легкий звон —
Так каблучки стучат
Твои, о Нефертити!
И волосы твои
Превыше всех корон.

Усмешку, радость, грусть
Глаза твои
Укрыли, затаили.
Я жду, когда взойдет
Прекрасный, милый взор,
Ресниц твоих густых
Неслышимые крылья
Взлетят легко, и вновь
Безмолвный разговор
Продлится. Сень ветвей
Невидимого клена,
И — тихий — наших лиц
Невидимый огонь...
Ты слышишь: жизнь идет —
Огромно и бессонно,
И эта ночь тепла,
Как вечности ладонь.

О чем твои сады
Полночные бормочут,
О чем толкует клен,
О чем звенит звезда?
Быть может, это песнь
Алма-атинской ночи
О том, что ты уйдешь
Сегодня навсегда...
Последней ночи песнь!
Прощальный плеск фонтана.
Стук легких каблучков.
Прощальный шелест слов...
Уходишь в сердце ты —
Неведома, желанна,
Отныне ты — звезда
Моих усталых снов...

1973

Кружилась Земля сто лет,
Закат зажигал рассвет,
Прощально лились слова,
Поэтому и пропал их след.
Шло солнце над головой,
Как огненный диск золотой,
И странно светились глаза,
Извечной полны тоской.
Цветов огневой прибой
Предгорье объял собой,
И чьи-то лодыжки там,
Над красной его волной.
А след наших ног босой
Укрыла трава росой.
Звезда отвела глаза
От нашей травы ночной.
Качался Алтай золотой,
Как тот караван степной —
Бредет за горой гора,
Отправившись в путь дневной.
И люди опять толпой
Зеленой идут тропой,
И, вторя словам любви,
Березы шумят листвою.
Ресницы блестят росой,
И весело нам с тобой,
И звезды, услышав нас,
Смеются над головой.
Как жизнь хороша порой!
Сердце звенит струной.
Вновь захлестнул тропу
Черемуховый прибой...

1974

ВЫСОКАЯ ЗЕМЛЯ

Кругом цветы небесной синевы
Стояли в рост среди ночной травы
И домики свои не запирали —
Так светел был в ту ночь земной простор!

Склонялись мы к живой воде озер
И звездный блеск в ладони собирали.
Садилась в лодку. Плыли при луне
По лунной, словно бронзовой, волне,
О, пусть же эта ночь продлится доле!
Была ты, словно пихточка, стройна,
Входила этой ночи глубина
В глаза твои, любимые до боли.
Там не слышны, в горах, гудки машин...
Там я руками трогал снег вершин —
Он в чутких водах четко отражался.
«Твой нежный локон, черный, точно смоль,
Мне приласкать, любимая, позволь!» —
Хотел сказать я вслух и не решался.
Тебя во сне поныне вижу я,
Застенчивая девочка моя,
На том высоком горном перевале,
Где свет струился дымно-голубой,
Где эдельвейсы, схожие с тобой,
Прекрасные и чистые вставали.
Не слышали мы, как часы спешат,
Но слышали, как облака шуршат,
У нас над головами пролетая!
Прекрасна жизнь, в которой есть цветы,
Прекрасен мир, где существуешь ты,
О дорогая девочка Алтай!
Могуч Алтай — высокая земля!
Людским сердцам большими быть веля,
Он к мелкоте презрения не прячет!
Ты помнишь перевал в тот лунный час?
Там помнят кедры вечные о нас.
А это, друг мой, что-нибудь да значит...

1974

СОМНЕНИЕ

Порой сжигает душу мне тоска,
Стою как перед снежным перевалом:
То ль осень поздняя,
То ль ранняя весна?
Гнетет меня неясная она,
Трубит сентябрь, и лес объят пожаром.

Еще один отсчитан в жизни год.
Еще одна мечта моя угасла.
Мне снится кедр над Яйлагушем властным, —
Когда б хоть он сумел ответить ясно,
Что день грядущий в жизни мне несет!

Кто скажет мне, смогу ли одолеть
Тот перевал, укрытый снежной тучей?
Ах, родина, рукой своей могучей
Дай силы мне — хочу еще посметь!

Труби, сентябрь, вскинь свой вещий рог —
Пускай гуляет эхо над хребтами!
Гори в груди, неистовое пламя,
Чтоб молнии ломались над стихами,
Чтоб слово в сердце раскалить я мог.

Не стой преградой, снежен и суров,
Мой перевал, дремучий, скрытый тучей.
Ах, родина, рукой своей могучей
Дай силы мне, чтоб одолеть врагов!

1975

СТРОКИ НА ЛИСТЬЯХ

Все идут, все идут золотые дожди листопада,
Жесткий лист, пролетая, меня задевает ребром,
И тропинка, где шли мы, весне зеленеющей рады,
Ныне скрыта под желтым и толстым осенним ковром.
Отлетающих птиц раздаются прощальные крики,
И осенние листья шуршат под ногами, сухи,
Как листья золотой, ненароком разрозненной книги,
На которых написаны лучшие в мире стихи.

Кто писал их? Наверное, ливни, рассветы, закаты,
Быстролетные ветры и звездный мерцающий свет.
И слова о любви, что звучали вот здесь же когда-то,
Как на тонких пластинках, свой тоже оставили след.

Я иду в тишине одиноко по белому свету,
Листья кружатся медленно, просятся в руки: лови!
Кто прочтет, расшифрует прекрасную тайнопись эту?
Кто звучанье вернет отзвучавшим словам о любви?

Ты шептала мне их поздним вечером в этой аллее,
И, как листья сегодня, звучали они в тишине.
Я здесь нынче один. Я о прошлом, ушедшем жалею,
О несбывшем, несбывшемся — горько жалею вдвойне.

Встали горы вдали в серебре, в одеянии чудном,
Там — метели, зима. Скоро явится, значит, и к нам.
Навсегда, навсегда затерялась ты в городе людном.
Никогда, никогда не вернуться былым временам.

Я иду по аллее, а листья на землю ложатся,
Различаю на них очертания строчек и строф,
Как неясные знаки исчезнувших цивилизий
Или, может быть, как позывные далеких миров.

Отлетающих птиц раздаются прощальные крики,
К благодатному югу осенние птицы спешат,
И листы золотой, ненароком разрозненной книги
Под ногами шуршат. Под ногами шуршат и шуршат...

1976

Ах, сердце, и что твое пламя
Под долгим рассудка дождем!
Но угли так медленно тлеют
На донышке самом твоём.

Ах, сердце, — как ночь бесконечна,
Когда ж заснеет в окне?
Меня позабывший товарищ
Привиделся снова во сне.

1976

КОРОЛЕВА

На Алтае, в краю суровом
И прекрасном, среди озер,
Ты живешь во дворце кедровом —
Строен стан твой и нежен взор.

Головами цветы качают,
Разговор меж ними идет:
«Королева наша скучает!
Королева кого-то ждет!»

Я взбирался на перевалы,
Торопил гнедого коня,
Но дорога моя петляла
И обманывала меня.

На Алтае, в краю суровом
И прекрасном, как вешний свет,
Ты живешь во дворце кедровом —
Та же самая или нет?

Ты проходишь по тропкам, скользким
От пролившегося дождя,
В том же возрасте комсомольском,
Ветки влажные отводя.

И глядят на тебя влюбленно
Чабаны — молодой народ...
Королева, определенно,
Ты все та же, да я не тот.

Годы шли да притом — не мимо,
Обернулось время бедой:
Безнадежно, неоправимо
Опоздал я, рыцарь седой...

1976

ПРИДЕТ ВЕСНА...

Придет весна, печаль мою развеет,
Взломает в реках почерневший лед,
И молодой рассвет зарозовеет,
И солнце новой радости взойдет.

Цветами вновь покроется опушка,
Где нынче снег томительно кружит.
И сядет на плечо мое кукушка
И много-много лет наворожит.

И дамы ей откликнутся и, вторя,
Порадуются, чуткие, со мной,
И эта радость пересилит горе,
И станет вновь светлей весь мир земной.

У самой тропки встанут эдельвейсы...
И я прошу меня не осудить,
Что не спешу в космические рейсы:
Мне по земле охота побродить.

Вот в это счастье сердце крепко верит.
И пусть пока на реках толстый лед —
Придет весна, печаль мою согреет,
И солнце новой радости взойдет!

1977

ЖИЗНЬ

Друг, не печалься, как в осень березы,
Ветром оборванные до листка!
Даже в страдании, даже сквозь слезы
Радуйся жизни — ведь жизнь коротка.

Это не радость великая разве —
В жизнь окунуться, в могучий поток?
Если цветок возникает над грязью,
Будем смотреть не на грязь — на цветок.

Птицы домой возвращаются с юга —
Будем горды после долгой зимы
Тем, что к вращению вечного круга
С птицами вместе причастны и мы.

Жизнь коротка — но про это не станем
С видом унылым твердить без конца:
Птицу по имени Радость заманим
В наши открытые свету сердца.

Разве бессмертия мы не вкусили,
Если в обычной жизни людской
В прошлом и в будущем мыслью гостили,
Солнца коснулись бесстрашной рукой?

Солнце сияет. Жемчужины млечны,
В дальние дали плывут облака.
Радуйся жизни — ведь жизнь бесконечна.
Кто говорит, что она коротка?

1977

Белой вьюгой, снегом опустимся
И в морозной колющей пыли
На снях стремительных помчимся
Далеко, на самый край земли.

Мы сердца метелью не остудим,
Сладкой преисполнившись тоской,
Мирные дела свои забудем,
Позабудем строгий суд людской.

Ветер запоет, изнемогая,
То нежноголос, то басовит.
Мы помчимся вместе, дорогая,
И никто нас не благословит.

Что нам кров, где дух тепла витает,
Где все вещи на своих местах,
Если нежные снежинки тают
На твоих бровях и на устах?

Что нам суд, суровый, неизбежный,
Если на изгиб моей руки
Нынче запрокинут лик твой нежный,
И в глазах мерцают огоньки?

Далеко за многими хребтами,
На холме, синюшканный дом,
Может быть, возникнет перед нами,
Но в него мы тоже не войдем.

Нас такие помыслы не грели,
Мы не ищем теплого угла —
Все мосты за нами погорели,
И зима их угли замела.

Пусть метель кружится в долгой пляске,
И полозья бешено поют —
Нам с тобой, наверно, только в сказке,
Только в песне сыщется приют!

1977

ВЕТЕР ЛЮБВИ

Я слушаю сад
Весной поутру:
Деревья шумят
На вольном ветру.

Не ворчат на него,
Не маются —
Радуются,
Обнимаются!

Он добрый, он свой —
Ворвавшийся в сны,
Тот ветер живой
Любви и весны!

Весной, поутру
В мой сад я смотрю,
В мой сад я смотрю —
И так говорю:

«О ветер любви,
Коснись и людей,
Меж нами живи,
Сердцами владей!

Чтоб тот, кто устал,
Отпел, отлюбил,
Вновь молод бы стал,
Про годы забыл.

Чтоб тот, кто не стар,
Был молод и впредь —
До срока не стал —
Черстветь и стареть!..»

Не нойте: «Сквозняк!»
А выйдите в сад,
Послушайте, как
Деревья шумят —

Не ворчат на ветер,
Не маются —
Радуются,
Обнимаются!

1978

В СЕРДЦЕ МОЕМ

Что там, в сердце моем,
В тесной клетке грудной?
Тишина или гром?
Сумрак? Свет неземной?
Дикой бури вытье,
Или нежность и гладь?
Это дело мое.
Вам об этом не знать.
Подождите, друзья,
Отойдите, друзья:
Эта радость — моя,
Эта мука — моя.
И себе в этот срок
Только я, только я —
И профком, и пророк,
И верховный судья!

Я живу, я люблю —
И любовью богат.

Вот, встречая, ловлю
Милой женщины взгляд.
Вот в глаза ей смотрю —
В черноту, в глубину —
И тону, и горю,
И горю, и тону!
Но не выдам себя,
Ни сегодня, ни впредь:
Буду, втайне любя,
Так спокойно смотреть.

Пусть болит неспроста
Сердце, сжавшись в комок.
Замыкаю уста
На тяжелый замок.
Эту радость мою,
Эту муку мою
Я в себе затаю,
Я не вы-бол-та-ю!
Крепко-крепко зажму,
Зауздаю уздой —
Никогда, никому
Пусть не станет бедой!

Но пока мы живем —
Тот огонь не гашу:
Тайно в сердце своем
Я его проношу.
Чтобы где-то опять
Он обычным словам
Смог значенье придать,
Непонятное вам.
Чтобы вспыхнул не раз,
Промелькнул в глубине
Наших душ, наших глаз,
На таинственном дне.

Пусть не гаснет огонь —
Чтобы острый, как ток,
Из ладони в ладонь
Он при встрече протек.
Не взывайте, друзья,
Помолчите, друзья:
Эта радость — моя,
Эта мука — моя.

Не вторгайтесь, спеша,
Мил я вам иль не мил —
Ведь любая душа —
Это мир! Целый мир!

1978

НАША ЛОДКА

Цветок с рассветом тихо раскрывался,
И чашечка была полна росы,
А я тобой и миром любовался —
И забывался,
Позабывая глянуть на часы.

Была сама ты на цветок похожа —
Банальное сравненье, извини!
Как розовела матовая кожа!
И тоже, тоже
Ты расцвела, раскрылась в эти дни.

Не зря то утро в памяти осталось —
Его переживая вновь и вновь:
Легко ты шла, земли едва касалась,
И, мне казалось,
Не думала, что в мире есть любовь.

У берега покачивалась лодка.
«Садись, поедем!» — вдруг я произнес.
И ты сошла доверчиво и кротко.
Я помню четко
Твои глаза, улыбку, прядь волос...

Несло течение нас по речке чистой,
Я кое-как еще умел грести,
Молчал об этом, как мужчина истый,
Но каменистый
Порог, шумя, возникнул на пути!

Ты вскрикнула и вся ко мне прижалась
И от меня отпрянула не вдруг,
И в этот миг душа с душой сближалась
Любовь рождалась —
Помог ей твой божественный иснуг.

Я налегал на весла. Нас кренило.
Но вот и берег. Минула беда.
Но что-то нас уже соединило,
Объединило
Какой-то общей тайной навсегда.

Не оплошал за веслами тогда я,
Но... лодка жизни, лодочка любви,
Как с веслами твоими совладаю?
Не угадаю!
И все-таки — плыви, плыви, плыви...

1978

Ты улетишь за горные хребты,
Тебя зовут семья твоя и дело,
Но те слова, что мне сказала ты,
Не увезешь, хотя б и захотела.

Покинув мой Алтай, где синь снегов
Над нами в чистом воздухе парила,
Ты мне прощальный звук своих шагов
На память ненароком подарила.

Твои слова — я буду их твердить,
Шаги — я буду слушать их печально,
И кто меня сумеет убедить,
Что эта память нематериальна?

Все это существует и живет,
И для меня сейчас так много значит!..
Я стисну зубы: пусть и наперед
Никто не видит, как мужчина плачет.

А завтра я пойду, нетороплив,
По улице знакомой на работу
И прикурю у друга в перерыв,
Смеясь очередному анекдоту.

Одна, быть может, верная жена
С тревогой поглядит — но дело свято:

Напрасно беспокоится она —
Я не виновен, ты не виновата.

Ты честно убегала от любви
И от себя, и от меня в придачу.
Спокойно, с чистой совестью живи,
Не плачь о нас. Ты видишь, я не плачу.

Лишь теплым тихим вечером порой,
А может быть, и в ненагодь сырую
К седой сосне с морщинистой корой
Щекой прижмусь — и вместе погорюю.

О чем? Не знаю. Я и сам себе
Иной судьбы на свете не желаю,
Но все твои слова — в моей судьбе,
И я тебя за них благословляю...

1978

Наколдовала бы, наворожила,
Морем бескрайним меня окружила —
Переплыву я и сотню морей
Ради любви моей.

Если бы стала тюремщицей злою,
Спрятала бы за крепостною стеною —
Что крепостная стена перед ней,
Перед любовью моей!

Если бы смертью грозить ты мне стала,
Сталь и огонь мне навстречу б послала,
Я бы прошел сквозь тыщу огней
Ради любви моей.

Ради любви моей горькой, счастливой,
Верящей клятве правдивой и лживой,
Испепеляющей, как суховей...
Ради любви моей.

1980

ГОЛОС

В те былые времена
Возвращаюсь я опять,
В ту избушку в два окна
Вновь хочу я постучать.

Сколько раз из темноты
Выходил я к ней зимой,
Слышал голос: «Это ты?»
Дальше — тише: «Милый мой!..»

Косы дивной черноты,
На плечах — платок с каймой,
Все шептала: «Это ты?»
Повторяла: «Милый мой!..»

Шел я к счастью напрямик,
Молод был — и потому
Слишком быстро я привык,
Видно, к счастью своему.

По весне, топча цветы,
Шел к тебе я, как домой,
Знал, что спросишь: «Это ты?»
Знал, что скажешь: «Милый мой!..»

И наказан был сполна:
Постучался как-то раз,
А за дверью — тишина,
И — ни слов твоих, ни глаз.

Может, было все лишь сон?
Может, не было тебя?
И стоял я, потрясен,
Шапку молча теребя.

И весенние листы
Зашептались надо мной,
Показалось: «Это ты?»
Показалось: «Милый мой!»

С той поры повсюду мне
Ветер, дождик и трава
Повторяют в тишине
Эти вечные слова.

Ветки трогают лицо,
Узнают мои черты,
Взяты березками в кольцо,
Снова слышу: «Это ты?»

У воды шумят кусты,
Я склоняюсь над волной,
Слышу голос: «Это ты?»
Стал седым ты, милый мой!»

И, поникнув головой,
Сам не знаю я уже:
То ль, как птица, голос твой
Свил гнездо в моей душе,

То ли в шорохе ветров,
Ночью и при свете дня
Из неведомых миров
Окликнешь ты меня?

1981

Восторги юношеских лет,
Влюбленность в целый мир...
Причин пока для грусти нет,
И жизнь — беспечный пир.

Луга — прохладные ковры,
А мы лишь женихи,
И кажется нам до поры:
Легко писать стихи.

Легко до звезд нам долететь —
И тут нам повезло!
И стоит только захотеть —
Исчезнет в мире зло.

Когда же отрезвили нас
Холодные ветра,
Когда увидеть без прикрас
Себя пришла пора,

Не опечалилась душа:
Она оставит след.
Любимой Родине служа,
За мир держа ответ.

1982

ДАЖЕ ДРУГУ

По ржаному полю бежала,
Намокала росой юбочка,
В свежей зелени кофта белела,
И смеялась ты звонко-звонко.

Ты откуда бежишь мне навстречу?
То ль оттуда, что отоснилось?
То ль из песен Роберта Бернса?
То ли вправду жизнь повторилась?

Ты окончила десять классов,
Из Москвы я приехал на лето,
И немного нос задираю
(Так, считаю, к лицу поэту).

Ах, какой нам мир открывался!
Как хлестали нас ветки упруго!
Лес любили мы, горы, небо
И, конечно, тайком, друг друга.

Ты была всех красивей в школе,
Все влюблялись в тебя непременно,
На уроках писали записки,
Ты рвала их на переменах.

Друг в любви мне своей открылся,
Говорил, что не спит ночами,
Что одно лишь на свете видит:
Две косички твоих за плечами.

И я стал говорить о друге,
Как живет он одной тобою,
Намекал, что в Москве я встретил...
Но кричало сердце от боли!

И, прижавши сердце рукою,
Врал, что я другой очарован,
И — мной Пушкин владел в то лето —
С Натали сравнил Гончаровой.

На меня исподлобья, молча
Натали степная взглянула.
То ль речная вода на ресницах,
То ли что-то другое блеснуло.

«За тобой я пошла б на край света,
Сквозь жару, сквозь ливень и вьюгу,
Но любовь отдавать не надо,
Даже самому лучшему другу».

Так она мне печально сказала.
И ушла. И не возвратилась.
Не помог своему я другу,
Потому что любовь — не милость.

Потому что о ней не просят,
Не выклянчивают, не молят.
Потому что любовь — свобода
И подвластна своей лишь воле.

Если ты человек, для друга
Ничего ты не пожалеешь,
Жизни даже отдать не жалко.
Но любви отдавать не смеешь.

1983

ХОТЬ ПРОХОДЯТ ГОДЫ...

Хоть проходят годы,
Радостен удел:
Мне ведь жить охота
Ради добрых дел.
Ошибался часто —
Хоть реви, хоть плачь!
Но зато не хвастал
Посреди удач.
А вот в дни печали
Или маяты

Снова расцветали
На лугах цветы,
Бушевали краски
И опять был мил
Этот светлый, майский
Обновленный мир.

Друг-товарищ, глянь же
В голубую высь,
Как влюблялся раньше,
Заново влюбись.
Где наша юность
Больше не жива?
Сникла, повинуюсь
Силе естества?
Вспоминаю дом наш,
Опустелый дом.
А как славно, помнишь,
Прежде было в нем?
Помнишь, в светлом зале
В праздничные дни
Девушки плясали?
Где теперь они?
Там одну девчонку
Крепко я любил...
Почему же звонкий
Дом теперь уныл?
И плывет сквозь годы,
Вереницы лет,
Утым пароходом,
А команды нет?
Сн плывет упреком,
Старый интернат,
И глазницы окон
В душу мне глядят...

Пусть из дальней дали,
Из других широт,
Юность на свиданье
Больше не придет,
Потому что юность
Не средни любви.
(Та придет, волнуясь,
Только позови!)
Завлечет, как в омут,

Майская луна,
Снова от черемух
Будет ночь пьяна,
Зашумят, как волны,
Травы и цветы,
Как когда-то полны
Тайны и мечты,
А еще — надежды...
И хоть ты в летах,
Будет все, как прежде,
Ну, почти что так...

1984

Жене

Есть в стихах моих гулевая
Лирика. Но не будь строга.
Ты ведь знаешь: река любая
Начинается с родника.

Хлынут паводковые воды,
И под них берега уйдут.
Очумелые от свободы,
Реки пенятся, в скалы бьют.

Но весенний паводок схлынет,
И река, слегка погуляв,
Снова станет чистой и синей,
Обретет свой исконный нрав.

Увлеченья мои, что пена;
Закружусь, захмелев слегка...
А любовь к тебе неизменна
И чиста, как вода родника.

Потому-то черты красавиц
Тают в памяти, точно снег,
И люблю и опять влюбляюсь
Я в тебя, лишь в одну из всех.

Ну а если в стихах и в песнях
Объясняюсь я им в любви,
То поверь мне — признаюсь честно —
В них я вижу черты твои.

Не ругай же меня за это,
Ведь поэт, как весной река,
И совсем нелегко поэта
Втиснуть в узкие берега.

Сын поэзии, сын свободы,
Для покоя я не готов,
И стихи, как вешние воды,
Не желают знать берегов.

1983

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Золотисто-голубая
Над Алтаем высь,
И цветы, изнемогая,
С небом обнялись.
Мы с тобою в этот поздний
И последний час
В оторопи, и лишь звезды
Понимают нас.
Деревица, влюбленных вроде,
Жмутся возле скал,
И туман кусты смородин
Бурно заласкал.
Обхватились ветка с веткой,
Как рука с рукой,
Окропившись самой светлой
Горною росой.

Нынче рядом я с тобою,
Но ведь я и ты, —
Словно небо голубое
И в горах цветы.
Ту немислимую пропасть
Разве перейдешь?
И отсюда наша робость,
Оторопь и дрожь.

Ты не сделала навстречу
Мне последний шаг,
Лишь накинул я на плечи
На твой пиджак.
Этой полночью закрою
Душу на засов
И не повторю с мольбою
Самых главных слов.
Ты залиvisto хохочешь,
Словно жизнь смешна,
Но и ты ведь этой ночью
Тоже смущена.
Думаешь, не замечаю,
Что не невзначай
И душа твоя в печали,
И в глазах печаль...
Счастья в этом смехе нету,
В нем наверняка
Вместо солнечного света
Лунная тоска.

Так скорее с небосвода
Уходи, луна,
Уплывай, моя забота,
И моя вина!..
Незадолго до рассвета
Ты навеки прочь
Улетишь — и только эта
Нам осталась ночь.
Напоследок ты мне руку
Протяни сама,
Чтобы перенес разлуку,
Не сошел с ума,
Чтоб, как небо, над тобою
Я поднялся впредь,
Чтоб с восторгом и любовью
На тебя смотреть.
За горами, за годами,
На любой тропе
Буду вечно благодарен,
Милая, тебе.
На высоком перевале
Ночью голубой
Вновь припомню, как молчали
Долго мы с тобой.

И всегда, везде, повсюду,
Даже в смертный час,
Смех печальный помнить буду
И смятение глаз.
Вспомню, как прощались трудно,
Но зато без слез...

Над Алтаем встало утро
И не видно звезд.
Так прощай же, дорогая,
Справлюсь как-нибудь...
И опять мне песнь Алтая
Наполняет грудь.

1984

РАЗНОЛИКИЙ МИР

АКРОПОЛЬ

Море и оливковые рощи,
Отдаленный контур корабля...
Ничего не выдумашь проще,
Чем Эллады вечная земля.

Я брожу взволнованный. Попробуй
Быть спокойным, если вдруг вдали,
Озаренный, выплывет Акрополь —
Гордость греков, гордость всей земли!

Пыль веков мои покрыла ноги.
Я гляжу на белый Парфенон,
Мнится мне: языческие боги
Бродят меж дорических колонн.

А внизу соседствуют и спорят
Блеск реклам, живой огонь жилья.
Кажется, по огненному морю
Ты плывешь, Акрополь, как ладья.

Там, внизу, народ огненноглазый
Бсрется, надеется и ждет.
Там, подвыпив, янки долговязый
По-хозяйски улицей идет.

Там банкир блаженствует, загораясь
В тишине о том, чтобы опять
Зная, что сорвал когда-то Глезос,
Над седым Акрополем поднять.

Чьи-то сейфы прибавляют в весе,
Чей-то гнев растет уж сколько лет:
Нет покоя на Пелопоннесе,
Даже мертвым здесь покоя нет!

Даже олимпийские высоты
От земных страстей недалеко,
И сверхзвуковые самолеты
Небо рвут над нами на куски.

Неужели люди нашей эры
Так и не узнают тишины?
Неужели снова из пещеры
Выползет чудовище войны?

Неужели полетит по свету
Ветер смерти, травы опалая?
Что в грядущем ждет тебя, планета,
Древний шар по имени Земля?

Как с людьми, беседую с камнями,
Говорю, надеждою согрет:
— Ты еще побудь, Акрополь, с нами
Тысячу и много тысяч лет.

1964

ОВИДИЙ

Стоит в Констанце бронзовый Овидий.
Вокруг туристы пестрою гурьбой.
Он смотрит в море.
Что он там увидел?
Что вспоминает, слушая прибой?
Он вспоминает
Счастья дни и горя,
Когда прославлен был он и гоним,
И, вслушиваясь в вечный говор моря,
Он вспоминает
Вечный город — Рим.

Стоят в музеях статуи патрициев,
Надменных и уверенных в себе.
Хотелось в вечный камень воплотиться им
И пережить всех прочих на Земле.
Грозившие германцам и парфянам,
Властители судеб в былые дни —
Теперь они,
Как камни, безымянны,
И, словно камни,
Мертвые они.
Обломки Рима,
Метины истории...
Империи сходили, как вода,
И только стон, что у певца исторгнули,
Стал песней
И остался навсегда!
Вы подлинным мерилом славу смерьте —
И выше песни нету ничего,
И Рим

себя

Лишь тем и обессмертил,
Что он убил поэта своего.
Вот он стоит на площади в Констанце
И с моря долгожданный парус ждет,
Но из глухого синего пространства
За изгнанным галера не идет.
Над Томами¹ — нестройный ряд веков,
Уходят судьбы,
Падают правители,
И только строки горькие Овидия
Не покидают этих берегов.

1965

¹ То м ы — древнее название Констанцы.

Как бы я тоску нарисовал,
Если бы художником я стал,
Что изобразил бы на картине?

Журавлей, летящих в дали синей?
Медленный октябрьский листопад?
Друга над могилкой свежей друга?
Или, может,
Заметает вьюга
Чей-то мертвый, позабытый сад?..

На кричащем проспекте Стамбула,
Под поблекшей рекламной луной
Плохо выбритый, мятый, сутулый
Человек поравнялся со мной.
По-английски, турецки, французски
Клокотала вокруг толпа.
И спросил он меня: «Вы — советский?»
И ему я ответил: «Да!»
«Снег теперь, наверно, в России...» —
Очень тихо сказал он мне,
А глаза его громко просили:
«Расскажи о моей стране!»
Видно, ветры с Черного моря
В этот вечер к нему принесли
Не на радость ему, а на горе
Запах влажной российской земли.
Видно, дальний гудок пароходный
Вдруг напомнил ему в этот миг
Журавлей улетающих крик
Над великой рекой полноводной.
Я ему в глаза заглянул:
«Есть ведь рейс Одесса — Стамбул!..»
Тронул галстук он, плохо завязанный,
И ответил, взглядом скользя:
«Мне в Россию пути заказаны.
Мне в Россию вернуться нельзя...»
Кто он?
Власовским был ли солдатом?
Был убийцей ли из-за угла?
Как же нужно быть виноватым,
Чтоб Россия простить не могла!

Там, у нас, в Москве или Туле
Первый снег на землю летит,
И по этому снегу
В Стамбуле
Иностраннный русский грустит.

Пусть моя Отчизна далеко!
Под какой бы ни бывал я крышей,
Мне повсюду дышится легко,
Я везде ее дыханье слышу.
Завтра уезжаю я в Москву.
Здесь сегодня мой последний вечер.

Если рисовал бы я тоску,
Я бы вспомнил вот об этой встрече.

1965

БОГИ

Вот спешат туристы за гидом —
Надо все успеть осмотреть.
Подведет он их к пирамидам,
Он им даст насладиться видом
И на солнышке попотеть.
А потом он туристов ведет в подземелья,
Возле каменных статуй в душных гробницах
Он туристам на языке понятном
Непонятные надписи объясняет.
«Вот Озирис», — ткнет правой рукою в бога.
«Вот Амон», — ткнет в бога левой рукою.
Истуканы стоят неподвижно и строго,
Молчаливые стражи тишины и покоя.
Я не камням бы этим —
Нилу бы поклонился.
Я бы, как Эхнатон,
Солнцу бы помолился.
Гид торопит дальше туристов.
Да, такие у них пути:
Рим, Афины, древний Египет.
Интересно?
Потей и плати!
Я под солнцем Африки грозным
По своим тоскую горам.

Мой народ пирамид не создал,
Никому не построил храм.
Хоронили своих убитых,
Насыпали мы наспех курган,
Нет, не статуя из нефрита
И не бронзовый великан —
Наши боги.
Под тенью кедра,
Привязав к ветвям лоскутки,
Духу гор мы молились и ветра,
Духу дерева и реки...
Наши боги не камень и глина,
А краса родимых небес,
Да зеленая та долина,
Да идущий по склонам лес.
Что там мне о богах болтают?
Я — всего живого творец,
И высокие горы Алтая —
Вот мой храм
И вот мой дворец!
Ни гробниц, ни храмов блестящих
Бедный мой народ не воздвиг.
Только если все преходяще,
Может, был он мудрей других?
В алебастровой спит гробнице
Позолоченный фараон.
Мерно двигались колесницы
В давний день его похорон.
Облаков едва не касаясь,
Известняк его сторожит...

Так же мертв он, как тот алтаец,
Что в степи под курганом лежит.

1965

ПИСЬМО НА РОДИНУ

Здравствуй, мой мальчик,
Здравствуй, мой маленький!
Знал бы кто, как я счастлив,
Что, кроме огромного человечества,
Есть у меня сынок...

Там, у нас, в Москве или Туле
Первый снег на землю летит,
И по этому снегу
В Стамбуле
Иностраный русский грустит.

Пусть моя Отчизна далеко!
Под какой бы ни бывал я крышей,
Мне повсюду дышится легко,
Я везде ее дыханье слышу.
Завтра уезжаю я в Москву.
Здесь сегодня мой последний вечер.

Если рисовал бы я тоску,
Я бы вспомнил вот об этой встрече.

1965

БОГИ

Вот спешат туристы за гидом —
Надо все успеть осмотреть.
Подведет он их к пирамидам,
Он им даст насладиться видом
И на солнышке попотеть.
А потом он туристов ведет в подземелья,
Возле каменных статуй в душных гробницах
Он туристам на языке понятном
Непонятные надписи объясняет.
«Вот Озирис», — ткнет правой рукою в бога.
«Вот Амон», — ткнет в бога левой рукою.
Истуканы стоят неподвижно и строго,
Молчаливые стражи тишины и покоя.
Я не камням бы этим —
Нилу бы поклонился.
Я бы, как Эхнатон,
Солнцу бы помолился.
Гид торопит дальше туристов.
Да, такие у них пути:
Рим, Афины, древний Египет.
Интересно?
Потей и плати!
Я под солнцем Африки грозным
По своим тоскую горам.

Мой народ пирамид не создал,
Никому не построил храм.
Хоронили своих убитых,
Насыпали мы наспех курган,
Нет, не статуя из нефрита
И не бронзовый великан —
Наши боги.
Под тенью кедра,
Привязав к ветвям лоскутки,
Духу гор мы молились и ветра,
Духу дерева и реки...
Наши боги не камень и глина,
А краса родимых небес,
Да зеленая та долина,
Да идущий по склонам лес.
Что там мне о богах болтают?
Я — всего живого творец,
И высокие горы Алтая —
Вот мой храм
И вот мой дворец!
Ни гробниц, ни храмов блестящих
Бедный мой народ не воздвиг.
Только если все преходяще,
Может, был он мудрей других?
В алебастровой спит гробнице
Позолоченный фараон.
Мерно двигались колесницы
В давний день его похорон.
Облаков едва не касаясь,
Известняк его сторожит...

Так же мертв он, как тот алтаец,
Что в степи под курганом лежит.

1965

ПИСЬМО НА РОДИНУ

Здравствуй, мой мальчик,
Здравствуй, мой маленький!
Знал бы кто, как я счастлив,
Что, кроме огромного человечества,
Есть у меня сынок...

Я видел
Морей изменчивую красоту,
Тонущие в огнях города,
Гудящие, как вулкан, города,
Чужие красивые города.
Я видел всюду
Тебя, мой сынок,
Едва закрывал глаза.

Вырастешь, повзрослеешь...
А знаешь, когда повзрослеешь?
Когда увидишь,
Что ослепительные города,
Полнеба сжигающие города,
Как россыпь алмазная, города
Не затмевают в душе
Маленького костра.
Света снежных вершин,
Шума родной тайги...
Вот когда повзрослеешь.

В холм Акрополя бьется
Прибой неоновый. Тонут
Афины в цветном огне.
И как легко улетает
Мечта моя,
Вечная дума
К родным берегам Катуня...
Знал бы ты, как мы счастливы,
Очень, мой мальчик, счастливы,
Что, кроме огромной планеты,
Есть у нас наша родина —
Наш голубой Алтай!
И есть нам куда вернуться,
Есть, что повсюду помнить,
Есть, что любить и беречь.
Как сердце алтайца, чистые
Вечные наши горы,
Можжевательника запах,
Песни густые, как кровь,
Добрые люди, родня...

О, как мы безмерно счастливы, мальчик!

БРОНЗОВОЕ ЗЕРКАЛО

Это зеркало танское, Пазырыкский курган...
Как попало оно на Алтай, в Улаган?
Кто его смастерил? Кто своей красотой
Любоваться хотел и за смертной чертой?

Молчаливая бронза далекой страны.
Только шелест травы, только звон тишины...

По Гобийской пустыне, качаясь в пыли,
Шел большой караван из далекой земли.
Над могучей двугорбой верблюжьей спиной
Цвел на красном песке балдахин голубой,
И под ним, от палящих скрываясь лучей,
Горевала принцесса со служанкой своей.
Далеко-далеко за Великой стеной
Оставляла принцесса дворец золотой,
Где отец-повелитель, труслив и жесток,
Стать женой чужеземца принцессу обрек,
Чтоб кочевников диких смирить племена,
Будет хана ласкать молодая жена...

Драгоценного зеркала гладкий металл,
Сколько раз он девичью слезу отражал!
Сколько раз ей казалось жемчужной петлей
Ожерелье на шее ее молодой,
И блестела порой дорогая парча,
Как отточенный остро клинок палача.
Для чего ей небесного цвета шелка
В прспыленной кибитке того степняка?
Будто лотоса южного нежный побег,
Там замерзнет она и погибнет навек.
Там, в зеленых садах полуночной страны,
Расцветают лишь дочери старшей жены,
Там интриги и зависть, там месть и хула.
И зачем она в танском дворце расцвела!
Но служанка у ног госпожи молодой
Утешала красавицу речью иной:
«Я слыхала, владыка племен Кун-Тенгри —
Витязь смелый и ликом яснее зари.
Был извечным врагом он для танских царей,
Будет верным щитом он отчизне твоей.
И властители всех согдианских племен
Не к тебе ли с дарами придут на поклон?»

Иероглифом красным в столице отца
Твое имя в людские запишут сердца,
И не Лунным Цветком, а Полярной Звездой
Будут звать тебя люди за подвиг такой».
Но молчала принцесса, тиха и грустна:
Кто там вспомнит ее? Позабыта она.
От бархана к бархану и вновь на бархан
По Гобийской пустыне идет караван.
Только солнце палит от зари до зари,
И не видно священной Алтайской горы.
То ли холм там краснеет над красным песком,
То ли облако тает на небе пустом?
Только где-то над жаркою гранью земли
Одинокая тень голубеет вдали.
Только чудится где-то бассейн голубой —
Дно из яшмы зеленой, фонтан над водой,
Золотистые рыбки лениво плывут...
Но качается мерно усталый верблюд,
И шатается в седлах охраны отряд —
Где-то кони храпят, где-то латы стучат,
И кайчи-чужеземец весь день напролет
Непонятную песню устало поет.
Только цокают в лад наконечники пик,
Будто такт отбивает охрипший старик...
Вот и вечер. К подножью оранжевых гор
Белоснежной принцессе поставлен шатер,
И посол императора, льстец и хитрец,
Достает, улыбаясь, с дарами ларец.
Дипломат и вельможа, в чехле борода,
Много золота старый припрятал туда.
Знает, видно, чиновник — подарки в цене
В той далекой кочевничьей, дикой стране.
А вокруг дорогого принцессы шатра
Стелет ветер дымы от костра до костра,
Кони ржут, и темнеют верблюды в ночи,
И поет свои древние песни кайчи,
Караулы стоят на окрестных холмах,
Безучастные звезды блещут в небесах.
И кольчуги звенят, и дымятся котлы,
И в крошечной ночи только лица светлы.
А в шатре у принцессы лишь свечи трещат,
И невесел принцессы задумчивый взгляд,
И сверкают алмазы при свете свечей
Над застывшими крыльями тонких бровей.

Пазырыкских курганов невнятная речь,
Как постичь мне тебя, как потомкам сберечь?
Будто желтый пергамент минувших веков
Закрывает значки неразборчивых слов:
«Два народа живут в полуночной земле.
Называют их люди Тю-ку и Теле¹.
Ходят в грубых овчинах, кочуют в степях,
Но бесстрашны они и искусны в боях,
В год Змеи, точно смерч, налетела орда
И сравнила с землей на земле города...»
Только слышится мне, как далекий набат,
Где-то бубны стучат, где-то люди кричат,
И плывут с колесницей своей золотой
Белоснежные кони над синей травой.
И долина черна от людей и коней,
И охрипшие всадники мчатся по ней,
И принцесса, в соболях зарывшись меха,
Смотрит в красные лица, от страха тиха.
И огнистою медью сверкают котлы,
И дымят, как предвестие пира, костры,
И пред белым двенадцатикрылым шатром
Громко в бубны колотят жрецы над огнем.
Вот стоит колесница, команды звучат,
Вот простерт коридор меж рядами солдат,
Вот принцессу к шатру сквозь застывший их строй
Осторожно ведут по дороге прямой,
И немые служанки несут перед ней
Легкий шелковый занавес, неба синей.
Вот опущена ткань, и стоит впереди
Сам владыка. И солнце блестит на груди!
Но туманится зеркала бронза в руке,
И уже не понять мне, что там, вдалеке...

На Алтае завьюженном, долгие, точно века,
За дворцовыми окнами пухлые дремлют снега.
То закат заалеет, то бледный синеет рассвет —
Молчаливой принцессе немилого неба привет.

¹ Предки тюркских племен.

Топчут земли чужие копыта коней Кун-Тенгри,
И горит за горами далекое пламя зари...

А в гобийских песках из далекой страны
Караваны спешат, не дождавшись весны.
И фарфор, и ковры, и шелка всех цветов —
Все купец расторопный доставить готов.
И улыбка не сходит с лица у купца,
Только знает принцесса коварство отца,
Только видит принцесса — не шелк, не вино,
Не купцов, а лазутчиков шлют к ней давно,
Чтобы сеять вражду, разделять племена,
Чтобы трон Кун-Тенгри подкосила война.

Но смеется принцессе в лицо Кун-Тенгри
И, целуя клинок, говорит: «Посмотри!
Нет на свете царей, чтоб тягаться со мной —
Пусть дрожат тагбачи¹ за Великой стеной».
Но опять беспокойная шепчет жена,
Что рука у отца жестока и длинна,
Что стрела ядовита, что тайный клинок
Может в сердце ударить в назначенный срок.
Но владыка на троне не слушает жен.
От походов устав, наслаждается он:
Пьет вино и, сойдя на ковер дорогой,
Рыжих пленниц ласкает рукой.
А как стают снега, вновь в седло и в поход
Он тюмени² свои на соседей ведет.
То из Гоби-Алтая несутся гонцы,
То он где-то согдийские рушит дворцы,
То принцессе из гиперборейской страны
Золотого барана везут скакуны.
И в завьюженной юрте певучей строкой
Славит храбрость владыки сказитель седой.

* * *

Вот и снова приходит зима в Улаган,
Белый снег засыпает разрытый курган,
И бледнеют, и меркнут, и гаснут вдали
Золотые видения древней земли.

¹ Тагбачи — китайцы (древнетюркск.).

² Десять тысяч воинов.

Отгорели костры, отзвенели клинки
И снялись, точно птицы тихи и легки,
И исчезли за тлеющей кромкой зари,
Растворились в веках племени Кун-Тенгри.
А в горах Улагана бушует пурга,
И на белых вершинах дымятся снега.
Только луною ночью, как будто сквозь сон,
Вдруг послышится где-то таинственный звон,
Будто кони волшебные манят меня,
Золотыми уздечками тихо звеня,
И атласные гривы взметнув на бегу,
Исчезают, как тени, на синем снегу.
Лишь далекое ржанье сквозь ветер звенит:
— Ты поймай нас, телес, ты верни нас, иркит!¹
И хохочет в горах, далека-далека,
Над седым Улаганом ночная пурга.

1968

БУДЬ СВОБОДНА, ГРЕЦИЯ!

Славе твоих вечных морей,
Красоте твоих горных цепей,
Волшебству виноградных корней,
Доброте твоих мудрых людей —
Шлю поклон тебе, Греция!

Как паломник, турист, пилигрим
Был и я здесь, под небом твоим,
Умывался эгейской волной,
Алтын-Кель в ней узнав голубой, —
Буду помнить их, Греция!

Древний Акрополь, мрамор руин —
Звездной ночью я был там один.
Мне казалось, я слышал богов
С высоты твоих древних холмов.
Узнаю тебя, Греция!

На земле богатырской моей
Есть свои и Геракл, и Антей,
Но копыта алтайских коней

¹Телесы и иркиты — древнейшие племена Алтая.

По земле не ступали твоей,
Это знаю я, Греция!

Над тобою сегодня беда,
Носят траур твои города:
Вновь свободу твою пауки
Взяли в сети, тебе вопреки, —
Это больно мне, Греция!

Знаю я, не от слов, не от слов
Рухнет тюрем железный засов,
Но печаль моя, пусть хоть она
У тюремного встанет окна, —
Будь свободна, о Греция!

1968

ХУДОЖНИК И РЕВОЛЮЦИЯ

Баллада

I

Солнце Мексики, к небу в зените прибитое,
Разноцветно сверкает, как перья фазаны.
Это солнце с рожденья любил Дпегито —
Стройный мальчик с индейскими чудо-глазами.

И еще он любил свой красивый, упрямый,
Свой влюбленный в свободу народ смуглокожий,
Тесноту карнавалов и тихие храмы,
Где мадонны на белых мадонн не похожи.

А глаза у мальчишки — действительно чудо!
Видел он сто цветов, где другие лишь десять!
О, откуда приходит такое, откуда
Эта жажда творить, удивляться, чудесить?

Но кончилась коррида. С трибун стадиона
Расходилась толпа — те бедны, те богаты,
И сурово смотрели седые пеоны,
Ветераны — бойцы из отрядов Сапаты.

И вовеки не скроется солнце в тумане,
Не погаснет в свободу старинная вера!

Так за дело, товарищи! Револьвер в кармане,
Кисть в руке коммуниста Диего Ривера!

Он людские черты лепит грубо и резко,
Ощущая в груди торопящее жжение,
Новой битвой становится каждая фреска,
И любая стена — словно поле сраженья.

Нет, его не прельстит легкой славы приманка.
А к отчизне любовь — бесконечна, бездонна...
И ему улыбалась простая крестьянка,
Мексиканка, натурщица, радость, мадонна.

II

Что за ночи над Мексикой! Полные мощи,
В небо тянутся пальмы гигантского роста,
Дремлет кактусов короткорукая роща,
И на иглы натыканы крупные звезды.

А прибор атлантический бьет, недоступен!
А история в камне молчит, как немая!
А луна золотая повисла, как бубен,
Над руинами капищ ацтеков и майя.

Он бродил при луне по безлюдным дорогам,
Он с ночным мирозданьем беседовал много,
И в тени пирамид передумал о многом
Перед каменным ликом забытого бога.

А наутро опять — кисти, краски, работа!
Плещет красное знамя в руках молодежи,
И ведут на борьбу пролетарские роты
Маркс и Ленин, чуть-чуть на индейцев похожи.

Иногда он, усталый, в раздумье садился:
«Говорят — пролетариев в Мексике мало!
Неужели же я слишком рано родился,
И для нас революций пора не настала?»

Чье же слышу дыханье я за плечами,
В те часы, когда Истину я обнажаю?...
Скрежетали зубами враги. И ночами
Краски фресок со стен соскребали ножами.

Но Ривера опять поднимался на стены,
Восходил на леса, как строитель, как зодчий...

И вставали бойцы павшим братьям на смену,
Примыкал к забастовке прозревший рабочий.

Слышу я, как зовут пролетарские песни,
«Справедливой борьбе безраздельно отдайся!» —
И седлает коня Революции вестник,
Мексиканец, похожий лицом на алтайца.

Нет, не выдумка это и нет, не легенда,
Где-то в прошлом глубоком сплетаются корни,
Знает вечность, что родственны два континента.
Нас единое семя взрастило и кормит.

Первый солнечный луч тронул плоскую крышу.
Золотеет пустынная серая сьерра.
Я Америку вижу и Азию вижу
В мексиканской мадонне Диего Ривера!

Вот я вижу, с утра на работу идет он,
И шаги раздаются все звонче и звонче,
Ярким шарфом индейским вокруг шеи обмотан,
В шляпе широкопелой, в расцветченном пончо.

А над ним — сумасшедшие краски рассвета
Разноцветно сверкают, как перья фазаны,
Штукатурка сырая, еще не прогрета,
В тишине ожидает его прикосанья.

И солдаты Сапаты, сквозь времени дали,
Из стены проступают и смотрят сурово,
И студенты, которых вчера расстреляли,
Оживают и в бой поднимаются снова!

1972

МИТИКО

После просмотра японской
кинокартины «Две любимые»

С твердью каменной споря,
Бьет о скалы прибой,
Мы у синего моря
Снова вместе с тобой.

О, Митико! над нами
Пронесутся года.
Только образ твой память
Сохранит навсегда.

Машет в море далеком
Белой гривой волна,
Немигающим оком
Смотрит с неба луна.

И страна — то иная,
И другие цветы...
Но откуда ж, родная,
Так знакома мне ты?

Эта смуглая кожа
И волос этих мгла...
До чего же похожа
Ты на ту, что была!

Грустью сердце наполнил
Свет улыбки твоей.
Этот свет мне напомнил
Об ушедшей, о ней.

Точно так же стояла
И смотрела в глаза,
Точно так же сияла
На ресницах слеза...

Слышу смех ее звонкий,
Вижу ласковый взгляд...
Нет той милой девчонки,
Не вернется назад.

Но она не исчезла.
Я ее узнаю,
Ах, зачем ты воскресла
Не в родимом краю!

Будут алые зори,
Предрагосветная тишь...
Ты по берегу моря
Снова в сон мой бежишь.

Возвращайся, как птица,
В день весны золотой,

О родная сестрица
Славной девочки той!

Пусть горит негасимо
Пламя нашей любви.
Возродясь в Хиросиме,
Вечно в мире живи!

С голубого Алтая
Я пришлю свой привет,
Ты у моря, родная,
Улыбнешься в ответ.

1975

ПРОМЕЛЬКНУВШИЕ РИСУНКИ

I

Что за звезда над тобою горит негасимо?
Эта звезда только в японском небе видна.
Век наш двадцатый, зажегший звезду Хиросимы,
Хочешь ли ты, чтоб повсюду пылала она?

Люди — оракулы, знающие не понаслышке,
Не по картинкам и книгам и не по сеансам кино,
Люди, чьи веки покрыты загаром той вспышки,
Значит, нам всем ощутить этот миг суждено?

Значит, мы все станем тенью над пепелищем?
Черной золою нас ветер судьбы унесет?
Значит, планету, как судно с пропоротым днищем
Жадной волною в мгновение захлестнет?

Здесь в Нагасаки, как раз в эпицентре взрыва,
Парк насадили.
Стою на одной из аллей.
Руки вздымает к небу статуя Мира,
Молит о мире богов.
И молит людей.

II

Скоро сакура зацветет.
Говорят, весь народ пойдет

Поклоняться цветущей вишне,
Словно это Господь Всевышний.
Скоро сакура зацветет...

Здесь природу боготворят —
Словно храмы, сады стоят.
Как любовно лепят букеты —
Сколько света и сколько цвета!
Здесь природу боготворят...

Волны моря о берег бьют.
Что он хочет сказать, этот гуд?
Что-то хочет поведать море,
То ль о радости, то ль о горе...
Волны моря о берег бьют...

Далека ты, земля моя...
Кверху загнуты крыш края.
Гид-японка прощается с нами,
Долго машем ей вслед руками.
Далека ты, земля моя...

Гид-японка, а знаешь ли ты —
У тебя моей дочки черты.
Ты уходишь, спешишь по делу,
В небе облако красно-бело.
У тебя моей дочки черты...

Украшения храмов пестры,
Пики небоскребов остры.
Люд с работы идет усталый,
Очень юный и очень старый...

III

Легкие, изящные, опрятные
Домики стоят как на смотру.
Всюду иероглифы квадратные —
Ни черта я в них не разберу!

Ох, как стосковался я по нашему!
Досыта я сыт чужой страной.
Сколько ни глазей и ни расспрашивай —
Жизнь-то схоронилась за стеной.

Пусть я за улыбкой этой вежливой
Злобы никогда не замечал —

Самурайских глоток вопль бешеный
Разве так давно уж отзвучал?

Здесь, я знаю, навсегда запомнили
Тот над Хиросимой самолет.
Только что же к берегам Японии
Атомная лодка пристает?..

IV

Я хочу, чтобы все мы
Жили в мирных домах.
Пусть цветут хризантемы
В твоих крошках-садах.

Пусть кипят твои весны,
Очищая сердца.
Пусть шумят твои сосны
Без конца, без конца.

Пусть же меч кровожадный
Будет в землю зарыт.
Пусть журавлик бумажный
Над тобою парит.

V

А я бы сам себе и не поверил,
Что в этот час я буду так грустить.
Так медленно отчаливает берег,
Как будто нас не хочет отпустить.

Красавицы — туристской фирмы сервис —
Поклонами одаривают нас,
И, в искренности их не разуверясь,
Я улыбаюсь им в последний раз.

И мне сказать, с тобой прощаясь, надо,
Что ты необычайно хороша,
Ты — хризантема крошечного сада,
В тебе живет Японии душа.

Наверное, минут пятнадцать хода
И скроется из глаз твоя страна,
Ее цветы,
Ее земля и воды,
Где корабли плывут и острова.

Долго-долго вслед нашему лайнеру
Ветки сакуры шелестят.
Не загадываю желанья,
Чтоб вернуться сюда назад.

Земли разные и наречия,
Но душа-то у нас одна,
И границам не устеречь ее,
Ведь не знает границ она.

Надо, чтобы пушки молчали,
Говорили чтобы сердца,
Чтоб улыбки не покидали
Человеческого лица.

Пусть твоя мне улыбка светит
Через сто земель и морей
И алтайского кедра ветви
Пусть шумят над крышей твоей.

Тяжело океан вздыхает,
Волны бьют наотмашь, в упор.
Исчезают вдали, исчезают
Силуэты острые гор.

Япония 1981 год

НАРЫНСЕЦЕК

Ты подари мне одно мгновенье, Нарынсецек!
Одну улыбку, как дарят кольца — на жизнь, навек.
И полетим далеко-далеко вдвоем с тобой
Под синим небом, над степью желтой и голубой.

И мы услышим и посвист ветра, и рокот рек,
И мы увидим разлив черемух по берегам,
И всюду будет твоя улыбка, Нарынсецек,
Твоя улыбка, что так пристала твоим губам.

Гогочут гуси в седом просторе: «Га-га-га!..»
Олень за ланью в тайге подгорной торопит бег,
Весна одела зеленым кружевом все берега,
Зачем глаза твои так потемнели, Нарынсецек?

Самурайских глоток вопль бешеный
Разве так давно уж отзвучал?

Здесь, я знаю, навсегда запомнили
Тот над Хиросимой самолет.
Только что же к берегам Японии
Атомная лодка пристаёт?..

IV

Я хочу, чтобы все мы
Жили в мирных домах.
Пусть цветут хризантемы
В твоих крошках-садах.

Пусть кипят твои весны,
Очищая сердца.
Пусть шумят твои сосны
Без конца, без конца.

Пусть же меч кровожадный
Будет в землю зарыт.
Пусть журавлик бумажный
Над тобою парит.

V

А я бы сам себе и не поверил,
Что в этот час я буду так грустить.
Так медленно отчаливает берег,
Как будто нас не хочет отпустить.

Красавицы — туристской фирмы сервис —
Поклонами одаривают нас,
И, в искренности их не разуверясь,
Я улыбаюсь им в последний раз.

И мне сказать, с тобой прощаясь, надо,
Что ты необычайно хороша,
Ты — хризантема крошечного сада,
В тебе живет Японии душа.

Наверное, минут пятнадцать хода
И скроется из глаз твоя страна,
Ее цветы,
Ее земля и воды,
Где корабли плывут и острова.

Долго-долго вслед нашему лайнеру
Ветки сакуры шелестят.
Не загадываю желанья,
Чтоб вернуться сюда назад.

Земли разные и наречия,
Но душа-то у нас одна,
И границам не устеречь ее,
Ведь не знает границ она.

Надо, чтобы пушки молчали,
Говорили чтобы сердца,
Чтоб улыбки не покидали
Человеческого лица.

Пусть твоя мне улыбка светит
Через сто земель и морей
И алтайского кедра ветви!
Пусть шумят над крышей твоей.

Тяжело океан вздыхает,
Волны бьют наотмашь, в упор.
Исчезают вдали, исчезают
Силуэты острые гор.

Япония 1981 год

НАРЫНСЕЦЕК

Ты подари мне одно мгновенье, Нарынсецек!
Одну улыбку, как дарят кольца — на жизнь, навек.
И полетим далеко-далеко вдвоем с тобой
Под синим небом, над степью желтой и голубой.

И мы услышим и посвист ветра, и рокот рек,
И мы увидим разлив черемух по берегам,
И всюду будет твоя улыбка, Нарынсецек,
Твоя улыбка, что так пристала твоим губам.

Гогочут гуси в седом просторе: «Га-га-га!..»
Олень за ланью в тайге подгорной торопит бег,
Весна одела зеленым кружевом все берега,
Зачем глаза твои так потемнели, Нарынсецек?

Здесь Чингиз-хана стояла юрта в далекий век —
Не оттого ли тревожно шепчет кругом трава?
Но подари мне свою улыбку, Нарынсецек!
Ведь мрак бессилен, а свет бескраен, а жизнь жива.

Зачем оружие, когда есть дружба и есть любовь?
И жаром сердца растопят люди холодный снег.
Твоя улыбка поможет сладить с бедой любой.
Так подари мне свою улыбку, Нарынсецек!

Как крылья ласточки твои брови, Нарынсецек.
Высок и строен ононский тальник, а ты стройней.
А как глаза твои светят в душу мне из-под век!
Одно мгновенье, а стоит жизни былой моей.

Какое имя — а впрямь из солнца ты создана,
Большого солнца степей монгольских, Нарынсецек.
Во всем, что вижу, твоя улыбка повторена.
Одно мгновенье — как дарят кольца: на жизнь, навек.

ЖИВАЯ ВОДА

Там, где тень отбросил горный гребень,
Где прохлада освежала тело,
Родничок мне с детства был знаком.

Дед мой уверял: родник — целебен!
Вечно голова его белела
В зарослях над самым родником.

Дед с ним вел беседы, головою,
Как живому, бережно кивая...
Вся природа, он считал, жива:

— Дерево не рань — оно живое,
Землю зря не мучь — она живая... —
И сегодня помню те слова!

Помню, заболел я, и тогда-то
Деревянный ковшик невысокий
Дед с водой принес из родника.

— Пей! Целебной силой, внук, богаты
Матери-земли живые соки... —
И сухая дрогнула рука.

Выпил я — и, верьте мне, повеял
День прохладой, силы мне даруя...
Не было здесь чуда — суть не в том:

Просто очень деду я поверил,
Просто верой в доброту земную
Был спасен я — как не раз потом!

1960

КЕДР

Дружишь ты с высокою скалой
И стоишь наедине с собою,
Кроною кудрявой, как метлой,
Разметая небо голубое.

Зелен кроной даже в пору вьюг,
Песни льешь серебряным потоком,
Гордый кедр, мой вечно юный друг,
Что ты вдруг вздыхаешь одиноко?

Не от дум ли тягостных скорбя,
Ты склонился над скалой уныло?
Может, ветер северный тебя
Гнет, мой кедр, твою ломая силу?

Нет, не гнет — качает лишь порой,
Тучи гладят крону и уходят.
Ты стоишь, вздымаясь, над горой,
Ты стоишь, высокий, на свободе...

Пошепчи мне,

я всегда готов

Песню-сказку золотую слушать.

Объясни значение этих слов,

Что мою переполняют душу.

Туча, эй, давай посторонись!
И опасный ветер, злясь и воя,
Кедра не клони и не кружись
Над его кудрявой головою!

1962

СКАЗКА И БЫЛЬ О ЗВЕЗДАХ

Жил-был в селении нашем дед,
Как заяц в зимнюю пору, сед.
Лишь вечер, сбегались в его мы аил —
Он сказывать дивные сказки любил.

Звездную снись окинув глазами,
Трубку куря, начинал он сказанье,
И слово за словом — нас уводил
В волшебное царство ночных светил,

К сверкающим нас возносил небесам, —
Казалось, творил он Вселенную сам —
Седой чародей, всемогущий маг,
С длинной дымящейся трубкой в губах...

А сверху, мигая миллиардами глаз,
Загадочно звезды глядели на нас.
Э н и р Ч о л м о н — молода и светла¹,
Синий таинственный свет лила
На доли и горы, на мир земной,
Сияньем соперничала с Луной...

— В ту сторону неба, детки, взгляните —
Откуда приходят к нам снег и мороз, —
Видите, там, будто связаны нитью,
Семь студеных сверкает звезд² —

Семь Ханов — так у нас на Алтае
Истории их называет люд.
Слушайте, я расскажу вам, что знаю
О том, почему их так люди зовут...

Давно-давно это было, с тех пор уж
Не раз менялся и лик земли —
Сгорбились и поседели горы,
Многие реки вспять потекли...

Алтаем семеро ханов правили —
А над ними царила всегда
Волчья алчность, междоусобная травля,
Зависть злобная и вражда.

¹ Вечерняя звезда (Венера).

² Большая Медведица.

Когда для набега и для разбоя
Стала ханам земля тесна,
Большую войну затеяли меж собою —
Семьдесят лет не стихала она.

Кровь парода лилась рекою,
Над нею пар и туман поднялись, —
На закат взгляните — и ныне тою
Пылает кровью заря и высь...

Дед чубуком своей трубкой погасшей
Направил глаза раскрытые наши
Туда, где гордо высилась голубая
Вершина далекого Тулубая,
За нею атели, как кровь, зарницы,
Их жаркий свет обагрил нам лица...

— Однако нашелся в народе смелый,
Чудесной силы и мудрости человек, —
Горы один передвигать умел он,
Буйных рек останавливать бег.

Вступив в поединок с семью ханами,
Вмиг разгневанный богатырь
В звезды их всех обратил бездыханные
И зашвырнул в небесную ширь.

В небесных пространствах, по вечному кругу
Мчатся одна за другой до сих пор,
Готовы опять вцепиться в друг друга,
Снова затеять кровавый спор...

Так вот свершилось над жадностью, злостью
Победа мудрости и добра...
На этом и сказке конец...

Да и просят

Покоя мои стариковские кости,
И вам, дружки, спать пора...

А мы еще в мире витаем звездном,
Очнувшись, шумим: «Не поздно, не поздно,
Совсем никого не клонит ко сну,
Еще расскажи нам хоть сказку одну!..»
Дед трубку снова набьет табаком,
Раскурит ее из костра угольком,

Подума́в, нам за́дает вопро́сы,
Но мы, притаи́в дыха́нье, молчи́м:

— А ну, отче́го бываю́т моро́зы?
Скажи́-ка мне, поче́му Мечини́¹
Только́ зимо́й в полно́й свет сверкае́т
И меркне́т, пото́м исче́зает лето́м?
А поче́му в родни́ках вода́ всегда́ ле́дяная
такая? —

Так уж и бы́ть — расска́жу об э́том.

Вон — сре́ди самы́х крупны́х созвездий,
Будто́ россы́пи битого́ льда,
Искри́тся Мечин. Когда́-то на э́том месте́
Сня́ла одна́ большо́я звезда́.

Всегда́, как ле́д, прозра́чна и холо́дна,
Спасая́сь от солнца́ знойны́х лучей,
На земле́ с небес спу́скалась она́,
В како́й-нибу́дь пряталась горны́й ручей.

Вот в родни́ках, где э́та звезда́
Лежала́, летни́й пережи́дая зной,
Пото́му так светла́, студена́ вода́,
Сверкае́т, не засты́вая даже́ зимо́й.

Одна́жды звезда́ из ручья́ в голу́бое
Небо́ совсем собралась́ возврати́ться,
Но тут с па́стьбы при́шли к водопо́ю
Конь и коро́ва — напи́ться.

Косну́лись губами́ воды́ — холо́дна
Так, что язы́к к зу́бам примерзае́т,
И ле́дяными́ лучами́ со дна́
Звезда́ бьет в глаза́ им.

Конь заржа́л: «Размно́жжу, размечу́
Одним копы́том ле́дяшку э́ту!»
Коро́ва мычи́т: «Нет, я ее проучу́ —
Вда́влю ее в земле́, не взви́дит свету́!»

И на звезду́ всей туше́й сы́тою
В ручей коро́ва ухнула́ бы́стрый,
Из-под раздво́енных копы́т ее
Брызну́ли с треско́м оско́лки и искры́.

¹ Мечини́ — созвездие Обезьян.

Частицы разбитой звезды ледяной,
Сверкающей пылью взвихрились ввысь,
И в небе, на месте звезды той одной
Тысячи крошечных звезд зажглись.

С тех пор — из россыпи этой звездной,
Как звездочек малых стаи,
На землю падает снег, и морозы
Стали сильнее у нас на Алтае.

Это Мечин — поныне полна обиды —
Мстит земле пургою и холодом
За то, что коровьим копытом разбита,
В ручье на мелкие части расколота...

Много лет пролетело и воды утекло,
Вернулся я снова в родное село.
В первый же вечер на улице слышу —
Мальчишки орут, влезая на крыши:

— Спутник, спутник летит! Да вон же, вон он
За Толубаем, над небосклоном!..
Гляжу я в звездную высь — лучистой
Алой звездочкой спутник мчался.
И звезды, перед ним отступая во тьму,
Приветливо подмигивают ему...

Как в детстве, ввысь гляжу я взволнованный,
Не сказкой, а былью чудесной, новою,
Звездной, сотворенной не силой волшебной —
Народом нашим посланной в небо!..

Жил бы сейчас наш кайчи-мудрец престарелый,
Как на это живое чудо он посмотрел бы,
И какую сказку сложил бы, видя, как над Алтаем
Звезды новые зажигаются и летают?

Может, так он сказал бы:

— Этот спутник и вестник
Добра и мира, — летит к созвездьям,
Чтоб Семь Ханов, враждующих меж собой,
Уже никогда не смели новый затеять бой,
Чтобы воцарился мир — от земли до звезды,
Чтоб и Мечин, забыв, что было и навсегда прошло,
С землей опять подружилась, дарила бы ей тепло.

КОЧЕВНИКИ

Мы кочевников племя. Нам тысячи лет.
Жили мы на Земле как недолгие гости.
Мы с травой уходили,
и белые кости
В молчаливых курганах —
наш единственный след.

Кто мы?

Гул табунов, истлевших в степях.

Кто мы?

Тихий ковыль без конца и без края.

Сквозь века мы прошли на своих лошадях,

Вырастая в седле и в седле умирая.

Да, кочевники мы! И сейчас, и сейчас —

От зимовья к джайляу и снова к зимовью...

Нет,

однажды зажженный огонь не погас,

Он по жилам бежит с беспокойною кровью.

Только лето и сердце зовет нас вперед,

И, прищурившись, смотрим мы в синие дали.

Мы кочевники. Мы беспокойный народ.

Мы за счастьем своим столько лет кочевали.

К новой жизни мы шли,

крепко сидя в седле.

Сто веков прокатились,

и пришло наше время,

И не гости теперь

мы на этой земле.

Мы хозяева здесь,

мы — кочевников племя.

1965

ЗАТОНУВШИЙ КОРАБЛЬ

Лежал корабль на дне залива где-то,

У берегов тропической земли.

Над ним порой, как темные планеты,

Живые проплывали корабли.

Но грянул шторм, какого не бывало:

Безумствуя, среди жуткой темноты,

Он создавал мгновенные провалы

И с белыми вершинами хребты.

Он тайные глубины растревожил,
Он взбаламутил илистое дно.
И весь в ракушках, водорослях ожил
Корабль-мертвец, потопленный давно.

И всплыл, качаясь, сумрачное диво,
И, неподвластен никаким рулям,
По воле волн метался по заливу,
Грозь живым собратьям-кораблям.

Красавцев белых ранили жестоко
Изъеденные ржавчиной борта...
Не так ли спит в иной душе до срока
Убитая, забытая мечта!

1967

ТИЙИН

Поэма

Стремнины полны облаками,
И холодом воздух пропитан,
И в пропасть срываются камни,
Задетые конским копытом.
Тут замерло время. Застыло.
Безмолвны ущелья, террасы...
Вдруг выйдет внизу из аила¹
Батыр Байбарак² седовласый,
Костлявые руки протянет:
— Где сын мой, ответьте мне, горы...
Зубцы каменеют в тумане,
И эхо протяжно, как горе.
Река Кадрийин все сильнее
Бушует в крутых берегах,
Вблизи переправы белеет,
Как снег, голова старика.
И гусь приплывет из тумана,
На крыльях посланье неся,
Девчонка с ведром берестяным
Придет и поймает гуся.
На крыльях заветные строки
Тепло и мольбу принесли...

¹ Аил — летнее жилище конусообразной формы.

² Байбарак — герой алтайского национального эпоса.

Дики и угрюмы отроги.
И слезы в глазах. А вдали
Ревет Кадрийин, стар и вечен,
Не вечен лишь тот, кто живой.
Аил Байбарака под вечер
Синеет за синей горой.
Теперь тут живет мой знакомый
Пастух и охотник Тийин.
Очаг полыхает. Он дома.
Он думает, курит один.
Давно в этом старом аиле
Живет он с женою Чечек.
Он помнит сказанья и были,
Он старый уже человек.
И пусть приближается осень —
Сто весен еще впереди...
Старик орден Ленина носит
У сердца на гордой груди.
Он знатный пастух. Он достоин.
Он крепок, как кедровый ствол.
Он в ратное время был воин
И целых полмира прошел.
О том пехотинце, о нем
Запомнилось немцам, японцам.
Не раз он крещен был огнем,
Но сердце батыра, как солнце,
Сияет и ночью и днем.
Средь древних сказаний один
Курю я со старым Тийином.
Смеется река Кадрийин
И кружится в танце старинном.
На светлых волнах хоровод
Уже облака закружили,
И пиков вершины склонились
И стали видны в дымоход.
Их хочется трогать руками,
Но так неприступен их ряд...
Качая крутыми рогами,
Сегодня маралы трубят.
Туман на вершинах уселся,
Закрыв от восхода жильё...
Аил — он по форме как сердце,
Аил — это сердце мое.

Молчат успокоенно горы,
 На выступах светится снег,
 И скот успокоен в загоне.
 И сел к очагу человек.
 И пламя под варевом стонет,
 И слышатся шутки и смех.
 «Ну, нет тебе вечно покоя! —
 Чечек разворчалась. — Один
 Все прыгаешь. Имя такое —
 Все правильно: Белка — Тийин.
 Эй, Белка-Тийин, ты дровишек
 Подкинул бы лучше в очаг».
 «Чечек мой, цветок мой, я слышу, —
 Негромко старик отвечал. —
 Когда говоришь ты нестрого,
 Тогда уж я Белка — герой.
 Когда ж ты сердита немного,
 Я — Эрлик, коварный и злой.
 Что в шутке плохого? Не знаю...»
 Негромко смеется старик.
 Чечек снова чай наливает,
 Смущенно и молча стоит.
 Очаг этот светел, и даже
 В аиле светла тишина.
 И эта горячая чаша
 Всегда перед гостем полна.
 «Хорошую б завтра погоду... —
 Старик помолчал. — Коли так,
 Тогда мы пойдем на охоту,
 Посмотришь на зверя в горах.
 Налей-ка, чаек твой хорош.
 Болят что-то раны, старуха,
 Неужто готовится дождь?».
 Молчим. И для нашего слуха
 Звучит тишина этих гор,
 Как отзвуки песни старинной,
 Задумчивой, грустной и длинной,
 Как зов и безмолвный укор.
 И только шумит Кадрийин
 Раскатами стона и смеха,
 И бродит бессонное эхо,
 Блуждает меж гор и долин,
 Как рог стookтавный звучит...

То песня Алып-Манаша¹.
Он вдаль уезжает. Спешит.
И горы застыли на страже.
И жаль мне кого-то. И вдруг,
Когда тишина словно дрема,
Я слышу: в ней есть странный звук,
Как будто певец незнакомый
Безмолвною песней своей
Тревожит могучие горы,
И если прислушаться к ней,
То слышится шепот и говор
Давно уж угаснувших дней,
Ушедших в былое людей.

* * *

Тут много пришельцев бывало
С мечом. И в тот год шла война.
За склоном вблизи перевала
Жила там алтайка одна.
Красавица-девушка, та ли,
Что снится и грезится нам?..
Враги ее в жертву отдали
Своим ненасытным богам.
Схватили, — что может быть хуже? —
Костров полыхали огни...
И там же, в родном Яйлагуше²,
Над шеей той девушки дружно
Мечами взмахнули они.
Долина есть Девичья Шея
С тех пор. Чужеземцы-враги
Спешили тогда все смелее
Вперед. Говорят старики,
Что шли чужеземцы к вершине,
Что гром прогремел, говорят,
Судьба свое дело свершила —
На войско пошел камнепад...
И все. И в живых никого.
Один только спасся оттуда,
Разрезав живого верблюда,
Он спрятался в теле его —

¹ Алып-Манаш — герой алтайского национального эпоса, сын Байбарака, был предан другом, послал письмо из плена на крыльях гуся.

² Яйлагуш и Кадрийин — труднодоступные горы.

Молитва той девушки бедной
До самого бога дошла.
И он за жестокость и беды
Им смерть, чужестранцам, послал.
Еще существует преданье,
Мне кажется, правда в нем есть:
Врагов у вершины у дальней
Настигла народная месть.
Он войско привел, юный витязь,
За смерть, за народ, за сестру.
С врагами не первый раз видясь,
Он их окружил. Поутру
Умолкла жестокая сеча,
Лишь ветры стонали вдали,
Костры догорали, как свечи,
И гасли. Тут все полегли.

* * *

Старик предо мною. Я знаю:
Он крепок и мудр. И не прост.
Он будто бы слился с Алтаем,
Он часть этих гор, этих звезд.
Он здесь из легенды, как воин
Из царства батыров седых.
Он доброе сердце большое
Принес из столетий былых.
Под кедром любим, как в аиле,
Уютно ночует один.
По тропам, где козы ходили,
Спокойно пройдет мой Тийин.
Ледник недалеко. Он знает.
Там холод. Но ярок костер.
И чай в котелке закипает.
И трубка дымит до сих пор.
Он весел под ветром колючим,
Кинжал его звонок и чист.
А если идет он по кручам,
Отстанет любой альпинист.
Ружье-переломка стреляет
Без промаха. Наверняка.
И гулкое эхо гуляет
По самым краям ледника.
«Здесь плохо, в горах, городскому,
Перины, дивана здесь нет. —

Смеется Тийин. — Здесь не дома». Смеется. Что скажешь в ответ? «Уж очень вы нежными стали. И что с вами будет теперь? Какой ты, скажи мне, алтаец, Коль холодно летом тебе? Когда-то в далекие годы По этим тропинкам у скал С отцом я твоим на охоту Ходил за крутой перевал. Спать ляжем. И снег заметелит, Накроет. А нам нипочем...»

Молчит. И кошму свою стелет, Своим укрывает плащом. К огню сам ложится. И снова Пьет чай, повернувшись ко мне. А горы черны и суровы И еле заметны во мгле. Сова гулко ухает где-то И дико хохочет впотьмах. Тийин недоволен — примета! — Плохая примета в горах.

«Проклятый шайтан, что почувал?.. — Плюется он, Белка-Тийин. — Наверное, ходим впустую...» Но щедр и богат Кадрийин. Всегда здесь полны арчимак¹, Охотник с добычей всегда. И крепок вкус нашей араки, Чиста и студена вода. Наш край неприступный, где небо В тумане легло на снега. И тут наша древняя крепость, Скрывавшая нас от врага. Мы тут за свободу сражались, Тут звезды горят, как глаза, И в черные горы впитались Погибших бойцов голоса.

¹ Арчимак — переметные сумы.

От древних суровых преданий
 Вдруг сердце заняло в ночи.
 У скал, у замшелых и дальних,
 Ударились звонко мечи.
 Клинок, а не молния сталью
 Ночной небосвод разрубил.
 И витязь на том перевале
 В бессмертный свой рог затрубил.
 И зов этот кровь мою будит,
 Огонь зажигает в сердцах.
 — Он жив, жив Алтай мой, о люди! —
 Кричит мое сердце в горах...
 И плечи как будто прижались
 К плечам. Силу чувствую я.
 С глазами глаза повстречались.
 Судьба моя, доля моя!
 В глазах моих вспыхнул внезапно
 Свет тысячи глаз, свет клинка...
 Вдоль скал по ущелью на запад,
 Качаясь, плывут облака.
 Сверкнуло нежданное утро
 Далекой полоской огня,
 И горы бессонно и мудро
 Глядят на рождение дня.
 Вперед за охотником старым
 Иду, как навстречу судьбе.
 Живут здесь маралы, архары
 И ходят по этой тропе.
 Прошел снежный барс перед нами
 И яркий рассвет завершил,
 И вспыхнуло желтое пламя
 На снежных коронах вершин.
 О хан мой,
 Алтай, словно разум,
 Сверкаешь вверху, впереди, —
 Алтай мой трехгранным алмазом
 У Азии лег на груди.
 А в узкой долине согрелся
 Аил — сердце гор и жилье...
 Аил — он по форме как сердце,
 Аил — это сердце мое.

«Архар стоял рядом со мною,
 А я промахнулся опять.
 Пошел я за рыбой, но быстро
 Все рыбы ушли под волну.
 Неужто в глазах моих искры
 Потухли в былую весну?
 Ружье-переломка, наверно,
 Вдруг стало кривым. Кто поймет?...»
 Сидит он. Качается мерно...
 В колени ладонями бьет.
 Чечек возражает устало:
 «Ну что же ты? Гость у нас тут...
 Опомнись! С ума сошел, старый,
 Ведь люди тебя засмеют!..»
 А может быть, шутит старик,
 А может быть, сердится или
 Устал... Мне уютно в аиле,
 Я гость. Я к жилищу привык.
 Приятна мне гор тишина,
 И ветра раскатистый говор,
 И словно сквозь звезды и горы
 Далекая песня слышна.
 Среди неприступных стремнин,
 Где в скалах столетья застыли,
 Где край мой, крутой Кадрийин,
 Там — добрые люди в аиле.
 И песни летят в дымоход,
 Как ветер. Им вторят утесы,
 Ущелья, вершины, откосы...
 Здесь все вместе с нами поет.
 И горы проснулись от гула,
 И снова ясна голова.
 Я слышу: река затянула
 Певучее, вечное: а-а-а...
 И эхо уносит хоралы,
 Уносит, чтоб вновь повторять.
 Опять задевают маралы
 Рогами за звезды. Опять
 Качают нас песни, как кони,
 Качают нас в седлах века.
 Седеют вершины, и стонет
 Седая в бурунах река.

«А ну-ка, давайте попляшем...» —
И в круг он выходит, старик.
Такого не видел я даже
И к танцам таким не привык.
То пляс это — быстрый, испанский,
То — «шейк», что не встретишь вовек,
Похож он на танец шаманский...
Совсем рассердилась Чечек.
«Ну, старый шайтан, ох уж быстро
Танцует, как старый колдун...
Танцуй! Может, будешь артистом!
Вот, тоже мне, горе-плясун.
Придумал чего бы получше,
Не вытряси только нутро.
Ой, Белка, ты крепко получишь,
Когда опрокинешь ведро».
Мелькают, смеются краски,
И виснут, и глохнут слова,
От этой невиданной пляски
Кружится моя голова...

Коня она быстро седлает,
Чечек. Это едет она.
И песню свою напевает.
От песни ли этой певучей
Травой зашуршала земля,
Протяжно заохали кручи,
Вздохнули листвою тополя?

Вы, женщины, стойкими были
Во имя тяжелых побед,
На слабых плечах выносили
Всю тяжесть страданий и бед.
В раскатах военного гула
Вы были тверды и верны.
И жизнь ваши плечи согнула,
Не все вы остались стройны.
Но все вы душою высоки,
И каждое утро не зря,
Как роза, для вас на востоке
Всегда пламенеет заря.

Тийин еще спит и бормочет,
 О чем-то вздыхает во сне.
 Очаг позабыл об огне.
 Черны головешки, как ночи.
 На склонах маралы трубят,
 Полны и любви, и печали.
 От звуков, от зовов маралых
 Гранитные горы звенят,
 Как струны. И листья, кружа,
 Желтеют над синей долиной.
 На каменный брег Кадрийина
 Иду я, рассветом дыша.
 Туда, где вода всех светлей,
 Туда, где буруны и мели,
 Где быстрые всплески форели
 Для удочки чуткой моей.
 К тенистому лесу иду,
 Туда, где есть домик забытый,
 Давно, одиноко стоит он
 У каменных гор на виду.
 Единственным тусклым окном
 Глядит он на мир отрешенно,
 И дверь покосилась в нем,
 И все позабыто и сонно
 В покинутом доме былом.
 Я дверь отворяю. И слышу
 Я скрип. Я вхожу в мир иной...
 И зев русской печки я вижу,
 Чернеющий передо мной.
 Так где он, хозяин тот давний,
 В каких же краях он теперь?
 С кровати резной, деревянной
 Не встанет он выправить дверь.
 Не выйдет он утречком ранним
 В притихшие горы с ружьем...
 А может, из старых сказаний
 Пришел этот сумрачный дом?
 Сейчас на метле своей гулкой
 Примчится вдруг Баба-Яга,
 Нашепчет — и там, над чугуном,
 Покажутся черта рога.
 А может, поможет советом
 И скажет, что спрятана где-то

Та смерть, что под страшным запретом, —
Бессмертного злого врага.
Но в печке не вспыхнуло пламя,
В трубу не влетела метла.
И ведьма из давних сказаний,
Из давних времен не пришла.
Как будто России кусочек
Остался тут, в доме пустом.
Жил русский. Давно было очень.
Уехал в Россию потом...
И стала избенка пустая.
И путнику в ней хорошо.
Тут зимнюю ночь коротает
Охотник, что в горы ушел.
Сухие дрова в этом доме
И соль, что порой так нужна,
И спички. Оставь незнакомым.
Сурова тайга. Жизнь одна.
Когда-то ходил в эти горы
Отец с переломкой-ружьём.
Когда-то он в непогоду
Захаживал в старенький дом.
А может быть, признак оставил?
Исписана, вижу, стена...
И я с удивленьем читаю
Далеких людей имена.

Мне слышится шепот далекий,
Как будто стена говорит.
Я вижу стихов чьих-то строки
И дата под ними стоит.
«Январь...» И дописано ниже
Отчетливо: «Сороковой».
Здесь песнь о любимой. Я слышу.
Мне чудится голос живой.
Где он в этом мире подлунном?
Быть может, погиб на войне...
И знал ли влюбленный и юный,
Что кто-то прочтет на стене
Стихи его здесь через годы.
Да... Каждый в былое уйдет.
И лишь продолжение рода,
Лишь это к бессмертью ведет.
Слова выступают весомо.

Сквозь горы, года и леса,
В затишье забытого дома
Я слышу людей голоса.
Заметны едва буквы эти! —
Тут подпись отца...
В свете дня
Вдруг грань между жизнью и смертью
Исчезла на миг для меня.
И стали близки эти строки,
И старенький дом стал родным,
И голос отца издалека
Стал четким, доступным, живым.
Как будто заранее знал он,
Что я в этот домик приду...
Метель его след заметала
В том давнем, последнем году.
Его вечерами мы ждали,
Прислушиваясь к тишине.
И белые горы молчали,
И мгла все сгушалась в окне.
А он приходил в этот домик,
Устав после трудного дня.
Был путь его снежен и долог,
Садился он тут у огня.
И нас, малышей, вспоминал он.
Кружился над крышею снег.
Беззвездная ночь завывала.
А в домике слышался смех,
Тут были друзья, были шутки,
Поленья трещали в огне.
Молчал он. И в эти минуты
Грустил. И писал на стене.
Прошло. Как давно это было!
И нет в этой печке огня.
Не видел отца я могилу,
Но вечно он жив для меня.
Бессильны и ветры, и годы,
И тополь, что снова зацвел...
Шагнула в бессмертные рота,
Отец вместе с нею ушел.
Послышался шум за оконцем.
Иду. Пробудили меня...
Стою, оглушен ярким солнцем,
Сверканием теплого дня.

Своих торбоков¹ погоняя,
Чечек проезжает. Иду.
За нею я следом шагаю,
Я полон печали и дум.
А там, где и ветви заснули,
Где кедр над аилом высок,
Тийин спит лицом на восток,
И пес его там караулит,
Сидит, словно черный пенек.

* * *

По козым извилистым тропам
Он едет, старик, на коне,
То шагом, то скачет галопом
По горной и древней стране.
В лицо ему хлещут метели,
Седые морозы трещат,
Поземка постель ему стелет,
Призыв ему ветры трубят.
Среди этих гор и долин
Так много погибло героев,
Так много гостей под горою,
Что весь поседел Кадрийин.
Тут пала священная кровь
Лихих краснозвездных батыров,
И жизнь, цепи рабства отринув,
С тех пор тут воспрянула вновь.
В краю, где пылает закат
В тиши Кадрийинских ущелий,
Седые высокие ели
На синих курганах молчат.
И есть черепа близ долины.
Я видел их. Навзничь и ниц
Лежат они. Гроздьба малины
Пылают огнем из глазниц.
И что это — ягоды? Кровь?
Я долго смотрел изумленно,
Они были словно знамена
Над памятью павших бойцов.
Но нынче иные года,
И жизнь нынче тоже иная.

² Торбоки — годовалые телки.

И даже старик этот знает
Про мир, про моря, города...
«Могучая наша страна,
Нас только задень — будет скверно.
Стреляем мы быстро и верно...»
И сразу смеется жена:
«Хвастун! Ну какой ты стрелок?
Вчера лишь лил слезы рекою,
Ружье, говорил, что кривое.
Ой, горе мое, муженек!»
Обиделся Белка-Тийин:
«Молчала бы лучше всегда ты,
Ведь я говорю о солдатах,
Могучих, как наш Кадрийин.
О наших отличных стрелках,
Что служат, страну охраняя,
И техника наша большая
В надежных и верных руках.
Да разве поймешь ты?...»
Дымком
Струится очаг предо мною.
Горячий казан¹ с молоком
Мне светится желтой луною.
Со старых задымленных стен
Глядят, улыбаясь, актрисы,
Накрашенные их ресницы
Вдруг мне подмигнули и всем...
И плечи их голые стали
От черного дыма черны,
Как будто они загорали
В песках африканской страны.
Принцесса восточная гордо
Танцует, кружит пируэт.
Солдаты стоят в гимнастерках
У длинных крылатых ракет.
Москва и звезда из рубина,
Летающие вдаль облака...
Откуда все эти картины?
Наверное, из «Огонька»...
Красивые люди и страны
В аил, где живет мой Тийин,
Собрались, пройдя океаны.
Велик этот мир, но един...

¹ К а з а н — котел.

Прощайте вы, тропы маральи,
Где ветры сильны и свирепы,
Прощай ты, мой край синескалый,
Гранитная древняя крепость.
Аил, сердце гор, до свиданья,
Родные и добрые люди,
В пути моем трудном и дальнем
Без вас очень грустно мне будет.
Прощайте, ущелья, — веками
Народ тут на стойкость испытан,
Тут в пропасть срываются камни,
Задетые конским копытом.
Река тут играет мне скерцо,
Понятен мне голос ее:
Аил — он по форме как сердце,
Аил — это сердце мое.

1967—1968

МОЙ НАРОД

Из дымных аилов, ущелий ревущих,
Из гор, в бесконечность без цели идущих,
Из рек светлоглазых, по камням бегущих,
Пришел мой народ.
Недвижное время над ним распласталось,
И выжила самая малая малость,
На струнах топшура навеки осталась
Седая печаль.
И годы прошли, и растаяли годы,
Забылись наречья, исчезли народы,
Где высились горы, там плещутся воды,
Но жив мой народ!

Люблю в горах у костра прилечь
В час, как взойдет луна,
И слушать неторопливую речь
Знакомого чабана.

Люблю смотреть на вершины гор —
Над ними звезды зажглись —
И слушать, как бормочет костер,
Как в бочонке бродит кумыс.
И так легко мне, и светел взгляд,
И так спокойна душа...
Но думы
Сердце мое стеснят
И —

словно гроза пришла.
И гром грохочет из черных туч,
И молния сумрак рвет,
И я говорю: «Будь смел и могуч,
Маленький мой народ!
Быть робким нынче тебе не след,
Вставай, сумей побороть
Все то, что за тысячи рабских лет
Вошло в твою кровь и плоть.
Не преградит никакой злодей
Дорогу твою к заре.
Мы не последние из людей
На этой большой Земле!
Не наша доля — печаль и страх,
Наш удел не таков.
Вон как светят костры в горах —
Выше всех маяков!
Эй, костер, веселей гори,
Пусть видят Закат и Восход!
В полный голос теперь говори,
Мой молчаливый народ!»

1968

ЗМЕИНАЯ РЕЧКА

То ли просто извилисто русло ручья,
Будто тропку ему проложила змея,
То ли камушков донных узор золотой,
Как змеиная кожа, блестит под водой, —
Только как ни гляди ты в мерцанье ручья:
Где-то нежится, вьется, танцует змея!
...Он давно уже в трубы, ручей, заключен —
В белых ваннах дымится целебный радон,
И курортницы едут сюда чередой,

Кто с недугом каким, кто с тоской, кто с бедой.
Этой речки таинственный теплый исток —
Столько лет он в веках, как предание, тек,
То в туман одеваясь холодной зимой,
То на солнце змеиной блестя чешуей?
Говорят, что когда-то в былые года
Дочка хана пришла искупаться сюда,
И, коснувшись ногой обнаженного дна,
В золотую змею превратилась она.
С той поры лишь по зову полночной звезды
Поднимается ханская дочь из воды
И, змеиную кожу смывая волной,
Одинокó выходит на берег ночной.
И далекие горы сияют вокруг,
Красотой неземной ослепленные вдруг.
И до самого света, тиха и грустна,
Песня дочери ханской над речкой слышна...

Я не знаю, какие скитальцы земли
Весть об этом волшебном ручье разнесли,
Говоря, будто в нем молодая вода,
Уверяя, что он продлевает года,
Но однажды стареющий хунский каган¹
На змеиную речку послал караван —
Шесть десятков верблюдов и множество слуг —
Пусть возьмут той воды и проверят тот слух.
Долго ждал возвращения их старый каган,
Но назад не вернулся его караван.
Лишь вернулся гонец из далекой земли
И сказал: след верблюдов пески замели.
И великий каган на ступенях дворца
Приказал палачу обезглавить гонца...

Я не знаю, остался ли где-то курган,
Под которым покоится хунский каган,
Но давно уже в трубы ручей заключен,
В белых ваннах дымится целебный радон,
И недобрую славу змеиной реки
Засыпают, наверное, где-то пески,
И смеются курортницы в звездную ночь:
Не споет ли им песенку ханская дочь?

1968

¹ Каган — император.

ТОЙ¹

Снова парни седлают коней,
Стремена говорят над рекой.
Шапки с шелковой кистью надев,
Нарядились девчата на той.

Что за звонкая в речке вода —
Даже горы примолкли вдали!
Будто девушки где-то поют
За далекою гранью земли.

Только где-то смеются они,
Белозубые девушки гор,
И дробится, как эхо, вокруг
Их веселый ночной разговор.

О Алтай ты мой, древний Алтай,
Быстроноги твои скакуны:
Будто крылья у них за спиной,
Будто гривы их ветра полны.

Едут сестры сегодня на той
По дороге своих матерей.
Те же песни поются в горах,
Только стали они — веселей.

Только стали слышнее они,
Будто горы им вторят вокруг,
Будто новое эхо вдали
Подхватило на крылья их вдруг.

1969

¹ Той — праздник (алт.).

Голубая тишина
Ожидания полна.
Солнце красное садится,
Всходит белая луна.
Лишь влюбленному маралу
На вершине не до сна.
Да стоит над кручей витязь,
Молчалив и одинок.
Лук тугой с плеча не снимет,
Золотой не тронет рог.
Он стоит над Яйлагушем,
Очарованной рекой,
День и ночь готов он слушать
Этот голос дорогой.
День и ночь вода струится,
День и ночь звенит вода.
Над рекою серебрится
Молчаливая звезда.
То мигает кедром статным,
То откликнется горам.
Но язык ее невнятный
Непонятен часто нам.

1969

Родина! Разве не радуют глаз
Села, поля, перелески, отроги?
Каждый, наверное, ездил не раз
По столбовой, по железной дороге.

Что за великое счастье промчатъ
Вдоль по отчизне в хорошем соседстве!
Чувствуя — то ли колеса стучат,
То ли стучит — вырывается сердце!

1972

МЕСЯЦ ГОРНОГО БАРАНА¹

*Петру Кордоеву,
председателю колхоза*

В том краю, где туманны морозы зимой,
Ты живешь среди вечных забот и хлопот.
За аилом твоим горы синей стеной,
Где зверье по сугробам узоры плетет.
Рано утром в конторе дымок папирос,
В коридоре витает махорочный дух:
Все, кто руки имеет, — чесальщики коз,
Чешут легкий, как вата, предмартовский пух.
Мягким золотом пух этот кто-то назвал.
Знаменитые шали — с Алтая они.
Он красавиц лебяжье плечо согрел.
Говорят, парижанки в ту шаль влюблены.
Здесь зима холодна: то мороз, то пурга,
А в июне всю степь выживает жара.
И выходит, что жизнь чабана нелегка,
И выходит, не спишь ты, мой друг, до утра.
Ох, и долгой ночная покажется тьма,
Если сон до рассвета ресниц не смежит:
Люди, овцы, окот, холода и корма —
Вереница забот все бежит и бежит.
Так вот жизнь и идет от забот до хлопот
То в горячей степи, то в холодных горах.
То февральская вьюга всю степь заметет,
То промерзшие камни торчат на полях.
Иней вышьет ресницы и ворот забьет,
Словно пыль ледяная морозной звезды.
Может, кто-то суровым наш край назовет,
Но земля здесь прекрасна и люди тверды.
Золотые сердца у моих земляков!
Я запомнил тот вечер, твой дальний колхоз —
Пионеры мне столько дарили цветов,
Что, казалось, я поле с собою унес!
...Мне взгрустнулось сегодня по вешним ветрам,
По просторам, где Чуйского тракта полет,
По оранжевым сказочным нашим горам,
Где я знаю на память любой поворот,
Где живешь ты, могучих архаров сосед,
Попечитель высот, покровитель зверей,

¹ Месяц горного барана — февраль (по алтайскому календарю).

На бессменном посту столько зим, столько лет,
На высоком посту меж людей, для людей.
Пусть от слов моих легких, от искренних строк
На душе твоей станет светлее, друг мой.
Человек своим делом на свете высок.
Я хочу, чтобы счастье дружило с тобой.

1973

ДЕРЕВЕНСКАЯ КУЗНИЦА

Усталый и потный вернулся мой брат,
От горна под вечер пришел он домой.
Тяжелые руки недвижно лежат,
Сидит за столом, как железо, немой.
Он мастер железа, волшебник огня,
Он каждому нужен в деревне своей:
Ракеты к Венере летят, а коня
Какой институт подкует для людей?
С утра до заката весь день у него
Без усталости молот тяжелый взлетал —
Не в домне, а в маленьком горне его
Белеет и гнется послушный металл.
Крестьянская кузня, задымленный кров, —
Не здесь ли берешь ты начало, прогресс?
Не вам ли, прапращуры новых цехов,
Мой предок молитву творил до небес?
Крепчала веками, крута и права,
Рабочего воля в труде и борьбе,
Пока зазвенели железом слова,
Чтоб ими Октябрь заявил о себе...
Ах, брат мой, тяжелые руки твои,
Они как баллада, как песня, как гимн.
О чем ты молчишь, говори, не таи,
Окутанный дымом табачным тугим?
Тверда и медлительна речь твоя, брат.
Слова, точно гвозди, — не вытянешь зря.
Они будто в пламени горна лежат,
Пока, золотые, не вынешь, даря.
Крестьянская кузня, далекий аил,
Синеет над горном флажок огонька...
Не так ли под сердцем я песню носил,
Чтоб молнией вдруг полыхнула строка?..

1974

ОСЕНЬ

Осень бронзой звенит,
Огненный холм, точно храм,
Желтые смотрят в зенит
Свечи осин по горам.
Только и зелен наряд
Кедров у кромки снегов —
В пине знобком стоят
Кедры в краю облаков.
Правят на юг журавли,
Гуси ночами летят.
Где-то — счастливо! — с земли
Вслед им мальчишки кричат.
Тропка твоя, как во сне,
Желтой прикрыта листвой.
Вспыхнут цветы по весне
Там, где прошли мы с тобой.
Золото рдеет в лесах,
Небо синее, как снег,
Горы стоят в поясах
Звонких серебряных рек.
Песни летят вперевой —
Свадьбы справляют окрест.
Парни, как прежде, гурьбой
Едут, чтоб выкрасть невест.
Шапки с кистями на всех
Сдвинуты лихо к бровям.
Лунною ночью их смех
Долго звенит по горам.
Что ж, что невеста не прочь —
Выкрасть велит ритуал!
...Окна распахнуты в ночь.
Сколько же дней я писал?
Рифмой звенел под пером
Каждый опавший листок.
Горы мои за окном,
Как покидать я вас мог?
Как оставляя я свой дом,
Вас забывая порой,
Чтоб на бульваре Тверском
Ждать листопад золотой?
Здесь меж тенистых аллей
Пушкин бродил иногда.
Вон он в крылатке своей

Смотрит сквозь годы сюда.
Болдинский вспомнит денек,
Что-то шепнет горячо.
Желтый кленовый листок
Тихо слетит на плечо...
Осень, любимица муз,
Осень, свершений пора...
Муза моя, я сдаюсь,
Не прогони со двора!

1974

Твое лицо сегодня светит мне
Да лунный свет, стекающий по граням
Высоких чаш...

О чем же в тишине
На этот раз беседовать мы станем?

Давай с тобой о прошлом говорить,
Недавнем, но уже невозвратимом.
...Я трудно жил — мне этого не скрыть,
Был нелюбимым чаще, чем любимым.

Я легких не одерживал побед,
Бывал нередко и смущен, и скован,
Но ты пришла — и хлынул новый свет,
Я околдован... или расколдован?

1974

ГОРДОЕ ИМЯ ТВОЕ

Светлой памяти Лазаря Кокышева

Земля, на которой росли мы с тобой,
Зеленою снова покрылась травой.
А вон синеглазый подснежник босой
Качает, не видя тебя, головой.
Кукушки, как прежде, в лесу над рекой
Кукуют нам долгие годы с тобой.
Как знать мылым птахам, что ты никогда
Уже не придешь их послушать сюда!

И травам зеленым, и синим цветам,
Откуда им знать, что не свидеться нам?

Зовет нас тропинка и горы зовут,
Как будто ты рядом, а нет тебя тут.
В горах чабаны и охотники ждут,
Кумыс по привычке в пшалы нальют,
Целебней напиток не сыщется... Но!..
Но выпить его без тебя суждено —

Растут над твоею могилой цветы —
Впервые цветам не поклонись ты.
И новая шепчет с могилы трава
Стихов твоих нежных простые слова;
И слышится, будто читаешь их сам
Высокому небу и синим горам,
И кедры могучие там, над скалой,
Качают, внимая тебе, головой,

И, словно вздыхая, цветок голубой
Стоит весь в росе над твоею тропой,
И где-то как будто трубят журавли,
Звенят твои песни в туманной дали,

Звенят, уходя, чтоб проститься с тобой
И снова, навечно, вернуться домой...
Лишь сам ты, мой друг, не споешь никогда —
Кто думал, что смолкнешь совсем молодой!

Земля твоя грустью полна в этот час.
Ты даже не знал, что ты значил для нас!
Писал ты стихи, а оставил завет —
И нет им забвенья на тысячу лет,
Навечно с людьми остается их свет,
Как вечно в сердцах остается твой след.
И люди, несхожие с нами лицом,
Они унесут твои песни в свой дом,
И, верю, последний алтаец в горах
Твоим осенит себя добрым стихом!

Мы, сердцем горды и душою чисты,
Прошли, не теряя в пути высоты,
Не славу моля осенить нас крылом,
А души людей очищая огнем.

Нам муза была не рабой, а сестрой,
Когда мы искру высекали строкой.
Ты песню свою не допел до конца,
Никто за тебя не закончит ее,
Но вечна поэзия в наших сердцах,
Как вечно в ней славное место твое!

...Вновь солнце назавтра твой дом озарит,
Наполнятся радостью души людей,
И в школах ребята возьмут буквари
И встретятся с солнечной строчкой твоей.
Студенты за партой, в горах чабаны
С любовью откроют стихов твоих том, —
Слова твои мудрые людям нужны,
Пусть они входят, как солнце, в их дом.
На небе поэзии нашей родной
Ты будешь светить нам высокой звездой.
Не плачь же, что жизнь твоя краткой была, —
Она не ушла, только стала иной.
Не бронза литая, не камень — гранит,
А в сердце

народ

твое имя хранит.

Ты памятник в сердце народа воздвиг —
Стихами твоими Алтай говорит.
И горы, которые ты воспевал,
Не твой ли бессмертный они пьедестал,
И этот печальный алтайский цветок —
Не муза ль его положила у ног?

1975

ДОМ В АНОСЕ

Сколько лет он стоит
Забут,
Будто досками вход
Забит...
Разве тот, кто в нем жил,
Алтай,
Столько лет и зим,
Этих гор не любил,
Алтай,
Не был сыном твоим?

Не в его ль золотых холстах
Трепетали, как в зеркалах,
Росы трав твоих
Луговых,
Блеск вершин твоих
Снеговых?
Этих кедров зеленый свет
И берез дорогая медь —
Им в музеях блистать сто лет,
Им в сердцах людских пламенеть!
Только где же теперь он сам,
Твой художник,
Твой раб,
Твой бог?
Я не верю, Алтай, глазам:
Ты его позабыть не мог.
Как печален он, этот дом!
Тишина кругом, немота.
Банки ржавые под окном,
Красок высохших чернота.
Эй, хозяин, возьми-ка кисть,
Встань-ка снова перед холстом,
Чтоб сверкнула Кадын-Бажи
На холсте твоём золотом!
Тишина в ответ, тишина,
Только горбится старый дом,
Как седой Пазырыкский курган,
Что задумался о своем...

Гений цвета,
Пророк добра,
Он творил здесь еще вчера,
Свято веря, что свой народ
К счастью светлому приведет.
Только имя его, как флаг,
На штыки свои поднял враг.
С чем ты к людям пришел, пророк? —
Трупы корчатся вдоль дорог.
Что осталось от добрых слов?
Безутешные слезы вдов.
Кисть — не шашка и не петля,
Только стонет твоя земля,
Только плачи твои о ней —
Под копытами лошадей...

Кто ответит мне: кто же ты?
А в Аносе — цветут цветы.
А в Аносе — сады в меду.
Узнаешь ли свою мечту?
А в Аносе твой старый дом,
Где Катунь шумит за окном,
Где плывут облака в горах,
Как на звонких твоих холстах,
Будто песня плывет твоя
В очарованные края,
Мне бы петь ее,
Будто пить,
Мне б в века ее
Уносить...

Погибал богатырь, — Алтай,
Ты курган насыпал ему.
Неужели земли на холм
Нет художнику твоему?
Где беда его?
Где вина?
Где он слеп?
Где велик?
Я стою в тишине у окна,
К косяку головой приник.
Ты прости его,
Мой Алтай,
Не забудь его,
Мой Алтай,
Он любил тебя,
Мой Алтай.
Ты врагам его
Не отдай —
Был он боль твоя
И любовь,
Ты один ему
Суд и кровь.

1976

СЛОВА

Слова мои тяжелеют.
Труднее с ними возиться!
А раньше легкими были,
Стремительными, как птицы.

Сами в полет просились,
Из рук вырывались сами —
И пропадали, как птицы,
За кручами, за лесами.

Крылатые, улетали
За горы, за перевалы,
Обратно не возвращались,
Как будто их не бывало.

А нынче нам в лица зрелость
Суровым ветром пахнула,
И мы выверяем слово
Сосредоточенно, хмуро.

А ну как оно подобно
Яванскому бумерангу:
Вернется к нам и ударит,
В сердце оставит ранку,

Да и не ранку — рану,
Ведь слово-то тяжелее!
...Боль познавшие сами,
Мы больше людей жалеем.

«Не ранить бы зря!» — забота
Всегда в душе остается.
Но даже и слово ласки
Теперь нам трудней дается.

Где раньше бы я воскликнул:
«Любимая, дорогая!» —
Теперь все чаще лишь гляну,
Взглядом оберегая.

Где раньше сто клятв, не меньше,
Успел бы высказать другу,

Теперь не скажу ни слова,
Лишь стисну покрепче руку.

Слова мои тяжелеют,
Трудней их ворочать стало.
Не то, чтоб я стал слабее,
Не то, чтоб душа устала,
Но хочется верить,

в нашем

Слове

в зрелые годы

Все больше руды добротной,
Все меньше пустой породы...

1978

К ДОЧЕРИ

Ты стала выше мамы ростом,
Красу и стройность не тая,
Тебе шестнадцать.

Ты — подросток.

Ты птичка нежная моя.
На журавленка ты похожа,
Который учится летать.
Вся жизнь твоя пусть будет тоже
Полету вольному под стать.
Пусть будет ясный день весенний
На сердце у тебя всегда,
И облачком

сомнений тени

Пусть исчезают без следа.
Ты в зеркало глядишь...

не знаю,

Дочурка, где твои мечты?
Ты с матерью себя сличаешь
И сходству очень рада ты.
Пусть будет жизнь чиста, как зорь,
Прекрасна и нежна любовь.
Ты мне, отцу, не делай горя —
Я так всегда горжусь тобой.
Лети! В полете радость черпай,
Пусть ветер под крылом поет!

И как на борту корабля,
Там,
 в космосе,
 наши ребята...

Уж вечер покровом своим
Укутал леса осторожно,
А мы — говорим, говорим
И наговориться не можем.

О чем молчишь, Байару?
Иль струны топшура лаская,
Ты словно подсела к костру
Далеких кочевий Алтая?

В задумчивой нежности глаз
И в тихом напеве старинном —
Века. Ты не слушаешь нас,
Там, у очага Культегина.

Взгляни, твой речистый Бронтой,
На древнего предка похожий,
Внимая мелодии той,
Примолк и задумался тоже.

Последняя гаснет звезда,
Предчувствуя утра рождение...
По рельсам гремят поезда,
И жизнь продолжает движение.

Спасибо,
 родная Москва,
За эту прекрасную встречу,
Спасибо,
 что дружба жива,
За ласку твою и сердечность.

Куранты торжественно бьют,
Отчетливо время считая,
И струны топшура поют
В Москве
 о любимом Алтае.

БЕЛЫМ ОБЛАКОМ ЛЕЧУ...

Белым облаком лечу
Над моим Алтаем!
«Здравствуйте!» — горам кричу,
«Здравствуйте!» — зверям кричу,
Искрометному ключу,
Встречным птичьим стаям.

Манит каждый перевал,
Где бывал и не бывал,
И ложбинки между скал,
И черемух грозди —
На правах большой родни
Все к себе зовут они,
Предлагают: «Отдохни!»,
Приглашают в гости.

Призывают: «Посмотри!
Это здесь богатыри
В дни былые до зари
Пировали щедро,
Это здесь они выросли
По колени в глубь земли,
Вот с того-то и пошли
На Алтае кедры!»

Мы — алтайцы, мало нас,
Только думал я не раз,
Размышляю и сейчас,
Чаще год от года:
Не волшебника ли власть
Превратила в кедры часть
Моего народа?

И, наверно, потому,
Только в руки я возьму
Наш топшур кедровый —
Слышу, мнится голос твой,
Предок дальний, кочевой,
Голос песни горловой,
Зов из глуби вековой,
Зов души твоей живой,
Нежной и суровой!

С кедром в дружбе мы живем,
«Хлебным деревом» зовем
Мы его недаром.
Если в чаше слышу я
Топоры — страдаю я,
Все мне кажется, друзья,
Что короче жизнь моя
С каждым их ударом...
Белым облаком лечу,
Прилететь скорей хочу
К вековому кедрачу
На высоких кручах:
Силу брата ощутить,
Если надо — защитить,
Или просто погрузить
На ветвях могучих!

1982

СТРАННЫЙ СОН

Снилось мне, будто Рерих
В дверь мою тихо вошел.
Сутру — их древнюю книгу
Ночью он мне читал.
Он мне показывал горы,
Цепь фиолетовых гор,
Духа Алтай — Гималаев,
Старца с седой бородой.

Вдруг все исчезло, я вижу —
Льды ломает Катунь,
И как струны топшура,
Серебряные провода
Натянуты над Катунью,
И словно чья-то рука
Струны перебирает,
А я по льдинам бегу.
В правой руке винтовка,
А льдины встают навстречу
И так далеко до берега
(Кажется, это Тюнгур).

В ранних сумерках просыпаюсь,
Рассказываю маме:
«Мне снилось — я шел с винтовкой,
И человек великий
Мне во сне повстречался
И говорил со мной».

И мне отвечает мама:
«Винтовка в руке означает,
Что дух твой мужествен, крепок,
Что честь с тобой неразлучна,
А больше не знаю, сынок...»

Что сон? Блуждание духа,
Прочитанных книг отзвук,
Слова, произнесенные
В глубинах древних веков.

Мне снятся предания, сказки,
И дух Алтай—Гималаев,
Старец седобородый...
Иль это Рериха тень?

Ты здесь проходил по ущельям,
Скрывался в траве с головою,
И письма алтайцев
С тобой говорили внятно.

Сумел ты весь мир объехать,
Ты знал связь времен и народов,
Николай Константинович Рерих,
Седобородый старец.

И лик Алтай—Гималаев
Явил на холстах ты миру,
И, веря в бессмертье людское,
Ты звал к добру всю планету.
И я над твоею книгой
Склоняюсь с благоговеньем
И говорит со мною
Бессмертная мудрость жизни.

Омор

Аллах акбар! Прости мне это,
Что я неловко поступил,
Что я над верой Магомета
Неосторожно пошутил.

Пусть не найдет меня расплата
За несколько неловких фраз.
К законам страшным шарриата
Не прибегай на этот раз.

Ведь я дикарь, ведь я язычник,
Молюсь я солнцу и словам,
Молюсь я шелестенью листьев
И рубан твоим, Хаям.

Я говорю — доньне светит
Нам Улугбекова звезда,
А вот его убийцы... Эти
Покрыты мраком навсегда.

И смотрит непогасшим взором
В нас Рудаки — в нем жизнь сама,
А очи выклевавший ворон —
Без имени, там только тьма.

Кто очи погасил поэта
И кто ученого убил?
Ведь я-то знаю, друг мой, это
И ты, мой друг, не позабыл.

А я дикарь, огнепоклонник,
Не мусульманин, не буддист.
Давай же головы мы склоним
Над родником, что вечно чист.

Поклонимся огню — он старше
Любой удачи и беды.

Давай с водой поднимем чаши
В честь жизнедательной воды!

Давай поклонимся Светилу,
Дающему тепло и свет,
Земле, что нас с тобой вскормила,
Единственной на целый свет.

Споем мы песню в честь Свободы —
Она прекрасней всех богов,
За то, чтоб жили все народы,
Не зная тяжести оков.

Я солнце подниму, как бубен,
Ударю в золотое дно,
И искры людям сыпать будет
Неумолкаемо оно.

Как чашу с молоком холодным,
Я подниму луну в руках,
Чтоб напоить детей голодных
На всех пяти материках.

Знакомы долгие мы годы,
Так что тебе моя вина?
Ведь ты Хаямовой породы,
К тому ж и жизнь у нас одна.

Последуем его примеру —
К нам присоединится он —
За ту Единственную Веру,
За веру в братство всех племен.

1984

ПРОЩАНИЕ С ДРУГОМ

Внуково. Прощанье. Сыплет с неба
Теплый снег или холодный дождь...
В автокаре средь дождя и снега
Ты один в ночную тьму идешь.

Самолет поднялся, громыхая,
Снегу и дождю наперерез;
Огоньками красными мигая,
Отсалютовал и вмиг исчез.

Не в салоне, не среди народа
Саймыч милый оказался вдруг —
Напоследок в трюме самолета
В цинковом гробу лежит мой друг.

Мы, друзья, решили меж собою:
Надо, чтоб вернулся он домой,
Сосны пусть шумят над ним зимою,
Окружают пусть цветы весной.

Там, в горах, где с песнею ходил он,
Где работал, женщин целовал,
Пусть лежит... И над его могилой
Люди скажут добрые слова.

Он тоску не выносил, как скуку,
Прогонял ее улыбкой прочь,
Каждому протягивал он руку,
Каждому надеялся помочь.

Вспоминаю, как недавно, Саймыч,
Мы в столице встретились с тобой,
Как внезапно потеплело за ночь,
И поздравил ты меня с весной.

Ты любил Москву, ты под Москвою
В сорок первом ранен был году.
Сыплет снег. Гляжу на снег с тоскою,
Словно все еще чего-то жду.

Мокрый снег, как в забыты, глотаю
И отчаянно гляжу в зенит,
Словно бы в столицу вновь с Алтая
Саймыч долгожданный прилетит.

Может, я напрасно сердце мучу,
Только я не приложу ума,
Что же умирает самый лучший,
Отчего сильнее света тьма?

Жил с азартом и дружил с азартом,
Был душою самый молодой,
А теперь, подстреленный инфарктом,
Догорел падучею звездой.

1983

ДЕРЕВЯННЫЙ ГОРОД

И в дожде, и в цветах
Деревянный город,
И сиренью пропах
Деревянный город.

А на мостовой
Деревянной — солнце,
А над синевой
Облако пасется.

А деревья хотят
Улететь в небо...
Сколько я лет подряд
В городе том не был?

Вечно времени нет...
(А куда пропало?)
Повидал целый свет,
И все еще мало.

И хотя любой труд
По душе и в радость,
Да вот годы идут,
И подступит старость.

Голубая мечта
Станет бескрылой,
Жизнь погонит тогда
В хвост ее, в гриву...

Жадность, зависть и спесь
Сглазят твой разум
И с высоких небес
Свалишься наземь.

Что ж, тяни жизнь свою,
Обрастай жиром.
А мечта где? В краю
Непостижимом.

Нет, не верю, что жизнь
И мечта врозни.
Жизнь идет тоже ввысь
Через все козни.

Снится мне по весне
Снова мой город.
Мчится юность ко мне,
Распахнув ворот.

«Отдавайся мечте! —
Требует сердце,
— К муке и клевете
Не притерпеться.

Возвращайся назад
В нежную юность,
Будешь снова крылат», —
Шепчет, волнуясь.

Крыльев нет у меня,
Но зато добыт
Мною с первого дня
Неплохой опыт!

Крыльев нет, есть любовь!
Вот и я вправе
Взмыть в простор голубой,
Как в мечте, — в яви!

СОДЕРЖАНИЕ

В. Чпчинов. Самобытный поэт 3

Зеленая ветка кедра

«В пути, как факел, поднимаю Слово...». Перевел И. Фоянков	7
«Стреляют почки, как хлопущки...». Перевел Л. Решетников	8
Брат. Перевел И. Фродов	—
Каярлык. Перевел Г. Кондаков	9
«В горах Джайлау колыбель моя...». Перевела Е. Стюарт	—
«Я люблю тебя, Родина...». Перевел И. Фоянков	10
«Где начало, где конец вселенной?..» Перевел И. Фоянков	—
У огня. Перевела Е. Стюарт	—
Моя песня. Перевел И. Фоянков	11
Планета. Перевел И. Фоянков	12
Руки. Перевел И. Фоянков	13
Думы у Черного моря. Перевел И. Фоянков	14
Ленин и солнце. Перевел И. Фоянков	15
О картинах Гуркина. Перевел И. Фоянков	—
Родная земля. Перевел И. Фоянков	18
Парни гор и степей. Перевел И. Фоянков	20
Горная речка. Перевел И. Фоянков	21
Чуйская дорога. Перевела Е. Стюарт	22
Дочке. Перевел И. Фоянков	24
«Нет, я не Прометей...». Перевел Е. Храмов	25
Смерть колхозника. Перевел Е. Храмов	27
Матери наши. Перевел Е. Храмов	29
Золотая кукушка. Перевел Е. Храмов	30
Бороуул. Баллада. Перевел А. Смольников	31
И мы знаем. Перевел Е. Храмов	34
Осень в горах. Перевел А. Смольников	36
Великое кочевье. Перевел Э. Балашов	38
Конь. Перевел А. Смольников	39
Зеленая ветка. Перевел Е. Храмов	40
«О светлая Муза, взгляни на меня...». Перевел А. Смольников	43
«Я опять приезжаю в родные места...». Перевел А. Смольников	44
Двери. Поэма. Перевел А. Смольников	45
Мраморные горы. Перевел А. Смольников	51
«Как приеду я снова домой...». Перевел А. Смольников	52
Я — Майя. Перевел А. Смольников	53

«Когда я говорю: «О мой Алтай...». Перевел А. Смольников	54
«Трубят маралы...». Перевел Е. Храмов	55
«Среди заманчивых реклам...». Перевел А. Юдихин	56
«Вот я белой бумаги достал из стола...». Перевел А. Смольников	57
Я — алтаец. Перевел А. Смольников	58
Человек. Перевел И. Фоянков	59
Маленький аэропорт. Перевел А. Смольников	61
Маленький художник. Перевел И. Фоянков	62
Алтай. Перевел А. Смольников	64
Мои журавли. Перевел А. Смольников	—
На берегу Иша. Перевел А. Смольников	65
Партийный билет. Перевел И. Фоянков	67
Месяц октябрь. Перевел Л. Чикин	68
Думы у Мавзолея. Перевел И. Фоянков	69
Высота. Перевел А. Смольников	70
Сосна. Перевел А. Смольников	71
Лето. Перевел И. Фоянков	72
Слово, сказанное людям. Перевел А. Смольников	74
Аргonautы. Перевел А. Смольников	75
Моему мальчику. Перевел И. Фоянков	76
«Из грохочущих, дымных, больших городов...». Перевел А. Смольников	78
«Я разыскивал юность свою...». Перевел И. Фоянков	79
Как птицы. Перевел И. Фоянков	80
Есть неведомая связь. Перевел И. Фоянков	81
Ползабытые мотивы. Перевел Е. Храмов	83
Высота. Перевел Е. Храмов	84
Думы ночью в горах. Перевел И. Фоянков	85
«Юный ветер нараспашку...». Перевел Е. Храмов	86
Третий глаз. Перевел И. Фоянков	87
Я и снегирик. Перевела О. Мухина	88
Весенние думы. Перевел А. Плитченко	90
Россия. Перевела О. Мухина	92
Песни водопадов. Перевел Е. Храмов	94
Как степных коней. Перевел Е. Храмов	95
«Ну что за жизнь без встречи, без дороги?..». Перевел Е. Храмов	97
Снег среди лета. Перевел Е. Храмов	98
Я — соловей Алтая. Перевел Е. Храмов	99
Родина. Перевел Е. Храмов	100
Прав ли Мудрый?. Перевел Е. Храмов	101
Любовь. Перевел Е. Храмов	102
Поэзии сестра. Перевел Е. Храмов	103

Отблеск суровых лет

Коммунары. Перевел Л. Чикин	105
Коммунист. Перевел И. Фоянков	106
В музее Ленина. Перевел Л. Чикин	—
Огни. Перевел А. Кухно	107
Дорога. Перевел И. Фоянков	108
Дума на старом плацу. Перевел И. Фоянков	110
Шаги. Перевел Ю. Гордиенко	111
Алтайский эскадрон. Перевел Е. Храмов	112
Кайчи. Перевел А. Смольников	112

«Так что же дано мне сказать...». Перевел А. Смольников	114
Сон. Перевел А. Смольников	115
По дорогам отцов. Перевел А. Смольников	116
«Здесь умирали вонны за нас...». Перевел С. Мнацаканян	118
Огни Москвы. Перевел И. Фояков	119
Песни комсомолок. Перевела Е. Стюарт	120
Ружье. Перевел А. Смольников	121
Речка Кальмнус. Перевел А. Смольников	122
Деревья. Перевел А. Смольников	124
В строю старые солдаты. Перевел Ю. Магалиф	125
Женщины военных лет. Перевела Е. Стюарт	126
Думы чабана. Поэма. Перевел И. Фояков	128
Кони. Перевел Е. Храмов	137
Кедр. Перевел Е. Храмов	138
«Каменистая земля...». Перевел Е. Храмов	140
«Не мало вы горя узнали...». Перевел Е. Храмов	142

Лири братства

Гоби-Алтай. Перевел Е. Храмов	144
Байаншор. Перевел А. Смольников	150
Как мы тебя любили. Перевел Л. Чикин	152
Фантазия. Перевел И. Фояков	154
Чурапча. Перевел А. Смольников	156
Дума у могилы Абая. Перевел А. Смольников	157
Голос домбры. Перевел А. Смольников	159
Кавказские горы. Перевел А. Смольников	160
Монгольскому акыну Имашхану. Перевел А. Смольников	162
Сергеевна. Перевел А. Смольников	163
Другу. Перевел И. Фояков	165
«Я их скажу, высокие слова...». Перевел А. Смольников	166
Комус. Перевел И. Фояков	168
Алексею Калкину. Перевел И. Фояков	170
Друзьям. Перевел И. Фояков	172
Мой волшебный корабль. Перевел И. Фояков	173
Воспоминание. Перевел Е. Храмов	175

Строки на листьях

Синий вечер. Перевела Е. Стюарт	177
«На перекрестке тысячи дорог...». Перевела Е. Стюарт	178
«Мне радости солнице сыскало...». Перевела Е. Стюарт	—
Чолушманка. Перевела Е. Стюарт	—
«Вновь надо мною крики журавлей...». Перевел Е. Стюарт	179
Подснежник. Перевела Е. Стюарт	180
«Или это мне приснилось?..». Перевел И. Фояков	—
Провода. Перевел И. Фояков	181
Далекий друг. Перевел И. Фояков	—
Весной. Перевел И. Фояков	183
Струны. Перевел И. Фояков	184
Катунь. Перевел И. Фояков	—
Черемуха. Перевел И. Фояков	185
«Мне глаза, голубые как волны Катунь...». Перевел И. Фояков	187

«И вновь весна. Очнувшися горы...». Перевел А. Плитченко	187
«Ушла электричка...». Перевел Е. Храмов	189
Гуси летят. Перевел Э. Балашов	—
Осень. Перевел Е. Храмов	190
Свет твоих глаз. Перевел Э. Балашов	191
Синься. Перевел Е. Храмов	192
«Мне кажется, что я один на свете...». Перевел Е. Храмов	—
«Чиста и свободна душа...». Перевел Э. Балашов	193
Приходит весна. Перевел Е. Храмов	194
«Вдруг облако...». Перевел Е. Храмов	195
Колдовское дерево. Перевел И. Фоянков	—
Алтайские девушки. Перевел Е. Храмов	196
«Ты глядишь на меня...». Перевел И. Фоянков	197
Осенняя элегия. Перевел А. Смольников	199
«Завернусь я однажды...». Перевел А. Смольников	—
Вечер. Перевел А. Смольников	200
Нэлти. Перевел А. Смольников	201
«Летят над вершинами тучи...». Перевел Л. Решетников	203
«Годы, годы мои...». Перевел А. Смольников	—
«Вот и стол свой накрыл я как мог...». Перевел А. Смольников	204
«Гордо вскинута голова...». Перевел С. Мнацканян	205
Весенние стихи. Перевел С. Мнацканян	206
Счастлива ли ты? Перевел А. Смольников	207
Алма-атинские ночи. Перевел А. Плитченко	209
«Кружилась Земля сто лет...». Перевел А. Смольников	210
Высокая земля. Перевел И. Фоянков	—
Сомнение. Перевел А. Смольников	212
Строки на листьях. Перевел И. Фоянков	—
«Ах, сердце, и что твое пламя...». Перевел А. Смольников	213
Королева. Перевел И. Фоянков	214
Придет весна... Перевел И. Фоянков	215
Жизнь. Перевел И. Фоянков	—
«Белой вьюгой, снегом опушимся...». Перевел И. Фоянков	216
Ветер любви. Перевел И. Фоянков	217
В сердце моем. Перевел И. Фоянков	219
Наша лодка. Перевел И. Фоянков	220
«Ты улетишь за горные хребты...». Перевел И. Фоянков	221
«Наколдовала бы, наворожила...». Перевел Е. Храмов	222
Голос. Перевел И. Фоянков	223
«Восторги юношеских лет...». Перевел Е. Храмов	224
Даже другу. Перевел Е. Храмов	225
Хоть проходят годы... Перевел Е. Храмов	226
«Есть в стихах моих гулевая...». Перевел Е. Храмов	228
Последняя ночь. Перевел Е. Храмов	229

Разноликий мир

Акрополь. Перевел И. Фоянков	232
Овидий. Перевел Е. Храмов	233
«Как бы я тоску нарисовал...». Перевел Е. Храмов	235
Боги. Перевел Е. Храмов	236
Письмо на Родину. Перевел А. Плитченко	237
Бронзовое зеркало. Перевел А. Смольников	239
Будь свободна, Греция! Перевел А. Смольников	243
Художник и революция. Баллада. Перевел И. Фоянков	244

Митико. <i>Перевел Г. Карпунин</i>	246
Промелькнувшие рисунки. <i>Перевел Е. Храмов</i>	248
Нарынседек. <i>Перевел Е. Храмов</i>	251

Древо жизни

Живая* вода. <i>Перевел И. Фояков</i>	253
Кедр. <i>Перевела Е. Стюарт</i>	254
Сказка и быль о звездах. <i>Перевел А. Смердов</i>	255
Кочевники. <i>Перевел Е. Храмов</i>	259
Затонувший корабль. <i>Перевел И. Фояков</i>	—
Тийни. Поэма. <i>Перевел А. Потиевский</i>	260
Мой народ. <i>Перевел Е. Храмов</i>	274
Зменная речка. <i>Перевел А. Смольников</i>	275
Той. <i>Перевел А. Смольников</i>	277
«Голубая тишина...». <i>Перевел А. Смольников</i>	278
«Родина! Разве не радуют глаз...». <i>Перевел А. Юдихин</i>	—
Месяц горного барана. <i>Перевел А. Смольников</i>	279
Деревенская кузница. <i>Перевел А. Смольников</i>	280
Осень. <i>Перевел А. Смольников</i>	281
«Твое лицо сегодня светит мне...». <i>Перевел И. Фояков</i>	282
Гордое имя твое. <i>Перевел А. Смольников</i>	—
Дом в Аносе. <i>Перевел А. Смольников</i>	284
Слова. <i>Перевел И. Фояков</i>	287
К дочери. <i>Перевела Е. Стюарт</i>	288
Радостная встреча. <i>Перевела О. Мухина</i>	289
Белым облаком лечу... <i>Перевел И. Фояков</i>	291
Станный сон. <i>Перевел Е. Храмов</i>	292
«Аллах акбар! Прости мне это...». <i>Перевел Е. Храмов</i>	294
Прощание с другом. <i>Перевел Е. Храмов</i>	296
Деревянный город. <i>Перевел Е. Храмов</i>	297

Владимир Оичинович
Адаров
(Аржан Адаров)

ИЗБРАННОЕ

Стихотворения
и поэмы

Редактор
Л. Ершов
Художник
В. Раменский
Художественный редактор
В. Еранкин
Технический редактор
М. Сафонова
Корректор
Н. Тырышкина

ИБ № 1552

АГ 17538. Сдано в набор 13. VIII. 1985 г.
Подписано к печати 15. X. 1985 г. Формат
84x108/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура
баниковская. Печать высокая. Усл. печ.
л. 15,96. Усл. кр.-отт. 16,012. Уч.-изд. л.
16,147. Тираж 7000 экз. Заказ № 1550.
Цена 2 руб.

Алтайское книжное издательство Государ-
ственного комитета РСФСР по делам из-
дательства, полиграфии и книжной торгов-
ли — 656015, Барнаул, Ленина, 76.

Производственное объединение «Полигра-
фист» управления издательств, полигра-
фии и книжной торговли крайисполкома —
656023, Барнаул, Г. Титова, 3.

2 руб.